ГЕОРГІЙ ГОШТОВТЪ

ДНЕВНИКЪ КАВАЛЕРІЙСКАГО ОФИЦЕРА

Дорогому старому другу Сергѣю Игнатьеву на добрую память о славномъ прошломъ

25-II-31 Игнатовъ

Георгій Гоштовтъ

ДНЕВНИКЪ
Кавалерійскаго Офицера

На страницахъ 168-169 и 184-185 помѣщены схемы съ нанесенными на нихъ мѣстами, упоминаемыми въ Дневникѣ; путь слѣдованія автора обозначенъ пунктиромъ со стрѣлками.

ПАРИЖЪ

18 іюля 1914 г.

Съ двѣнадцатымъ ударомъ, что отбили часы сегодня въ полночь, — началась мобилизація. Для насъ она не была неожиданностью; событія послѣднихъ дней, все нароставшія, естественно, приводили къ необходимости быть готовыми **къ войнѣ.**

Третьяго дня уже знали о мобилизаціи пяти военныхъ округовъ; вчерашней ночью была у насъ ложная тревога. И потому весь день 17/VII въ полку шла хлопотливая, по собственной иниціативѣ начатая, подготовка къ мобилизаціи, — пересчитывались и складывались кирасы, палаши и каски, провѣрялось содержимое цейхгаузовъ, выбрасывался всякій ненужный хламъ... Вахмистры, каптенармусы и эскадронные писаря, между хлопотами, по много разъ собирались на совѣщанія, напрягая память, какъ бы не упустить чего нибудь, что еще надо сдѣлать. Офицеры дѣлили свое время между казармами, конюшнями и собраніемъ, куда забѣгали узнать о новостяхъ и подѣлиться ими со своими товарищами.

Около 10 часовъ вечера адъютантъ, къ общему восторгу, сообщилъ, что наконецъ окончательно объявлена намъ мобилизація, и что началомъ ея слѣдуетъ считать 12 часовъ наступающей ночи.

Въ половинѣ двѣнадцатаго всѣ офицеры собрались въ полковой канцеляріи, по приказанію командира полка. Настроеніе замѣтно приподнятое, разговоры ведутся въ полъ голоса, ходить стараются потише. Иногда

врываются неожиданно рѣзкіе телефонные звонки и вселяютъ тревогу — неужели отмѣна? Послѣ одного изъ нихъ адъютантъ докладываетъ командиру, что штабъ дивизіи подтверждаетъ приказъ о мобилизаціи; это сразу успокаиваетъ и подымаетъ вмѣстѣ общее настроеніе. Замѣтно, какъ глаза у всѣхъ вскидываются поминутно на часы, съ нетерпѣніемъ ожидая полночи.

Съ послѣднимъ, двѣнадцатымъ ударомъ завѣдующій мобилизаціонной частью, вскрывъ печать, открываетъ мобилизаціонный ящикъ. Тишина полная, всѣ присутствуютъ, какъ бы при священнодѣйствіи.

Вслѣдъ за нѣкоторыми товарищами по полку и я получаю именной синій пакетъ за пятью печатями. Содержимое пакета я прекрасно знаю, — предписаніе отправиться въ Царское Село, куда я назначенъ военнымъ членомъ комиссіи по пріемкѣ лошадей, и инструкція. Въ прошломъ году у насъ была произведена пробная мобилизація; производившій ее генералъ Эрдели строго меня проэкзаменовалъ въ знаніи моихъ обязанностей.

Кладу пакетъ въ карманъ и выхожу на улицу. Ночь ясная, теплая, безоблачная; легкій вѣтерокъ доноситъ запахъ цвѣтущихъ липъ изъ дворцоваго парка. Иду въ собраніе, вскрываю пакетъ и прочитываю содержимое.

Боясь потерять минуты, пріобрѣвшія съ этого момента громадную цѣнность, ѣду на свою квартиру. Полкъ уже началъ жить той механической жизнью, когда всѣ 36 часовъ, данныхъ на приведеніе полка въ мобилизаціонную готовность, разсчитаны по минутамъ съ точнымъ распредѣленіемъ, когда, гдѣ и какую работу долженъ нести каждый чинъ полка, отъ командира до рядового кирасира, включительно.

Везетъ меня Павелъ, полковой извозчикъ. Быть «полковыми» извозчиками — привиллегія жителей Пижмы и привиллегія эта сохраняется за ними уже въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи. Вытекаютъ изъ нея исключительное право стоянки въ расположеніи полка и преимущество, во всѣхъ мѣстахъ и случаяхъ, возить

нашихъ офицеровъ съ вокзаловъ и въ городѣ. Знанія ими повседневной полковой жизни, расписаній занятій, кто изъ офицеровъ уѣхалъ въ Петербургъ, а кто остался вечеромъ въ Гатчинѣ — изумительныя.

Родная ихъ деревенька Пижма разбросана пятнадцатью ладно скроенными бревенчатыми избами по опушкѣ болотистаго, низкорослаго, береза съ сосной, лѣса, въ 7 верстахъ отъ Гатчины. Дворы съ огородами тянутся по одну сторону дороги, а по другую — луга и пастбища; земля плоха, хлѣбъ родитъ слабо и потому пижменцы издавна занимаются извознымъ промысломъ. Разъ въ годъ, въ праздникъ ихъ прихода, деревня устраиваетъ пиршество. Староста Аверьянъ, наканунѣ, съ низкими поклонами, приглашаетъ господъ офицеровъ навѣстить ихъ въ этотъ день. И много радости и гордости доставлялъ имъ тотъ, кто заѣзжалъ поздравить и выпить поднесенную чарочку за процвѣтаніе ихъ деревни.

По дорогѣ домой заѣзжаю на вокзалъ, чтобы справиться, какъ мнѣ добраться рано утромъ въ Царское, но увы, съ объявленіемъ мобилизаціи, всѣ поѣзда на Петербургъ пріостановлены и способа попасть туда по желѣзной дорогѣ нѣтъ никакого. Прошу Павла отвезти меня въ своей пролеткѣ; вѣдь до Царскаго лишь 18 верстъ по шоссе. «Съ охотой, да я самъ запасной, значитъ, должонъ явиться, да еще одну лошадь отвести».

Послѣ такого неутѣшительнаго отвѣта, Павелъ добавляетъ, что онъ запасной унтеръ Семеновскаго полка, что любитъ свой полкъ и боится, какъ бы не получить назначеніе въ какой либо чужой. Онъ замолкаетъ, занятый своими мыслями, и не замѣчаетъ, что его конь плетется шагомъ. Потомъ неожиданно бьетъ себя ладонью по лбу, подстегиваетъ кнутомъ лошадь и вслухъ рѣшаетъ, минуя воинскаго начальника, ѣхать прямо въ казармы родного Семеновскаго, чтобы просить о своемъ зачисленіи въ полкъ.

Подъѣзжаю къ квартирѣ въ большомъ трансѣ — какъ же я доберусь къ утру въ Царское, но здѣсь выру-

чаетъ догадливость того же Павла. Онъ вспоминаетъ, что въ Гатчинѣ есть наемные автомобили и предлагаетъ отвезти меня къ ихъ собственнику. Послѣ долгихъ звонковъ, стуковъ и переговоровъ, уговариваю того доставить меня утромъ на автомобилѣ въ Царское и уславливаюсь притти для этого къ 5 часамъ утра.

Непробуднымъ сномъ спитъ, прикрывшись ставнями, тихая, мирная Гатчина — городъ семейственной, средней интеллигенціи. Сквозь щели нѣкоторыхъ ставенъ мерцаетъ чуть замѣтный свѣтъ отъ огоньковъ лампадокъ. Тишину и покой нарушаютъ лишь перекликающіеся пѣтухи, да шелестъ листьевъ отъ набѣгающаго предразсвѣтнаго вѣтерка.

У меня въ передней, въ присутствіи Павла, отдаю распоряженія моему деньщику Панютѣ — сложить вещи и мебель и перевезти въ собраніе; отложить по списку, мною составленному то, что надо взять въ походъ; получить въ полку вьюкъ и заводную лошадь; разложить вещи самыя необходимыя и походную кровать во вьюкъ, а остальныя въ чемоданъ, сдавъ его затѣмъ въ обозъ II разряда.

Павелъ обѣщаетъ съ утра прислать своего младшаго брата съ телѣгой на помощь Панютѣ, затѣмъ трогательно со мною прощается, крестится и уходитъ.

Проспавъ около двухъ часовъ, окатываюсь холодной водой, выпиваю приготовленный Панютой, кофе, одѣваюсь и бреду на Соборную къ автомобилисту, носящему неблагозвучную фамилію Шпіонова. Въ его домѣ всѣ проспали. Снова звонки и стуки. Я сажусь на скамейку подлѣ собора и жду. Солнце взошло багровымъ шаромъ. Роса настолько обильна, что сапоги отъ нея мокры. Кругомъ неистовствуютъ воробьи. День обѣщаетъ быть чудеснымъ.

Черезъ полчаса качу на довольно расхлябанномъ автомобилѣ по Царскосельскому шоссе. Непрестанно гудимъ, т. к., несмотря на ранній часъ, движеніе подводъ и пѣшеходовъ, однихъ или съ лошадьми въ поводу,

большое, — очевидно, поднятое мобилизаціей. Солнышко начинаетъ уже замѣтно припекать.

Мысли у меня безпорядочно толкутся, — въ этотъ короткій срокъ надо еще многое сдѣлать, о многомъ написать.

Подъѣзжаемъ къ Царскому. Шпіоновъ проситъ его не задерживать, — поэтому я съ нимъ расплачиваюсь и пѣшкомъ иду разыскивать Воинскаго Начальника. Нахожу его въ большомъ манежѣ, являюсь. Полковникъ даетъ мнѣ провожатаго, чтобы указать мѣсто, гдѣ работаетъ комиссія, въ составъ которой я назначенъ. Большія окна манежа пропускаютъ цѣлые потоки солнечнаго свѣта. У стѣны на опрокинутыхъ ящикахъ примостились писаря и, обмакивая кисти въ чернила, надписываютъ на картонахъ — «гвардія», «артиллерія», «саперы»... Надписанные картоны привязываютъ къ шестамъ. Видимо готовятъ ихъ для разсортировки запасныхъ по родамъ войскъ. У сосѣдней стѣны стоитъ составленный рядъ столовъ и на нихъ безконечныя кипы папокъ, въ которыхъ роются и которыя затѣмъ распредѣляютъ въ извѣстномъ порядкѣ остальные писаря, во главѣ съ военнымъ чиновникомъ. Здѣсь же находится команда молодцоватыхъ гвардейскихъ стрѣлковъ, присланная видимо въ помощь воинскому начальнику.

Передъ манежемъ цѣлое море головъ, большей частью рыжихъ или русыхъ; все запасные Царскосельскаго уѣзда. Много среди нихъ и провожающихъ бабъ. У мужиковъ веселыя возбужденныя лица, ни у одной изъ бабъ я не замѣтилъ слезинки. Подмѣчаю двѣ любопытныя подробности. Несмотря на ихъ еще мужицкій обликъ, при видѣ меня, офицера, всѣ вскакиваютъ, нѣкоторые прикладываютъ руку къ картузу. Вторая подробность та, что запасные чухонцы съ бабами говорятъ на своемъ діалектѣ, между же собой исключительно хотя и на ломанномъ, но русскомъ языкѣ.

На Софійскомъ плацу собираютъ лошадей; здѣсь и будетъ происходить ихъ пріемка. Знакомлюсь съ членами комиссіи; ихъ четверо — членъ земской управы, два

царскосельскихъ обывателя и ветеринарный врачъ со скотобойни. Кромѣ нихъ, къ комиссіи прикомандированы два чиновника, — одинъ, какъ дѣлопроизводитель, а другой, какъ кассиръ, и одинъ полицейскій чинъ для наведенія порядка. Часа два ушло на подготовительную канцелярскую работу и на разстановку въ порядокъ лошадей; послѣднему очень мѣшали жеребцы, приведенные въ большомъ количествѣ. Постепенно стали подходить и пріемщики съ командами отъ воинскихъ частей.

Пріемка началась. Состояла она въ слѣдующемъ: по волостямъ, по подготовленнымъ уже въ мирное время вѣдомостямъ, вызывали по очереди владѣльцевъ съ ихъ лошадьми. Комиссія ихъ осматривала и рѣшала: 1) годна ли лошадь къ службѣ по состоянію здоровья и 2) если да, то къ какому классу ее отнести — упряжныхъ ли артиллерійскихъ, обозныхъ ли и какого разряда обозныхъ, кавалерійскихъ ли и многихъ другихъ. Соотвѣтственно классу и разряду, была нормирована за нее плата и владѣлецъ здѣсь-же получалъ отъ кассира соотвѣтствующую сумму, а я назначалъ лошадь въ воинскую часть, пріемщики отъ которой немедленно ее забирали. Компаньоны мои по комиссіи оказались полными профанами, ветеринарный-же врачъ необычайно тучный, съ одной ногой короче другой, страдалъ отъ жары и почти не выходилъ изъ тѣни, куда онъ пристроился со своимъ стуломъ.

На перерывъ мы пожертвовали полчаса. Все же остальное время до 8 часовъ вечера безконечной чередой проходили лошади и неослабно напряжено было мое вниманіе.

Около половины девятаго, освободившись отъ работы, я уѣхалъ по Царскосельской дорогѣ въ Петербургъ. На вокзалѣ я пообѣдалъ; подававшій мнѣ пожилой лакей освѣдомился, когда я долженъ идти на войну. Узнавъ, что послѣ завтра, онъ съ такой неподдѣльной нѣжностью мнѣ пожелалъ всего добраго и съ такой искренностью произнесъ «храни васъ Господь», что меня

совершенно этимъ растрогалъ. До этой минуты я жилъ какъ бы въ будняхъ мобилизацiи — въ напряженныхъ трудахъ и заботахъ, не дававшихъ возможности ни на одинъ мигъ отвлечься мыслямъ въ сторону. При выходѣ же съ вокзала на улицу я впервые былъ совершенно захваченъ патрiотическимъ подъемомъ манифестировавшаго народа. Отъ Проходныхъ казармъ, въ строю, въ пиджакахъ и картузахъ, но стараясь отбивать четко ногу, шли запасные и вмѣстѣ съ огромной толпой, ихъ окружавшей, пѣли гимнъ. Пропустивъ ихъ, я сталъ искать извозчика; они были въ этотъ вечеръ на расхватъ. Справа отъ меня стояло также нѣсколько человѣкъ, звавшихъ возницу. Наконецъ, одинъ появился. Ожидавшiе его, и видимо долго, вдругъ стали меня просить, чтобы я, какъ офицеръ, и потому имѣющiй въ эти дни преимущество, взялъ его и ѣхалъ бы куда мнѣ нужно. Какое милое, предупредительное отношенiе!

Теперь разгаръ лѣта и изъ моихъ родныхъ въ Петербургѣ никого нѣтъ, всѣ въ деревнѣ. Я рѣшилъ переночевать на квартирѣ моего дѣда, гдѣ всегда были двѣ комнаты въ моемъ распоряженiи. Горничная Наталья, прослужившая у насъ около двадцати лѣтъ и сторожившая теперь квартиру, приготовила мнѣ постель, напоила чаемъ и обѣщала разбудить въ половинѣ пятаго утра.

Впечатлѣнiй за день много, мысли не даютъ покоя, но я, рѣшивъ заснуть, какъ можно скорѣе, гоню ихъ прочь, и съ радостью чувствую, какъ начинаетъ одолѣвать меня дрема.

19 iюля.

Разбудивъ меня ровно въ половинѣ пятаго, заботливая Наталья объявляетъ, что приготовила мнѣ ванну и для того, чтобы я скорѣе очухался отъ сна, разомъ раскрываетъ гардины. Солнечный свѣтъ ослѣпляетъ. Я вскакиваю, бѣгу въ ванную, быстро окунаюсь, затѣмъ проглатываю кофе и завтракъ и въ началѣ шестого, вы-

спавшійся и свѣжій, готовъ съ новымъ запасомъ энергіи, начинать трудовой день.

Прежде, чѣмъ уйти, я обхожу всю квартиру. Съ нею у меня связано столько дѣтскихъ и отроческихъ воспоминаній! Въ этихъ стѣнахъ мною жадно прослушано столько боевыхъ воспоминаній, мастерски разсказанныхъ моимъ дѣдомъ, георгіевскимъ кавалеромъ и дважды раненымъ участникомъ трехъ кампаній. Я снова ихъ переживаю и мнѣ живо представляется Малаховъ Курганъ, Гунибъ, Плевна, Горный Дубнякъ... Теперь настаетъ мой чередъ, его внука, носящаго его фамилію. Про какіе бои я буду разсказывать и буду ли я имѣть право съ такой же гордостью говорить о моемъ въ нихъ участіи?

Попрощавшись и поблагодаривъ Наталью, схожу внизъ. Здѣсь меня поджидаютъ швейцаръ Карлъ Ивановичъ и старшій дворникъ Нилъ, чтобы попрощаться и пожелать мнѣ всего добраго. У подъѣзда ждетъ, предусмотрительно ими приведенный, извозчикъ.

Петербургъ, несмотря на ранній часъ, взбудораженъ и живетъ уже полной жизнью. Далѣе — Царскосельскій вокзалъ, поѣздъ, извозчикъ, везущій меня на Софійскій плацъ, и снова точное повтореніе вчерашняго дня въ полныхъ подробностяхъ... На плацъ заходили въ разное время лейбъ-гусары Павловъ и Святополкъ-Мирскій и звали меня завтракать къ нимъ въ собраніе, но пришлось отказаться — слишкомъ дорога каждая минута.

Днемъ шла пріемка лошадей отъ жителей города Царскаго Села. Среди нихъ проводили сѣраго коня, верхового типа съ примѣсью арабскихъ кровей. Рядомъ съ нимъ шла миловидная барышня лѣтъ 17, видимо очень взволнованная. Когда коня осматривали, она старалась насъ убѣдить, что онъ слабъ, нѣженъ и не сможетъ перенести тягостей войны. Услышавъ слово «годенъ», она залилась слезами, прижалась къ лошадиной мордѣ и цѣловала ее, не отрываясь, прямо въ ноздри. Затѣмъ подбѣжала ко мнѣ и стала умолять, чтобы я коня взялъ въ свою часть, т. к. она только въ этомъ случаѣ почему

то была бы за него спокойна. По статьямъ конь намъ подходилъ и я охотно исполнилъ ея просьбу, передавъ его пріемщикамъ нашего полка.

Сегодня работу кончили мы позднѣе и только сѣвъ въ поѣздъ около 10 часовъ вечера на ст. Александровской, куда я проѣхалъ изъ Царскаго на извозчикѣ, я попалъ къ себѣ въ Гатчину.

Панюта своей расторопностью превзошелъ всѣ мои ожиданія — всѣ порученія были имъ блестяще выполнены. Мои комнаты стали абсолютно пустыми; стояла лишь среди голыхъ стѣнъ кровать, которую Панюта собирался завтра утромъ увезти на извозчикѣ.

Кромѣ того, онъ мнѣ доложилъ, что эскадронъ грузится завтра днемъ, въ которомъ часу — мнѣ сообщатъ по телефону, и что командиръ эскадрона до этого времени просилъ меня не безпокоиться.

Спалъ я отвратительно. Тяжело мнѣ далась рыба, принесенная намъ въ Царскомъ на завтракъ. Цѣлую ночь въ бреду проходили и давили лошади сѣрыя, гнѣдыя, буланыя...

20 іюля.

Проснувшись рано, сейчасъ же протелефонировалъ въ эскадронъ, чтобы получить подтвержденіе всему доложенному мнѣ вчера Панютой. Узналъ, что погрузка назначена на военной платфромѣ въ 5 ч. дня. Выступленіе эскадрона въ 4; а также, что полковой казначей проситъ меня утромъ заѣхать въ канцелярію, чтобы получить причитающіяся по мобилизаціи деньги.

Только я успѣлъ одѣться, какъ ко мнѣ пріѣхалъ Христіани, съ которымъ я семь лѣтъ воспитывался въ одномъ классѣ въ Корпусѣ и вышелъ вмѣстѣ въ полкъ. Послѣдній годъ провелъ онъ въ Петербургѣ въ Академіи и теперь по мобилизаціи вернулся снова въ ряды полка. Своего деньщика Мокіенко онъ послалъ съ вещами въ эскадронъ, а самъ заѣхалъ прямо ко мнѣ.

Я надѣлъ амуницію и вышелъ изъ дому, чтобы больше уже не возвращаться.

Сперва мы вмѣстѣ съ Христіани направились въ полкъ. Дорога туда изучена за четыре года до мельчайшихъ подробностей. Сначала ѣдемъ тихими уютными улицами, обсаженными березами; вдоль улицъ, въ глубинѣ, за палисадниками, скромныя деревянныя дачи. Затѣмъ дорогой между двумя стѣнами зелени — дворцовымъ паркомъ и городскимъ, называемымъ «Пріоратъ». Налѣво на холмѣ весь въ зелени, выкрашенный въ сѣро-синій цвѣтъ, большой домъ, гдѣ на флагштокѣ виситъ флагъ, имѣющій форму и цвѣта нашего полкового флюгера. Въ этомъ домѣ со временъ Императора Павла живутъ наши полковые командиры. Опускаемся внизъ на мостъ черезъ протокъ между озерами. Налѣво, словно въ зеркало, смотрится въ уснувшія свѣтлыя воды игрушечный пріоратскій дворецъ, въ которомъ жилъ во времена Павла, единственный женатый, мальтійскій рыцарь, графъ Литта. Затѣмъ круто подымаемся вверхъ и поворачиваемъ направо по улицѣ, по которой справа стоитъ Гатчинскій дворецъ, а слѣва, противъ него, расположенъ нашъ полкъ.

Слѣзаемъ у канцеляріи, получаемъ въ ней, что причитается, и идемъ въ свой № 4 эскадронъ, гдѣ мы числимся младшими офицерами. Нашъ полкъ четырехъ-эскадроннаго состава. Два эскадрона уже ушли на погрузку. Кирасиры двухъ еще не тронувшихся отдыхаютъ послѣ непрестанной горячей работы за время мобилизаціи. Сразу бросается въ глаза щегольской видъ людей, — имъ выдали все новое, первосрочное. Непривычно видѣть на нихъ фуражки съ козырьками и защитнаго цвѣта; наша дивизія носитъ и лѣтомъ и зимой фуражки съ бѣлыми верхами.

Въ казармахъ — видъ запустѣнія, — все, что въ нихъ было — сложено и снесено въ полковые цейхгаузы и сараи. Заходимъ въ собраніе; оно уже приняло нежилой видъ; всюду на мебели чехлы; столы и стулья сложены, жалюзи опущены. Заходимъ въ залъ. Высоко

на стѣнахъ красуются славныя имена Лѣсной, Полтавы, Аустерлица, Бородина и другихъ мѣстъ боевъ, въ которыхъ нашъ полкъ принималъ участіе за свою вѣрную двухвѣковую службу Россійскимъ Императорамъ, — тѣхъ боевъ, въ которыхъ ковались мощь и величіе Россійской Имперіи. Я показываю на нихъ Христіани, говорю — «названіями какихъ мѣстъ придется вновь украсить эти стѣны» — и ощущаю снова то же, что и вчера утромъ, чувство щемящаго волненія.

Рѣшаемъ съ Христіани сначала поѣхать купить защитныя фуражки, а затѣмъ сдѣлать прощальные визиты полковымъ дамамъ. Въ отдѣленіи Гвардейскаго Экономическаго Общества достаемъ готовыя фуражки, а свои оставляемъ съ просьбой сохранить, т. к. дѣвать ихъ намъ уже некуда.

Балицкіе оставляютъ насъ у себя обѣдать и мы сидимъ у нихъ до половины четвертаго. Серега Балицкій, нашъ однополчанинъ, завѣдуетъ дивизіонной конно-саперной командой и грузится съ ней только завтра вечеромъ.

Въ послѣдній разъ противъ своихъ конюшенъ строится мой родной эскадронъ, въ которомъ я подробно знаю каждаго кирасира и каждую лошадь. Четыре года тому назадъ я вышелъ въ полкъ и сразу былъ назначенъ въ № 4-й. Первые два года я обучалъ новобранцевъ, годъ былъ въ учебной командѣ, и послѣдній годъ завѣдывалъ развѣдчиками.

Какъ всегда, подъѣхали, по очереди старшинства, офицеры, здороваясь съ людьми и затѣмъ командуя «смирно» слѣдующему по старшинству офицеру. Подъѣхавъ къ эскадрону, я невольно залюбовался имъ, — одинъ къ одному, щегольски одѣтые, съ прекрасно пригнанной амуниціей, отлично выравненные четыре полныхъ шестнадцатирядныхъ взвода.

Въ гвардіи каждый полкъ имѣетъ свой типъ и самъ корпусный командиръ лично разбиваетъ людей по частямъ, руководствуясь типомъ полка, то есть внѣшностью и ростомъ. Въ нашъ полкъ поступаютъ люди 2-хъ

аршинъ 8 и 9 вершковъ, смуглые, темнаго цвѣта волосъ, длинноногіе и хорошо сложенные. Оттого и такая подобранность одинъ къ одному нашихъ молодцовъ. Лошадьми полкъ комплектуется рыжей масти отъ 2 арш. 5 верш. и выше.

Раздалась команда: «шашки вонъ, пики въ руку». Эскадронъ отчетливо, какъ одинъ, вынулъ шашки, блеснувъ клинками на солнцѣ, и двинулъ впередъ пиками, встрѣчая своего командира. Вложивъ, по командѣ, шашки въ ножны, эскадронъ замеръ смирно. Командиръ сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что пришло время на дѣлѣ доказать свою вѣрность присягѣ и не посрамить двухвѣковую славу нашего родного полка; затѣмъ снялъ фуражку и перекрестился. Всѣ чины эскадрона, и офицеры, и кирасиры, истово и медленно, осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ.

Здѣсь, я полагаю, наступила та грань, когда отъ кропотливой, заполняющей все время, работы по мобилизаціи, когда нѣтъ времени о чемъ нибудь и подумать, люди получили возможность задуматься надъ тѣмъ новымъ, передъ чѣмъ они предстали — войной со всѣмъ, что она съ собой несетъ.

Справа по три нашъ эскадронъ идетъ по улицамъ Гатчины, направляясь къ военной платформѣ. Толпа, насъ провожающая, достигаетъ уже нѣсколькихъ сотъ. День ясный, безвѣтренный; солнце щедро льетъ на насъ свои лучи. Изъ открытыхъ оконъ бросаютъ цвѣты. Старушки крестятъ насъ широкимъ крестомъ; на глазахъ у нихъ слезы.

Доходимъ до мѣста посадки, спѣшиваемся и разсѣдлываемъ лошадей. Командиръ эскадрона поручаетъ мнѣ сдѣлать разбивку по вагонамъ. Оканчиваю ее и развожу эскадронъ. Люди строятъ изъ рельсъ и шпалъ мостки. Когда они готовы, начинаемъ погрузку лошадей. Со многими приходится много возиться. Если не помогаетъ попона, накинутая на глаза, или проводка вплотную на хвосту у спокойно идущей лошади — люди, подперевъ коня сзади нѣсколькими подпругами, втягива-

ютъ его въ вагонъ насильно. Лошади уже всѣ въ вагонахъ; стоитъ сплошной стукъ отъ переступанья копытами наиболѣе безпокойныхъ. Нѣкоторыя высунули морды изъ открытыхъ дверей, насколько могли, и съ любопытствомъ глядятъ на окружающее. Теперь пришелъ чередъ втаскивать въ вагоны сѣдла. Когда и они погружены, людей вызвали принимать фуражъ.

Мой вѣстовой Карпекинъ, человѣкъ громадной силы, взваливаетъ на спину необычайное количество сѣна и, въ видѣ цѣлаго стога, проходитъ мимо изумленной публики. Удивленнымъ возгласамъ онъ, видимо, очень радъ и они льстятъ его честолюбію.

Желѣзнодорожные служащіе обходятъ вагоны и раздаютъ свѣчи и ведра.

Въ 7 часовъ вечера трубачъ играетъ сигналъ «садись» и черезъ пять минутъ нашъ поѣздъ переходитъ на пассажирскую станцію Гатчина. Платформы, залы, дворъ — все залито народомъ. Кричатъ ура, машутъ шляпами, платками, бросаютъ въ вагоны цвѣты, пачки папиросъ, плитки шоколада. На платформѣ реалисты съ портретомъ Государя, осѣненнымъ двумя національными флагами. Публика все время пытается пѣть гимнъ и Спаси Господи, но въ разныхъ концахъ мѣшаютъ другъ другу и получается разбродъ. Замѣчаю, противъ меня компанію, старающуюся вытащить на середину платформы столъ изъ подъ лотка съ фруктами; это имъ удается. На столъ взбирается высокій бритый господинъ, собираетъ поближе свою компанію, взмахиваетъ руками и громкимъ, покрывающимъ остальныхъ, голосомъ запѣваетъ «Боже Царя Храни». Его компаніоны, видимо, всѣ обладающіе слухомъ и голосомъ, дружно его поддерживаютъ; за ними публика на платформѣ, дальше въ зданіи вокзала, еще дальше на дворѣ. Молитвенные звуки ширятся, растутъ, слышно, какъ подхватываетъ ихъ толпа на прилегающихъ улицахъ. Вдохновенно поетъ случайный и вмѣстѣ мощный хоръ изъ нѣсколькихъ тысячъ людей. Гатчина провожаетъ насъ ве-

личественнымъ, несравненнымъ, нашимъ національнымъ гимномъ...

Поѣздъ отходитъ...

Старенькій, сгорбленный, сѣденькій священникъ, со слезящимися по старчески глазами, снимаетъ наперстный крестъ и благословляетъ каждый вагонъ медленно, медленно отходящаго нашего эшелона. Прощай, Гатчина...

Офицерамъ предоставленъ вагонъ II класса. Насъ шестеро. Командиръ эскадрона Соколовъ и младшіе офицеры: Апрѣлевъ, Христіани, я, Марковъ и Погоржанскій. Апрѣлевъ только что окончилъ первымъ военную академію (безъ дополнительнаго курса), Христіани также прибылъ изъ Академіи, Марковъ переведенъ изъ 2-го эскадрона, Погоржанскій только что вышелъ въ офицеры; такъ что въ эскадронѣ я единственный старый коренной офицеръ.

Черезъ 10 минутъ послѣ отхода поѣзда полагается вскрыть секретный пакетъ съ директивами начальнику эшелона. Мы всѣ съ интересомъ окружаемъ Соколова, ножикомъ взрѣзывающаго конвертъ. Содержимое его гласитъ: «Эшелону двигаться на ст. Вильно, гдѣ будетъ получено приказаніе отъ штаба I арміи о дальнѣйшемъ пути слѣдованія — на Ораны или на Ковно». Здѣсь же эскадронный командиръ распредѣляетъ дежурства по эшелону; мнѣ достается очередь отъ 8 утра до 12 ч. дня.

Мы всѣ сидимъ въ одномъ купэ и бесѣдуемъ при свѣтѣ, все время мигающей въ фонарѣ, свѣчи и подъ мѣрный стукъ колесъ. Дѣлимся впечатлѣніями отъ проводовъ, что устроила намъ Гатчина, стараемся догадаться, гдѣ будемъ высаживаться и сколько времени проведемъ въ пути, вспоминаемъ свѣдѣнія о германской кавалеріи. Молчавшій до сихъ поръ Апрѣлевъ говоритъ — «господа, вѣдь смотры это пустяки, а вотъ теперь пришло дѣйствительно время держать экзаменъ нашей работѣ, нашей подготовкѣ». Христіани добавляетъ: «да и такой экзаменъ, выдержать который или не выдер-

жать — вопросъ чести. Ужъ очень велики послѣдствія отъ результатовъ такихъ экзаменовъ». Бесѣда смолкла, всѣ задумались на только что затронутую тему.

Поѣздъ замедляетъ ходъ, мелькаютъ въ окнахъ рѣдкіе фонари, потомъ все чаще, мы подходимъ къ ст. Сиверская. Народу масса, повсюду флаги.

Встрѣчаютъ насъ пѣніемъ гимна и Спаси Господи. Студенты вбѣгаютъ въ вагонъ, насильно насъ хватаютъ и вытаскиваютъ на платформу. Старикъ съ большой львиной головой, съ національнымъ флагомъ въ рукѣ, очень складно и съ подъемомъ говоритъ. Здѣсь вмѣшивается начальникъ станціи, заявляетъ, что пора эшелону отходить; мы влѣзаемъ въ вагонъ, съ руками, полными цвѣтовъ, что намъ вручили милыя дачницы. Поѣздъ медленно отходитъ; въ открытыя окна слышны постепенно замирающіе звуки гимна и молитвы.

Послѣ Сиверской пьемъ чай съ бутербродами и, кромѣ дежурнаго по эшелону, заваливаемся всѣ спать на, приготовленныя деньщиками на диванахъ, свѣжія постели.

До Луги поѣздъ нигдѣ не останавливался; порой мелькали въ окнахъ огни станцій и одновременно, на короткій мигъ слышались пѣніе и крики ура. Въ Лугѣ, гдѣ мы стояли четверть часа, также происходили манифестаціи. Но о нихъ я только слышалъ отъ другихъ; самъ же, утомленный предыдущими днями, усыпленный мѣрной качкой вагона, проспалъ какъ убитый до слѣдующаго утра.

21 іюля.

Просыпаюсь, разбуженный вкрадчивымъ голосомъ Панюты: «Ваше Высокоблагородіе, вставайте. Пора». Поѣздъ стоитъ на мѣстѣ. Слышно, какъ по сосѣднимъ путямъ мечется взадъ и впередъ, хрипящій и стонущій паровозъ и неистово оретъ. За окномъ переговариваются громкіе голоса. Я приподымаюсь на локтѣ, отодвигаю

синюю занавѣску и при свѣтѣ пасмурнаго утра разглядываю станцію. По надписи на зданіи узнаю, что это Корсовка.

Иду въ уборную умываться; вчера въ смыслѣ чистоты она оставляла желать много лучшаго. Вхожу съ брезгливостью, но къ удивленію вижу, что сегодня она идеально чиста, вымыта и вычищена. Выходя, замѣчаю хитрыя физіономіи собравшихся деньщиковъ, наблюдающихъ, какое впечатлѣніе произвелъ на меня приготовленный ими сюрпризъ. Конечно, разсыпаюсь въ похвалахъ и ихъ физіономіи отъ этого расплываются отъ удовольствія.

Поѣздъ снова тарахтитъ. Смѣняю Маркова, который съ удовольствіемъ идетъ отдохнуть.

Въ открытое окно наблюдаю за пробѣгающими окрестностями. Все поля, перелѣски и безконечныя озера.

На ст. Рѣжица, пользуясь тѣмъ, что стоимъ двадцать минутъ, даю сигналъ «слѣзай», чтобы люди могли напоить лошадей и сбѣгать за кипяткомъ. Обхожу эшелонъ, — всюду полный порядокъ. Въ составѣ поѣзда одна платформа, на которой наваленъ фуражъ подъ брезентами и укрѣплена походная кухня. Кашеваръ Лавницкій готовитъ обѣдъ и отгрызается со своимъ польскимъ акцентомъ, отъ остротъ наблюдающихъ за его работой эскадронныхъ зубоскаловъ.

Около 1 часу дня подходимъ къ Двинску. Нашъ эшелонъ, послѣ ряда маневровъ, устанавливаютъ на далекомъ запасномъ пути. Мы долго добиваемся, сколько времени здѣсь простоимъ и наконецъ узнаемъ, что около часу. Обѣдъ готовъ и люди, звеня шпорами, бренча котелками и затыкая на ходу деревянныя ложки за голенища, торопятся стать въ очередь передъ кухней. Офицеры, всей кампаніей, также идутъ обѣдать въ станціонный буфетъ.

Оказывается, для этого требуется сдѣлать цѣлое путешествіе по желѣзнодорожнымъ путямъ, осложняемое препятствіями, въ видѣ рельсъ, проволокъ и множества товарныхъ поѣздовъ. Въ буфетѣ еле достали мѣ-

ста, пообѣдали, купили провизіи про запасъ, мѣстную газету и пошли къ своему эшелону.

Послѣ Двинска продвигаемся медленнѣе, простаиваемъ подолгу чуть ли не каждой станціи. Ландшафтъ сильно измѣнился — пески и сплошной сосновый лѣсъ. Вечеромъ пьемъ чай и уничтожаемъ запасы, купленные въ Двинскѣ. Въ 10 часовъ приходимъ на станцію Ново-Вилейская; встрѣчаемъ эшелоны съ воспитанниками гвардейскихъ полковъ изъ Варшавы, слѣдующіе въ Петербургъ. Мальчики встрѣчаютъ насъ несмолкаемымъ ура; ихъ пронзительно-мальчишескіе голоса повторяются многократнымъ эхомъ въ лѣсистыхъ холмахъ, обступившихъ станцію. Ложиться спать изъ насъ никто и не думаетъ, — всѣ интересуются, что за приказаніе получимъ въ Вильнѣ.

Послѣ Вилейской, пройдя туннель, подходимъ къ Вильно. Поѣздъ замедляетъ ходъ. Какъ на всѣхъ большихъ узловыхъ станціяхъ, много разбросанныхъ вверху и внизу разноцвѣтныхъ огней, звуки рожка, товарные поѣзда на многочисленныхъ путяхъ, маневрирующіе паровозы... Насъ ставятъ на запасный путь. Долго ждемъ вѣстей, но никто не приходитъ. Тогда мы съ Христіани предлагаемъ пойти къ коменданту. Насъ на это благословляютъ. Только мы отходимъ шаговъ на сто отъ поѣзда, какъ подходитъ къ намъ въ темнотѣ солдатъ и спрашиваетъ про нашъ эшелонъ. Возвращаемся съ нимъ обратно. При свѣтѣ фонаря замѣчаемъ, что это полевой жандармъ. Войдя въ вагонъ, онъ передаетъ пакетъ командиру эскадрона и докладываетъ: «Вашему Высокоблагородію пакетъ отъ Штаба Арміи». Послѣднія слова онъ произноситъ съ нарочитымъ удареніемъ. Получивъ расписку, поворачивается кругомъ, щелкнувъ шпорами, и уходитъ.

Въ пакетѣ приказаніе выгружаться на ст. Козлова Руда, въ направленіи на Вержболово, кроки пограничной мѣстности и свѣдѣнія о противникѣ.

Христіани и я отправляемся на вокзалъ. Картина, намъ представившаяся, малоотрадна и производитъ

большое впечатлѣніе — всѣ залы и даже туннель полны женщинъ и дѣтей, примостившихся на столахъ, стульяхъ и большей частью на полу. Вокругъ нихъ сундуки, чемоданы, узлы. Оказывается, что все это семьи военныхъ, полицейскихъ и чиновниковъ, эвакуированныя изъ пограничныхъ мѣстъ. Пройти дальше, не рискуя наступить на спящихъ на полу, почти невозможно и поэтому мы возвращаемся въ свой эшелонъ.

Наши господа*) легли уже спать, фонари въ купэ задернуты. Люди также храпятъ по своимъ вагонамъ и видятъ, вѣроятно, уже не первые сны. Мы съ Христіани забираемся въ наше купэ и укладываемся. Мнѣ спать осталось мало, такъ какъ мое дежурство по эшелону начинается съ 4-хъ часовъ утра.

«Пакетъ отъ Штаба Арміи»... «Свѣдѣнія о противникѣ»... Люди, спасающіеся отъ этого противника, которыхъ я только что видѣлъ... Вотъ оно подлинное дыханіе войны, въ эту ночь насъ впервые коснувшееся.

Съ этой мыслью, волнующей и вмѣстѣ радостной, крѣпко засыпаю.

22 іюля.

Къ 4 часа утра я уже на ногахъ.

Стоимъ на ст. Кошедары; стоянка, видимо, затягивается, — всѣ пути заняты поѣздами. Рядомъ съ нами стоятъ два эшелона конно-гренадеръ. Въ обратномъ направленіи — поѣзда наполненные эвакуируемыми жителями и какими-то архивами.

Я выхожу изъ вагона и вступаю въ бесѣду съ двумя гимназистками, въ коричневыхъ форменныхъ платьяхъ. Онѣ разсказываютъ мнѣ про мытарства, что пережили ихъ семьи при спѣшномъ отъѣздѣ изъ насиженныхъ оча-

*) Подъ словомъ «господа» подразумѣваются офицеры. Происходитъ отъ сокращеннаго «господа офицеры».

говъ. Отъ пережитыхъ волненій и предутренней свѣжести онѣ бѣдненькія дрожатъ мелкою дрожью.

Въ этихъ мѣстахъ утро наступаетъ замѣтно позже, чѣмъ на нашемъ сѣверѣ. Только въ концѣ пятаго часа утренній туманъ начинаетъ таять въ теплѣ и свѣтѣ взошедшаго солнышка.

Эшелоны конно-гренадеръ, одинъ за другимъ, тарахтя и поскрипывая, уходятъ на Ковно. Пришелъ и нашъ чередъ двигаться дальше. Около 7 часовъ утра проходимъ, не задерживаясь, Ковно. Изъ оконъ наблюдаю лихорадочную работу въ крѣпости. — Артели рабочихъ, сопровождаемыя возами съ лопатами, топорами и другими инструментами, длинной чередой двигаются по шоссе параллельно желѣзной дорогѣ. Въ обѣ стороны торопятся грузовики, наполненные чѣмъ то до верху, прикрытымъ брезентами. У всѣхъ переѣздовъ и у стрѣлокъ стоятъ часовые, охраняющіе желѣзнодорожный путь. Медленно переходимъ мостъ черезъ величественный, глубоко между высокими берегами текущій, Нѣманъ. Его воды, мѣстами клубясь туманомъ, горятъ и серебрятся подъ косыми лучами утренняго солнца.

Въ 8 часовъ подходимъ къ Мавруце, останавливаемся и ждемъ около двухъ часовъ, пока освободятся пути на слѣдующихъ станціяхъ. Наши господа только встаютъ и начинаютъ пить чай; я же, окончивъ свое дежурство, какъ только пришли въ Мавруце, ложусь отдохнуть. Задергиваю занавѣску въ окнѣ, поворачиваюсь на бокъ и начинаю терять обо всемъ представленіе въ забытьи, переходящемъ въ сонъ. Вскакиваю, разбуженный Панютой, — мы должны минутъ черезъ десять подойти къ Козловой Рудѣ, мѣсту нашей высадки. Открываю окно; мы идемъ широкимъ, сплошнымъ корридоромъ вѣковыхъ сосенъ и дубовъ. Деньщики торопятся укладывать вещи.

Поѣздъ, потряхивая на входныхъ стрѣлкахъ, медленно подходитъ къ станціи. Офицеры, надѣвъ амуницію, соскакиваютъ на платформу. Къ намъ подходитъ

начальникъ станціи и объявляетъ, что приказано эшелоны подать еще на двадцать верстъ ближе къ границѣ, на станцію Пильвишки, и тамъ уже разгружаться; простоять здѣсь, по его словамъ, мы должны не менѣе трехъ часовъ.

Люди задаютъ кормъ лошадямъ; затѣмъ, разобравъ по котелкамъ обѣдъ, разбредаются по опушкѣ лѣса, высокой зеленой стѣной вплотную обступившаго крошечную станцію. Высоко горитъ жаркое лучистое солнце. Пригрѣтыя имъ сосны исходятъ смолистымъ ароматомъ. Мы, офицеры, обѣдаемъ въ маленькомъ, буйно заросшемъ саду у водокачки и не надышемся лѣснымъ чистымъ воздухомъ.

Послѣ обѣда я направляюсь къ своему 4-му взводу. Люди расположились за водокачкой, на полянѣ, густо заросшей высокой травой и цвѣтами, въ тѣни нѣсколькихъ просторно растущихъ дубовъ. Я разсказываю имъ о близкой границѣ, о нѣмцахъ, о томъ, что насъ ожидаетъ въ ближайшее время. Слушаютъ съ большимъ вниманіемъ. Изъ бесѣды заключаю, что идутъ они воевать безусловно съ увлеченіемъ. Ихъ интересуетъ главнымъ образомъ предстоящая спортивная сторона войны — развѣдка, охота за плѣнными и за непріятельскими лошадьми, стрѣльба, словомъ все то, что такъ свойственно интересовать молодежь въ ихъ лѣта — отъ 21 года до 25 лѣтъ. Кромѣ того, ихъ, земледѣльцевъ-крестьянъ, прельщаетъ переходъ отъ казарменнаго режима къ жизни близкой къ условіямъ ихъ деревенскаго быта.

Кирасиръ Иванъ Дулько, несмотря на три года проведенные въ полку, еще сырой и говорящій съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, замѣчаетъ «все хорошо, только бы не убили». Онъ единственный вспоминаетъ о возможности смерти. Его слова, хотя очень далекія отъ веселыхъ темъ, заставляютъ кирасиръ схватиться за бока и долго смѣяться. Дулько, — комическій элементъ въ эскадронѣ и поэтому что бы онъ ни сказалъ, надъ его словами смѣются всегда и нещадно. Родомъ онъ изъ глухого Полѣсья и прибылъ въ полкъ на рѣд-

кость тупымъ новобранцемъ, но успѣхи въ первый-же годъ сдѣлалъ большіе и сильно развился. Послѣ присяги онъ былъ назначенъ въ Дворцовый караулъ и стоялъ часовымъ въ саду, подлѣ дворца. Вдовствующая Императрица, Августѣйшій Шефъ нашего полка, долго не спала въ эту бѣлую ночь и гуляла по саду. Поздоровавшись съ Дулько, Государыня остановилась и спросила, какой онъ губерніи и женатъ-ли. Дулько подробно разсказалъ, что жениться передъ службой не стоитъ, чтобы не оставлять молодую жену дома одну; а возвратившись, жениться необходимо, потому что какое же хозяйство безъ хозяйки. Государыня съ этимъ согласилась и, со свойственной Ей чарующей простотой, пожелала исполненія его желаній и всего добраго. Я какъ разъ въ этотъ день былъ начальникомъ караула и узналъ отъ счастливаго, взволнованнаго Дулько о милостивой съ нимъ бесѣдѣ. Прошло двѣ-три недѣли. Подходитъ ко мнѣ взводный и докладываетъ, что Дулько плачетъ и проситъ меня помочь его бѣдѣ. Зову его къ себѣ и спрашиваю, въ чемъ дѣло. Оказывается, что онъ на радостяхъ, подробно разсказалъ въ письмѣ роднымъ, какъ бесѣдовала съ нимъ Государыня. Теперь онъ получилъ отвѣтъ, въ которомъ родные пишутъ, что хотя онъ, Иванъ, и попалъ въ Гвардію, но пусть не думаетъ, что его родители — дурни, могущіе повѣрить такой нелѣпости, чтобы Императрица могла разговаривать съ ихъ сыномъ Иваномъ. Судя по почерку, письмо написано, по просьбѣ неграмотныхъ родителей, въ волостномъ правленіи, отчего Дулько считалъ себя ужъ совершенно обезславленнымъ. Чтобы ему помочь, я пошелъ въ канцелярію, далъ напечатать подробное описаніе, какъ былъ обласканъ Дулько бесѣдой съ Государыней, и подписалъ его, какъ, бывшій въ тотъ день начальникъ караула. Временно командующій эскадрономъ подтвердилъ это своей подписью и поставилъ печать. Въ тотъ же день пошелъ пакетъ родителямъ Дулько, а черезъ недѣлю онъ, радостный и благодарный, принесъ мнѣ прочесть извиненія родныхъ, а также почтительныя при-

писки съ поздравленіями отъ волостного писаря и сельскаго батюшки.

Отъ бесѣды насъ отвлекли звонко льющіеся по лѣсу звуки трубы, — сигналъ «садись». Разсаживаемся по вагонамъ, двигаемся и меньше чѣмъ черезъ часъ подходимъ къ ст. Пильвишки. Спѣшно разгружаемся. Лошади нетерпѣливо бьютъ копытами по вагонамъ и рвутся поскорѣе наружу. Чтобы ихъ сдерживать, кирасирамъ приходится буквально виснуть на недоуздкахъ, выводя коней. Наконецъ, эскадронъ посѣдланъ и выстроенъ, спѣшеннымъ, въ развернутомъ строю. Офицеры подробно осматриваютъ свои взводы, — все оказывается въ полномъ порядкѣ.

Сегодня день Тезоименитства нашего Шефа Императрицы Маріи Θеодоровны. Командиръ поздравляетъ свой эскадронъ съ знаменательнымъ днемъ. Громкіе крики ура разносятся по литовскимъ полямъ и дубравамъ.

Къ эскадрону подходитъ со станціи офицеръ пограничной стражи и сообщаетъ намъ мѣсто бивака и путь слѣдованія. Затѣмъ спрашиваетъ: «А винтовки у васъ заряжены?» Узнавъ, что нѣтъ, указываетъ на виднѣющійся невдалекѣ лѣсокъ и говоритъ: «здѣсь вчерашней ночью былъ замѣченъ разъѣздъ противника». Эскадронъ заряжаетъ винтовки, садится и вытягивается по дорогѣ, въ колоннѣ по три.

Проселочная дорога сперва идетъ вдоль желѣзнодорожнаго пути, потомъ круто поворачиваетъ налѣво черезъ переѣздъ. Шлагбаумъ закрытъ. Долго ждемъ, пока проходитъ нашъ же, но уже пустой, составъ на Ковно. Застоявшіяся лошади играютъ, бьютъ копытами о землю и, проголодавшись, стараются схватить пучки придорожныхъ стеблей. Послѣ переѣзда, дорога вьется сначала по перелѣскамъ, а потомъ пропадаетъ, разбившись на много рукавовъ, ведущихъ къ разбросаннымъ отдѣльнымъ хуторамъ. Спрашиваемъ у крестьянъ про названіе; оказывается деревня Подпрудзе. Сюда то и лежитъ нашъ путь. Выходимъ на косогоръ и видимъ,

что всѣ слѣдующіе хутора уже заняты, ставшими квартиро-бивакомъ, ранѣе пришедшими эскадронами нашего полка. Командиръ эскадрона ѣдетъ въ Штабъ полка явиться и спросить указаній, гдѣ стать. Эскадронъ слѣзаетъ, люди садятся по обочинамъ, держа въ поводу лошадей. Минутъ черезъ двадцать Соколовъ возвращается, указываетъ на пять хуторовъ, расположенныхъ вокругъ насъ и объявляетъ, что они какъ разъ и оставлены для нашего эскадрона. Приходится по одному хутору на взводъ и еще одинъ хуторъ для штаба эскадрона. Офицеры расходятся со взводами и наблюдаютъ за порядкомъ разстановки коновязей, даютъ распоряженіе, что бы около каждаго кирасира было его оружіе, а противъ коня — сѣдло, осматриваютъ лошадей. Когда взводъ окончательно уже сталъ на бивакъ, идутъ къ командиру эскадрона съ докладомъ и лишь тогда получаютъ возможность позаботиться о себѣ. Соколовъ сообщилъ, что штабъ полка еще не оріентированъ въ обстановкѣ и потому въ виду ея неясности, намъ приказано быть на чеку.

На нашемъ хуторѣ, представляющемъ собою деревянную избу, сарай и хлѣвъ, а также садъ, расположились офицеры съ вѣстовыми и деньщиками, вахмистръ, каптенармусъ, трубачъ, эскадронный писарь, кухня и эскадронная двуколка. Садъ полонъ вишневыми деревьями съ созрѣвшими уже ягодами. Хозяинъ — литовецъ со своей многочисленной семьей вышли на дворъ и меланхолически наблюдаютъ, какъ мы устраиваемся. Въ избѣ стоитъ горячій, спертый воздухъ и летаетъ множество мухъ. Поэтому мы рѣшаемъ спать въ саду на открытомъ воздухѣ. Деньщикамъ приказано къ вечеру набросать сѣна и положить на него спальные мѣшки. У насъ на хуторѣ идетъ спокойно хлопотливая работа, — сначала выдавался фуражъ, затѣмъ разливали по ведрамъ ужинъ присланнымъ отъ взводовъ людямъ. Офицеры также сегодня поужинали съ эскадроннаго котла и надо признаться съ рѣдкимъ аппетитомъ. Послѣ ужина я еще разъ пошелъ на сосѣдній хуторъ, навѣстить свой

четвертый взводъ. Сумерки сгущались, день окончательно переходилъ въ вечеръ.

Иду по тропинкѣ; справа отъ меня лугъ, слѣва жнивье. Тропинка обходитъ колодезь съ журавлемъ, затѣмъ стелется дальше. Подъ хуторомъ меня встрѣтила, захлебываясь отъ лая, здоровая лохматая дворняга; еле отъ нея отбился. Во взводѣ нашелъ все въ порядкѣ и возвратился обратно. Въ десятомъ часу, не раздѣваясь, положивъ револьверы и амуницію подлѣ себя, ложимся спать, въ первый разъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Кругомъ въ травѣ неутомимо стрекочутъ кузнечики. Изрѣдка слышно близкое пофыркиваніе лошадей. Порою, неожиданно, набѣжитъ легкій теплый вѣтеръ и зашелеститъ листьями вишенъ, подъ которыми мы примостились. Какъ радостно засыпать на душистомъ сѣнѣ, смотря въ звѣздное небо и вслушиваясь въ пробуждающуюся ночную жизнь природы.

23 іюля.

Только начало всходить солнце, какъ ужъ насъ разбудилъ утренній деревенскій концертъ, — куры кудахтали, овцы блеяли, корова мычала, и все это подъ самымъ ухомъ. Вымылись студеной, прямо изъ колодца, водой, почистились и выпили чаю. Въ эскадронѣ идетъ уборка лошадей.

Въ 8 часовъ пришелъ ординарецъ съ приглашеніемъ господъ офицеровъ въ Штабъ Полка, гдѣ уже функціонируетъ полковое собраніе. Ординарецъ — унтеръ-офицеръ Семеновъ — ведетъ насъ по узкой полевой тропинкѣ, шагая, какъ проводникъ, впереди. Родомъ онъ изъ рыбачьей семьи съ Псковского озера. Ловкій, стройный, онъ отличается изумительнымъ зрѣніемъ и особеннымъ бронзово-краснымъ загаромъ. И тѣмъ, и другимъ, видимо, одарили его съ дѣтства водная ширь и непрестанный вѣтеръ на его родныхъ сѣверныхъ озерахъ.

Хуторъ, занимаемый штабомъ полка, болѣе обширный и выглядитъ богаче другихъ. У сарая писарь выбиваетъ на пишущей машинкѣ приказъ, сидя на маленькомъ ящикѣ, а большой приспособивъ въ видѣ стола. Полковникъ Араповъ организуетъ собраніе; импровизированные длинные столъ и скамейки уже готовы среди деревьевъ небольшой рощицы, примыкающей къ хутору. Собрались понемногу офицеры со всѣхъ эскадроновъ. Обмѣниваемся впечатлѣніями отъ дороги; настроеніе прекрасное. Послѣ кофе не расходимся, а вмѣстѣ проводимъ время до 1 часу дня, — начала обѣда. Къ его концу вызываютъ адъютанта для принятія пакета; Гросманъ приходитъ съ извѣстіемъ, что всѣ сосредотачивающіяся части гвардейской конницы пока подчиняются Штабу 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи и что получено приказаніе выслать одинъ эскадронъ въ сторожевое охраненіе. Командиръ полка даетъ тянуть жребій. Вытягиваетъ его командиръ 2-го эскадрона. Немедленно онъ съ офицерами идетъ на свои хутора, чтобы поднять эскадронъ и поскорѣе выступить. Я, съ разрѣшенія своего эскадроннаго командира, рѣшаю ѣхать на станцію, чтобы попытаться купить газеты. Нашъ милѣйшій докторъ Пиккель хочетъ ко мнѣ присоединиться и поэтому проситъ подождать его у нашего хутора.

Поджидаемъ его съ вѣстовымъ на условленномъ мѣстѣ. Пиккель показывается верхомъ на небольшомъ сѣромъ конѣ. Присматриваюсь... Да вѣдь этого самого коня я принималъ въ Царскомъ Селѣ отъ плачущей барышни. Подробно разсказываю Пиккелю всю исторію, какъ попала къ нему его лошадь. Добрая, сентиментальная душа Владиміра Эрнестовича не выдерживаетъ, — онъ совершенно растроганъ моимъ разсказомъ и ласково треплетъ шею своего новаго сѣраго коня.

На станціи газетъ не достаемъ. Наблюдаемъ, какъ выгружаются лейбъ - уланы. Только собираемся уходить, какъ замѣчаемъ поѣздъ, идущій со стороны границы. Рѣшаемъ его подождать. Поѣздъ состоитъ изъ паровоза и трехъ товарныхъ вагоновъ. Въ одномъ изъ

нихъ, на соломѣ, лежатъ перевязанные раненые — два пограничника и четыре рядовыхъ 109 пѣхотнаго полка. Изъ ихъ разсказовъ узнаемъ, что Вержболово занято, сейчасъ же по мобилизаціи, баталіономъ 109 Волжскаго полка. Сегодня утромъ нѣмцы наступали, но были отбиты; въ этомъ бою и были ранены наши собесѣдники. Въ послѣднемъ вагонѣ сидѣли плѣнный прусскій пѣхотинецъ, маленькій, огненно-рыжій, въ каскѣ подъ защитнымъ чехломъ, и сторожившій его пограничникъ. Это первые раненые и первый плѣнный, что мы видимъ отъ начала войны. Возвращаемся къ себѣ.

Вечеромъ, поужинали въ собраніи и легли спать, какъ и вчера. Ночью была поднята тревога. Посѣдлали лошадей, надѣли амуницію и ждали на мѣстахъ дальнѣйшихъ распоряженій. Простоявъ часа два, получили приказаніе ложиться спать, что съ большимъ удовольствіемъ и исполнили.

24 іюля.

Туманная мгла и низкія тучи все утро не давали возможности проглянуть солнцу; но къ полудню оно одолѣло, — тучи ушли, волны тумана разсѣялись и снова наступилъ ясный лѣтній день.

Съ утра и до вечера мимо насъ, проходили эскадроны кавалергардовъ и Конной Гвардіи, выгружавшіеся сегодня на той же, что и мы, станціи Пильвишки.

Днемъ на смѣну 2-го въ сторожевое охраненіе ушелъ № 3 эскадронъ. Вернувшіеся со сторожевки,*) разсказывали, что прошла она въ абсолютномъ покоѣ.

Днемъ явился въ полкъ коренной офицеръ нашего эскадрона Третьяковъ, послѣдніе полъ года проведшій въ прикомандированіи къ нашей миссіи въ Каирѣ. Онъ такъ торопился насъ догнать, что пріѣхалъ въ формѣ

---

*) Сторожевка — сокращенно — сторожевое охраненіе.

мирнаго времени — фуражкѣ съ бѣлымъ верхомъ, кителѣ и длинныхъ рейтузахъ.

Къ вечеру прошелъ слухъ, неизвѣстно кѣмъ пущенный, что завтра утромъ, цѣликомъ уже сосредоточившаяся, гвардейская конница уходитъ для выполненія какого-то боевого заданія. Командиры эскадроновъ заволновались по вопросамъ фуража и продовольствія. За ужиномъ они много объ этомъ говорили съ завѣдующимъ хозяйствомъ. Командиръ полка предложилъ мнѣ сейчасъ же отправиться въ мѣстечко Пильвишки, въ Штабъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, и отъ его имени попросить дать намъ свѣдѣнія объ обстановкѣ и предположеніяхъ на ближайшее время.

Спѣшу къ себѣ на хуторъ, приказываю Карпекину сѣдлать лошадей и изучаю дорогу по картѣ. Меньше чѣмъ черезъ часъ сижу у ложившагося уже было спать Начальника Штаба полковника Богаевскаго. Со свойственными ему всегдашними привѣтливостью и ясностью, онъ сообщаетъ мнѣ, что дня черезъ два мы двинемся на границу, гдѣ съ находящимися тамъ уже армейскими дивизіями, подъ общимъ командованіемъ хана Нахичеванскаго, образуемъ сплошную кавалерійскую завѣсу, дабы прикрыть сосредоточеніе войскъ I Арміи. Ничего, сколько нибудь измѣняющаго это распоряженіе до сихъ поръ получено не было.

Поблагодаривъ полковника за свѣдѣнія, ѣду въ обратный путь. Ночь выдалась темная. Колеи на дорогѣ настолько глубоки и такъ крутятся, что переходимъ въ шагъ, боясь, чтобы лошади не растянули себѣ ногъ. Понемногу небо покрылось звѣздами и послѣ желѣзнодорожнаго переѣзда уже стало настолько свѣтло, что рѣшаемъ ѣхать къ штабу полка напрямикъ, черезъ луга. Кони мягко шуршатъ ногами по густой травѣ и видно, какъ оставляютъ за собой два темно-зеленыхъ слѣда. Домъ, занимаемый штабомъ полка, издалека манитъ насъ уютными огоньками, свѣтящимися изъ его маленькихъ оконъ. Командиръ полка не спитъ, поджидая мо-

его пріѣзда. Сдѣлавъ ему докладъ, возвращаюсь къ себѣ въ эскадронъ.

При моемъ приходѣ всѣ наши офицеры проснулись и стали разспрашивать о привезенныхъ новостяхъ. Бесѣда затянулась.

Неожиданно появился ординарецъ изъ штаба полка съ приказаніемъ пройти цѣпью рощицу, что находится около расположенія нашего эскадрона; причина та, что оттуда кто-то сигнализировалъ фонаремъ, когда подходили къ биваку эскадроны Конной Гвардіи. Апрѣлевъ и Третьяковъ съ первымъ взводомъ отправились исполнять распоряженіе, но ничего, конечно, не нашли. Зато переполошили и подняли тревогу въ лейбъ-эскадронѣ, расположенномъ на противоположной опушкѣ этой рощицы. Тамъ долгое время не могли сообразить, что за цѣпь въ такой поздній часъ вздумала наступать въ направленіи ихъ бивака. Возвратившись, Апрѣлевъ разсказывалъ съ такимъ юморомъ о своемъ походѣ, что насъ окончательно развлекъ и разгулялъ нашъ сонъ.

Заснулъ я поздно, подъ убаюкивающее пыхтѣніе и мѣрную жвачку моей ближайшей сосѣдки коровы, отъ которой отгораживала меня лишь тонкая стѣна хлѣва.

25 іюля.

Съ утра разобрала меня лѣнь и въ собраніе я не пошелъ. Расположился въ тѣни, отбрасываемой избой, на кучѣ бревенъ, раскиданныхъ среди кустовъ крыжовника; развернулъ карты, сталъ изучать приграничную мѣстность. Солнце меня преслѣдуетъ и начинаетъ уже освѣщать разложенные листы картъ. Наблюдаю игру солнечныхъ бликовъ и отчетливыхъ тѣней отъ тихо колышущихся листьевъ и вѣтокъ деревьевъ.

Сквозь кусты виденъ весь дворъ. У сарая примостилась эскадронная аристократія, въ лицѣ каптенар-

муса Бедрицкаго и писаря Пѣстуна, и собралась видимо завтракать. Бедрицкій отрѣзаетъ перочиннымъ ножемъ ломти чернаго хлѣба и накладываетъ на нихъ куски сала, а Пѣстунъ наливаетъ въ кружки чай изъ котелка, отъ котораго валятъ клубы пара. Кашеваръ Лавницкій подобострастно старается съ ними заговорить, но отвѣта не удостаивается; въ сознаніи своего ничтожества онъ глубоко вздыхаетъ и отходитъ прочь. На сцену появляется мой вѣстовой Карпекинъ съ оголовьемъ въ рукахъ, видимо собирающійся его чистить. Бедрицкій, взволнованно пошептавшись съ сосѣдомъ, его окликаетъ «Карпекинъ, слышь, иди сюда». Тотъ лѣниво подходитъ.

«Куда это вы съ твоимъ бариномъ вчерась такъ поздно ѣздили?» «До штабу дивизіи». «Какой — нашей?» «Извѣстно не чужой». «А что тамъ слышно?» «Да, слышно-то тамъ о многомъ». Съ этими словами Карпекинъ рѣшительно отъ нихъ отходитъ. Любопытство взбудоражено сильно; они снова подзываютъ Карпекина и угощаютъ его кускомъ сала. Вранье моего вѣстового, всего лишь державшаго вчера лошадей, поздно вечеромъ, на пустой улицѣ и ничего затѣмъ и отъ меня не узнавшаго, признаться, меня забавляетъ и я съ интересомъ наблюдаю, что будетъ дальше.

Пѣстунъ снова замѣчаетъ: «Слышно то было, тамъ слышно, да не тебѣ». Карпекинъ, обиженный, протестуетъ. «Какъ не мнѣ, когда про всѣ приказанія, про всѣ донесенія — все доподлинно было намъ объяснено». «Да, кому — вамъ?» «Какъ кому? намъ съ бариномъ». «Какія приказанія?» «А такія, что нельзя никому разсказывать». При этихъ словахъ Карпекинъ встаетъ, запихиваетъ въ ротъ большой кусокъ сала, и важно уходитъ. Его собесѣдники чертыхаются.

Чтобы ихъ не смущать, иду незамѣтно въ садъ и зову Панюту. Онъ обѣщаетъ мнѣ приготовить на обѣдъ яичницу на черномъ хлѣбѣ и принести тарелку щей изъ эскадроннаго котла. Сегодня намъ предстоитъ идти въ сторожевое охраненіе. Въ эту ночь спалъ я мало. Поэто-

му ложусь на сѣно и стараюсь заснуть. Будитъ меня Панюта, принесшій заказанный ему обѣдъ.

Вскорѣ приходятъ и наши офицеры. Апрѣлева перевели въ № 2 эскадронъ и онъ сегодня туда перебирается. Соколовъ набросалъ на своей картѣ схему охраненія и распредѣляетъ эскадронъ по заставамъ; я иду съ 4-мъ взводомъ на главную и долженъ организовать развѣдку.

Эскадронъ построенъ.

Вытягиваемся справа по три и двигаемся за 8 верстъ въ дер. Барзды. Не могу никакъ себя убѣдить, что мы уже по настоящему на войнѣ, а не на маневрахъ. Сзади то насъ догоняетъ, то снова останавливается тарахтящій эскадронный мотоциклистъ Рыбаковъ; лошади опасливо косятъ на него глазомъ и начинаютъ тропотить; вахмистру, наконецъ, эта исторія надоѣдаетъ; онъ тихо, но многозначительно показываетъ Рыбакову свой основательный кулакъ, отчего тотъ сразу отстаетъ отъ эскадрона на цѣлую версту.

Подходимъ къ расположенному справа отъ дороги большому хутору, на которомъ сразу замѣчается лежащая на немъ печать довольства и хозяйственнаго порядка. У забора стоятъ посѣдланные кони главной заставы № 3 эскадрона и мотаютъ головами и хвостами, отбиваясь отъ назойливыхъ мухъ. Нашимъ взводамъ даютъ проводниковъ на заставы и они расходятся радіусами по тремъ разнымъ дорогамъ. Мой 4-й взводъ слѣзаетъ, размундштучиваетъ лошадей и отпускаетъ имъ подпруги. Наши люди разспрашиваютъ про охраненіе и, узнавъ о полномъ покоѣ, выказываютъ сильное разочарованіе. Черезъ часъ собирается весь 3-й эскадронъ; мы прощаемся съ офицерами. Линдгренъ командуетъ «садись» и уводитъ свой эскадронъ на бивакъ.

Мы остаемся втроемъ — Соколовъ, Третьяковъ и я. Отъ заставъ пріѣзжаютъ люди для связи и привозятъ отъ своихъ командировъ взводовъ кроки съ подробно вычерченными ввѣренными имъ участками охраненія.

Я разсматриваю карту и предполагаю выслать два разъѣзда, силою по 7 человѣкъ каждый, — одинъ въ 4 ч. дня, а другой на разсвѣтѣ. Маршрутъ составляю такимъ образомъ, чтобы была осмотрѣна полоса верстъ на 10 впереди линіи сторожевого охраненія. Командиромъ эскадрона мой проектъ одобренъ. Я выхожу на крыльцо и вызываю взводнаго — Дервеля. О немъ я не могу не упомянуть особо. Если я хочу представить себѣ идеальнаго во всѣхъ отношеніяхъ солдата, то поневолѣ вырисовывается передо мной образъ Дервеля. Его стройное, сильное сложеніе и черты открытаго мужественнаго лица, выражаютъ большую нравственную и физическую силу. Происходя изъ нѣмцевъ колонистовъ изъ подъ Вержболово, онъ былъ назначенъ въ гвардію и по разбивкѣ попалъ ко мнѣ новобранцемъ. По всѣмъ статьямъ онъ былъ первымъ и выдающимся. Учебную команду онъ также окончилъ первымъ. Теперь Отто Фридриховичъ, для простоты передѣланный въ Антона Федоровича — блестящій взводный 4-го взвода. Дервелю приказываю назначить людей въ разъѣзды, а начальниковъ ихъ прислать ко мнѣ для полученія задачи. Онъ хорошо знаетъ окрестности, такъ какъ это его родныя мѣста, и разсказываетъ, что народъ здѣсь довольно тупой и плохо понимаетъ по русски. По этой причинѣ онъ проситъ разрѣшенія повести первый разъѣздъ самому, какъ знающему литовскій языкъ, а второй поручить унтеръ-офицеру Ободину и дать ему въ помощь литовца — кирасира Натко. Я соглашаюсь и черезъ минуту объясняю однородную задачу Дервелю и вызванному Ободину. Послѣдній — уроженецъ Вятской губерніи, хорошо грамотный и смѣтливый солдатъ, но забывчивый и поэтому не всегда надежный.

Въ избѣ Соколовъ уговаривается съ хозяйкой насчетъ ужина; она намъ обѣщаетъ зажарить гуся и приготовить къ нему яблокъ. Пока что, приноситъ меду и сѣрый хлѣбъ.

Семья ея состоитъ изъ трехъ сыновей и дочери. Портретъ старшаго — ксендза, служащаго на приходѣ

гдѣ-то подъ Двинскомъ, красуется на почетномъ мѣстѣ и составляетъ видимо большую гордость матери. Второй сынъ, запасной артиллеристъ, призванъ въ войска. Третій — уѣхалъ съ подводой на два дня въ Пильвишки что-то тамъ продавать и что-то закупать. Такимъ образомъ она осталась вдвоемъ съ дочерью, 17-лѣтней дѣвушкой, высокой крупной блондинкой съ необычайно пышными формами. Главной статьей ихъ хозяйства являются гуси, бѣлоснѣжной тучей покрывающіе огороженный лугъ и искусственный прудъ около хутора. Разъ въ годъ къ нимъ заѣзжаютъ скупщики, покупаютъ гусей, «подковываютъ» ихъ и на слѣдующій день гонятъ караваномъ въ Вержболово. Ковка состоитъ въ томъ, что́ гусей прогоняютъ сначала по подогрѣтой смолѣ, а затѣмъ по мелкому песку, отчего подъ лапами получается тотъ слой, безъ котораго гуси не прошли бы десятокъ-другой верстъ, не стеревъ себѣ лапъ.

Дѣвка видно большой молодецъ и на ней держится все хозяйство; она поминутно носится то къ птицѣ, то къ коровамъ, то въ погребъ. Наши кирасиры откровенно ею любуются и бросаютъ плотоядные взгляды. Ихъ шутки иногда доносятся до матери, отчего та все время отвлекается отъ стряпни и безпокойно поглядываетъ во дворъ.

Вечеръ настаетъ тихій, теплый, почти душный. Поужинавъ, выходимъ побесѣдовать на дорогу, садимся на обочину, спустивъ ноги въ канаву и обхвативъ руками колѣни. Возвращается съ разъѣздомъ Дервель, докладываетъ, что ни онъ, ни жители, которыхъ онъ сплошь опрашивалъ, нѣмцевъ нигдѣ не видѣли. Духота замѣтно усиливается, въ природѣ все притихло. Когда стемнѣло, возвращаемся въ горницу. Въ углу свѣтитъ одинокая свѣча; вѣстовые протаскиваютъ изъ сѣней охапки соломы и раскладываютъ ихъ на полу, а затѣмъ приносятъ развьюченныя шинели и надувныя подушки. Постели готовы.

Среди ночи просыпаюсь и подхожу къ окну: отъ

медленно надвигающихся тучъ сгущается сумракъ лѣтней ночи; отъ вспыхивающихъ зарницъ, — моментами за окномъ освѣщаются дорога и далекіе хутора; гдѣ то на западѣ урчитъ отдаленный громъ. Въ деревьяхъ и травѣ зашуршалъ крупный дождь, но черезъ минуту стихъ, — видимо туча задѣла насъ самымъ краюшкомъ.

26 іюля.

Утренняя заря еще только начинаетъ окрашивать небосклонъ, а хуторъ уже живетъ полной жизнью. Просыпаюсь отъ непрерывнаго скрипа колодезнаго журавля: это наши кирасиры водятъ лошадей на водопой. Изъ хлѣва доносятся равномѣрный хлесткій звукъ доенія и визгливые окрики молодой хозяйки на безпокойную корову; изъ-за сарая раздается звонкое и веселое кудахтаніе куръ.

Утромъ вернулся съ разъѣзда Ободинъ и не привезъ ничего новаго. Вслѣдъ за нимъ пришло приказаніе изъ штаба полка — въ 12 часовъ дня снять охраненіе, пообѣдать и двигаться самостоятельно въ мѣстечко Пильвишки, гдѣ на площади ждать прохожденія полка. Передаемъ соотвѣтствующее приказаніе по взводамъ.

Къ 12 часамъ эскадронъ собирается цѣликомъ и обѣдаетъ. Офицерамъ хозяйка приготовила очередного гуся и навареный на немъ супъ. Около часу дня вытягиваемся по дорогѣ на Пильвишки.

Вскорѣ раздается «Господъ офицеровъ къ командиру». Офицеры выѣзжаютъ въ голову эскадрона. Вслѣдъ затѣмъ Соколовъ поварачивается и приказываетъ «пѣсенники впередъ». Взводные подхватываютъ, передаютъ приказаніе. Со всѣхъ взводовъ, изъ рядовъ, выѣзжаютъ рысью пѣсенники и становятся впереди плотными тремя шеренгами. Взводный перваго взвода Грицай, онъ же запѣвало, звонкимъ мягкимъ баритономъ выводитъ, а подголосокъ, его землякъ-полтавецъ, мо-

лодой Емецъ теноромъ подпѣваетъ одну изъ старыхъ полковыхъ пѣсенъ:

Ѣдутъ, поютъ, гремятъ палашами,
Въ бубны, тарелки, литавры звенятъ.
Хоръ подхватываетъ:
Ей, пѣснь моя, любимая...

Когда приходимъ въ мѣстечко, тамъ еще пусто. Эскадронъ располагается вдоль домовъ на площади, офицеры садятся на крыльцѣ мѣстной аптеки. Чтобы утолить жажду, покупаемъ сифонъ сельтерской воды и тутъ-же его распиваемъ. Идемъ съ Христіани въ магазинъ кооператива, мѣстный Мюръ и Мерелизъ, гдѣ я покупаю гуммиарабикъ для склейки картъ, а также заказанныя мнѣ Панютой пуговицы, иголки и нитки. Вскорѣ мимо насъ проходятъ квартирьеры отъ дивизіи. Отъ нашего полка идетъ Клюпфель, сообщающій намъ, что мы переходимъ сегодня въ Волковышки; присоединяемъ къ нему квартирьеровъ и отъ нашего эскадрона.

Черезъ часъ начинаютъ проходить части 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. За ними показывается нашъ штабъ, сопровождаемый конно-саперной командой. Генералъ Казнаковъ здоровается съ эскадрономъ и спрашиваетъ, какъ прошло охраненіе. Дальше мимо насъ идутъ кавалергарды, Конная Гвардія, 1-ая батарея Его Величества, 4-ая батарея Наслѣдника Цесаревича, кирасиры Его Величества и нашъ полкъ. Не вѣрится, что мы не въ Красномъ Селѣ, а въ какомъ то далекомъ глухомъ литовскомъ мѣстечкѣ. О дѣйствительности напоминаютъ лишь обозы 1-го разряда, слѣдующіе за полками, да защитныя фуражки.

Пристраиваемся сзади полка и слѣдуемъ за нимъ по дорогѣ на Волковышки. Ѣдемъ съ Третьяковымъ на хвосту эскадрона, а за нами слѣдуютъ верхами медицинскій врачъ, ветеринарный и полковой священникъ. Пиккель не нахвалится своимъ сѣрымъ конемъ и все проситъ, чтобы я и другимъ разсказалъ его исторію. Входимъ въ полосу прошедшаго ночью дождя — всю-

ду лужи; канавы полны водой. Къ нашему счастью сегодня вѣтренный день и вѣтеръ успѣлъ подсушить колеи и обочины грязной дороги. Вторую половину пути дѣлаемъ уже въ темнотѣ.

Войдя въ -городъ Волковышки, спѣшиваемся и ведемъ лошадей въ поводу. Свѣтъ отъ рѣдкихъ уличныхъ фонарей и изъ оконъ еврейскихъ хибарокъ все же освѣщаетъ намъ немного дорогу. Сотни подковъ звонко и дробно цокаютъ по крупному булыжнику мостовой. Въ окнахъ видны приплюснутыя любопытныя физіономіи мѣстныхъ жителей. Какъ маякъ, свѣтитъ намъ, высоко впереди, какой то яркій огонь. При подходѣ оказывается онъ высокимъ калильнымъ фонаремъ на городской площади. Около него ждали насъ наши квартирьеры. По ихъ указанію эскадронъ повернулъ на глухую улицу и сталъ располагаться по квартирамъ. 4-му взводу отведено шесть дворовъ, такъ что почти всѣ лошади стали подъ навѣсомъ. Когда взводъ окончательно размѣстился, я направился на квартиру, отведенную офицерамъ. Довольно чистая большая комната въ квартирѣ еврея-лавочника. Деньщики уже раскладываютъ походныя кровати и дѣлаютъ постели. Умывшись на дворѣ, наскоро закусываемъ и ложимся спать. Погоржанскій гдѣ-то досталъ свѣжія виленскія газеты и меня заставляютъ громко ихъ обѣ прочитать. Кромѣ того онъ принесъ новости, что завтра мы стоимъ въ Волковышкахъ, и что только лейбъ-эскадронъ идетъ съ утра въ сторожевое охраненіе.

Какъ славно и уютно усталому растянуться въ свѣжей, еще прохладной постели и, лежа, вести тихую дружескую бесѣду, пока дрема окончательно не закроетъ глазъ.

27 іюля.

Сегодня позволяемъ себѣ роскошь поваляться и встать попозже. Деньщики раздобыли кофе, молоко, свѣжія булки и масло. Словомъ, комфортъ полный. Во

время утренняго кофе пришелъ насъ привѣтствовать и спросить — не надо ли чего - нибудь — хозяинъ квартиры — толстый, бородатый еврей, въ очкахъ и съ необыкновенно оттопыренными губами. Въ сосѣдней комнатѣ мимо нашихъ дверей, стараясь ихъ держать открытыми, бродили двѣ кокетничавшія напудренныя дѣвицы лѣтъ по семнадцати, повидимому, христіанки. Толстый еврей изводился, ворчалъ и загонялъ ихъ подальше отъ насъ. Мы никакъ не могли догадаться о роли этихъ двухъ дѣвицъ въ еврейскомъ домѣ.

Соколовъ попросилъ меня обойти утромъ эскадронъ и попробовать обѣдъ съ эскадроннаго котла, самъ же онъ собирался сдѣлать такой же обходъ передъ вечеромъ. Иду исполнять его просьбу. Видъ города, надо признаться, самый гнусный — скромные облупившіеся дома, грязныя улицы и никакой зелени.

Послѣ обхода эскадрона иду съ Христіани пройтись по городу. Осматриваемъ казармы 3-го уланскаго полка, занятыя теперь кавалергардами; затѣмъ идемъ по направленію къ другому краю города. Здѣсь, въ большомъ саду и рядомъ въ полѣ, расположенъ цѣлый таборъ — обозы 2-й и 3-й кавалерійскихъ дивизій, запрягающіе коней и собирающіеся уходить въ Маріамполь, и эскадроны для ихъ прикрытія. Въ виду того, что нашей дивизіей уже выставлено сторожевое охраненіе, при насъ возвратились заставы, высылавшіяся отъ этихъ эскадроновъ въ охраненіе на сѣверъ отъ города. Разговариваемъ съ офицерами; они намъ разсказываютъ о дѣйствіяхъ ихъ дивизій подъ Вержболовымъ. Мимо насъ проносятъ три гроба, сопровождаемые взводомъ Смоленскаго уланскаго полка; хоронятъ двухъ убитыхъ уланъ и одного пограничника. Мы идемъ въ недалеко стоящую церковь, помолиться за первыхъ, что мы встрѣчаемъ, павшихъ въ бою.

Пообѣдали дома и угостили пришедшихъ къ намъ изъ 3-го эскадрона Баторскаго и Коляшу Баумгартена. Послѣ обѣда они насъ повели въ знаменитое въ этомъ городѣ Швейцарское кафе. Тамъ посидѣли, выпили от-

личный шоколадъ со взбитыми сливками и прочли только что полученную ковенскую газету.

Днемъ я клеилъ карты и писалъ роднымъ письма. Вечеромъ пошли въ обходъ штаба полка и 2-го и 3-го эскадроновъ, чтобы навѣстить всѣхъ нашихъ господъ. Завтра съ утра выступаемъ на границу, чему очень рады. Послѣдніе нѣсколько дней мы провели такъ близко къ природѣ и она такъ заполняетъ нашу походную жизнь, что какъ то жалко было потерять два дня для грязнаго клоповника, называемаго Волковышками.

28 іюля.

Свѣжее пасмурное утро. Эскадронъ долго стоитъ спѣшеннымъ, ожидая выступленія. По взводамъ розданы ножницы, одѣвающіяся на пики, для рѣзки проволоки, съ которой въ большомъ количествѣ намъ предстоитъ встрѣтиться въ восточной Пруссіи.

Выступаемъ по Владиславовскому шоссе. По обѣ стороны небольшіе холмы, поросшіе кустарникомъ. Проходимъ переѣздъ черезъ желѣзную дорогу. Вдоль всего шоссе, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, сторожатъ телеграфную линію и мосты мѣстные жители, съ топорами за поясомъ; видъ у нихъ самый декоративный.

У небольшой усадебки, обозначенной на картѣ «Зеленка» и на домѣ, въ которой виситъ вывѣска съ надписью «Гминное Управленіе», насъ пропускаетъ мимо себя начальникъ дивизіи. Его штабъ и саперная команда уже располагаются въ сараяхъ и во дворѣ Гминнаго Управленія. Нашъ полкъ поворачиваетъ отъ Зеленки налѣво по проселочной дорогѣ и разводится квартирьерами по окрестнымъ хуторамъ, обозначеннымъ на картѣ подъ названіемъ «Андрикайме». Самые ближніе четыре хутора достаются нашему эскадрону; въ одномъ изъ нихъ, ближайшемъ къ Зеленкѣ, располагается 4-й взводъ и поселяемся мы съ Христіани. Дворъ большой,

недавно построенный, съ хлѣвомъ, двумя амбарами и сѣннымъ сараемъ. Послѣдній, небольшихъ размѣровъ, занимается нами, офицерами. Наши деньщики, Мокіенко и Панюта, стараются привести его въ жилой видъ. Вокругъ хутора сплошной желтый коверъ сжатаго поля; изрѣдка красятъ его лишь запоздалые васильки, да макъ.

Мы съ Христіани, помывшись и немного устроившись, идемъ къ Соколову, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ въ штабъ полка. Узнаемъ, что ближнее охраненіе сегодня выставилъ 3-й эскадронъ, въ видѣ трехъ заставъ. Завтра нашъ полкъ выступаетъ съ ранняго утра на государственную границу, по которой займетъ сторожевое охраненіе.

Погода днемъ мрачная — туманъ и мелкій дождикъ, — къ вечеру разгуливается; по временамъ появляется даже солнце. Обѣдаемъ всѣ вмѣстѣ въ полковомъ собраніи, устроенномъ въ большомъ вычищенномъ овинѣ. Послѣ обѣда расходимся по домамъ. Мы съ Христіани направляемся въ Зеленку, чтобы повидаться съ Аршеневскимъ, нашимъ товарищемъ по выпуску изъ корпуса и по полку, въ настоящее время младшимъ офицеромъ Конно-Саперной Команды. Вызываемъ его и всѣ втроемъ идемъ къ рощѣ, примыкающей къ усадьбѣ. Шагахъ въ двадцати отъ опушки, черезъ канаву, перекинутъ небольшой узкій мостъ со столбиками по угламъ. Мы разсѣлись, и довольно удобно, на этихъ низкихъ столбикахъ и больше часа провели въ бесѣдѣ. Отъ Аршеневского узнали, что противъ Владиславова и сѣвернѣе стала 2-я гвардейская кавалерійская дивизія; нашей дивизіи поручена линія государственной границы отъ Владиславова до Вержболова; южнѣе насъ стоятъ 2-я и 3-я армейскія кавалерійскія дивизіи. Вся перечисленная конница подчинена хану Нахичеванскому. Общая наша задача — прикрывать сосредоточеніе войскъ 1-й арміи. Простоимъ мы такимъ образомъ, вѣроятно, дней десять. Участокъ нашей дивизіи раздѣленъ на двѣ части; правую половину займетъ 2-я бригада, лѣвую полови-

ну 1-я бригада. Ежедневно въ сторожевой отрядъ будетъ назначаться цѣлый полкъ, такъ что день будемъ въ охраненіи, день на отдыхѣ.

Попрощавшись съ Аршеневскимъ, идемъ напрямикъ въ свой хуторъ. Ложимся спать въ постели, мокрыя и холодныя отъ сырости, но тѣмъ не менѣе быстро засыпаемъ.

29 іюля.

Къ 9 часамъ утра полку приказано собраться въ имѣніи Вилькупе.

Подойдя къ усадьбѣ, пристраиваемся къ, подошедшимъ уже ранѣе и ставшимъ въ резервномъ порядкѣ, лейбъ и 2-му эскадронамъ и спѣшиваемся. Офицеровъ вызываютъ въ помѣщичій домъ къ командиру полка. Усадьба, довольно большая по размѣрамъ, имѣетъ совершенно заброшенный видъ. И домъ, и хозяйственныя постройки выглядятъ печально; крыльцо покосилось, комнаты почти пусты. У сарая стоятъ кони, стоящей здѣсь сторожевой заставы отъ № 3-го эскадрона. Въ большой комнатѣ на столѣ разложена двухверстка, съ набросанными на ней синимъ карандашемъ помѣтками. Полковой адъютантъ приступаетъ къ объясненію данной задачи. Линія охраненія, что долженъ занять нашъ полкъ, идетъ вдоль государственной границы, захватывая, разбросанныя хуторами, деревни Шуклели и Слибины. Раздѣлена она на два участка, — правый долженъ занять нашъ эскадронъ, лѣвый же участокъ — № 2-й. Сторожевой резервъ — лейбъ и № 3 эскадроны — остается на мѣстѣ. Мѣстность, лежащая между Вилькупе и границей, до сихъ поръ посѣщалась лишь нашими и нѣмецкими разъѣздами, отчего слѣдуетъ намъ осмотрѣть ее сплошь, пройдя лавою.

Нашъ и 2-й эскадроны садятся и вытягиваются, беря направленіе — мы на Шуклели, а № 2-й на Слибины. Выйдя за усадьбу, первый и второй взводы разворачи-

ваютъ лаву. Доходимъ спокойно до Лауцкайме. Здѣсь, въ кустарникѣ и на лугу, вдоль ручья, замѣчаемъ нѣчто вродѣ цыганскаго табора — стоятъ возы, пасутся стреноженные кони, валитъ дымъ отъ многочисленныхъ костровъ. Подъѣзжаемъ и узнаемъ, что это расположились жители приграничныхъ хуторовъ, которыхъ спугнула частая перестрѣлка по границѣ между развѣдчиками. Пройдя еще версты двѣ, эскадронъ останавливается въ лощинѣ, а офицеры выѣзжаютъ впередъ на холмъ. Раскладываемъ мою большую склеенную карту, орьентируемъ ее, вынимаемъ бинокли и изучаемъ окружающую мѣстность. Сзади ярко свѣтитъ солнце, воздухъ прозраченъ, какъ горный хрусталь, и потому видно все вокругъ прекрасно. Мѣстность, довольно открытая, опускается постепенно къ поросшему болотистой травой ручью, текущему примѣрно въ верстахъ полутора отъ насъ. По другую его сторону видны аккуратныя кирпичныя постройки съ черепичными крышами, окруженныя небольшими садами; это уже Германія. Верстахъ въ пяти справа расположены другъ противъ друга два городка — нашъ Владиславовъ и нѣмецкій Ширвиддтъ, надъ тѣмъ и надъ другимъ возвышаются высокія готическія колокольни. Передъ нами, вдоль ручья-границы, отступя къ намъ шаговъ на 500, проходитъ дорога, по которой разбросаны хутора.

Эскадронный командиръ намѣчаетъ участки каждому взводу и точно ихъ намъ указываетъ. Затѣмъ предлагаетъ заставами занять хутора, расположенные къ западу отъ дороги, а коней держать по дворамъ, разбросаннымъ въ лощинѣ, восточнѣе ея. Главную заставу — 2-й взводъ — онъ рѣшаетъ расположить внизу направо, въ двухъ небольшихъ, рядомъ стоящихъ, дворахъ. Офицеры расходятся по взводамъ и ведутъ ихъ на линію охраненія. Я съ 4-мъ взводомъ занимаю лѣвую заставу, Погоржанскій съ 3-мъ среднюю, и Христіани съ 1-мъ правую. Лѣвѣе, одновременно со мной, къ границѣ выходитъ Поливановъ со взводомъ отъ № 2 эскадрона. На участкѣ моей заставы, по дорогѣ, стоятъ три двора, всѣ

съ прекрасными постройками и садами, спускающимися къ границѣ. «Живутъ здѣсь богато, потому что занимаются контрабандой» — замѣчаетъ по этому поводу Дервель. Жителей никого, — всѣ ушли подальше отъ родныхъ, ставшихъ теперь такими опасными, мѣстъ. Заставой я занялъ большой, наиболѣе выдвинутый дворъ, крайній слѣва, отъ котораго чуть ли не верста разстоянія до сосѣдняго, занятаго 2-мъ эскадрономъ. Въ двухъ-же остальныхъ хуторахъ я помѣстилъ полевые караулы, по семь человѣкъ каждый. Въ промежуткахъ между дворами сжатыя поля, удобныя для обзора. Только слѣва отъ насъ шагахъ въ четырехстахъ, не понравился мнѣ покрытый высокой травой овражокъ, по которому сбѣгала къ ручью вьющаяся тропинка; сюда я рѣшилъ съ темнотой выставить секреты, а пока-что каждый часъ отправлять дозоры.

Иду въ опустѣвшій домъ. Въ большой чистой комнатѣ стоятъ обитый клеенкой диванъ съ двумя креслами, нѣсколько стульевъ и большой столъ; по стѣнамъ развѣшаны фотографіи. Въ углу прибиты одна надъ другой двѣ полки, — на верхней стоитъ Распятіе, на нижней икона Остробрамской Божьей Матери. Все говоритъ за то, что обитатели этого дома религіозные, домовитые, работящіе люди; представляю, какъ больно имъ было уходить изъ родного пепелища. Отъ дома къ ручью спускается большой садъ. Правая его половина засажена фруктовыми деревьями, а лѣвая кустами крыжовника и смородины.

Изъ окна черезъ кусты далеко видно. Долго разсматриваю въ бинокль вражескую сторону. Ясно и отчетливо вижу всю деревеньку — Барцкеменъ; движенія никакого. Вдругъ замѣтилъ тѣни вдоль ограды, а затѣмъ быстро перешедшихъ въ кусты двухъ непріятельскихъ солдатъ; затѣмъ, далеко на горизонтѣ, промаячило три всадника. Пройдя къ столу, начертилъ кроки и отправилъ ихъ командиру эскадрона.

День сегодня былъ знойный; пока было свѣтло и жарко, проходилъ онъ совершенно спокойно. Когда же

солнце стало клониться къ западу и жара постепенно спадать, послышались слѣва, со стороны овражка первые выстрѣлы. Взводный, взявъ четырехъ человѣкъ, побѣжалъ, по моему приказанію, въ ихъ направленіи. Черезъ четверть часа всѣ вернулись, вмѣстѣ съ сконфуженными дозорными, которыхъ нещадно ругалъ Дервель. Оказывается, что по травѣ въ овражокъ ползли нѣмецкіе развѣдчики; наши дозорные, замѣтивъ это, начали ихъ обстрѣливать, на что тѣ отвѣтили нѣсколькими выстрѣлами и спѣшно ушли назадъ. Дервель никакъ не могъ простить преждевременныхъ выстрѣловъ и потерянной возможности «перенять» нѣмцевъ въ овражкѣ. Я приказалъ немедленно, не ожидая темноты, отправить туда секретъ.

Немного времени спустя, прибѣжалъ подчасокъ Емецъ съ докладомъ, что наступаетъ цѣпь нѣмцевъ. Я направился къ концу сада, гдѣ стоялъ нашъ постъ. Часовой — молодой солдатъ Минушинъ, родомъ изъ Архангельскихъ поморовъ, показалъ мнѣ рукой налѣво, заявляя, что видитъ перебѣжки нѣмцевъ изъ деревни Барцкеменъ и движеніе ихъ цѣпи во флангъ заставѣ Поливанова. То, что онъ видѣлъ простымъ глазомъ и описывалъ притомъ въ полныхъ подробностяхъ, — я еле различалъ, въ наступающей темнотѣ, глядя въ свой цейссовскій шестикратный бинокль. Какое исключительное зрѣніе. На всякій случай я приказалъ Дервелю вызвать нѣсколькихъ стрѣлковъ получше и занять канаву вдоль сада. Только онъ исполнилъ мое приказаніе, какъ началась частая стрѣльба у Поливанова и отвѣтная нѣмцевъ. Тогда я приказалъ начать рѣдкій огонь, старательно выцѣливая каждый выстрѣлъ. Минушинъ своими кошачьими глазами увидѣлъ, что нѣмцы перебѣгаютъ назадъ; стрѣльба стихла. Немного погодя началась перестрѣлка у Погоржанскаго.

Въ общемъ — впечатлѣніе то, что нѣмцы замѣтивъ нашъ подходъ, производятъ развѣдку по всей линіи съ цѣлью выяснить ея начертаніе и силы ее занимающія.

Вечеромъ послышались два выстрѣла съ нашего поста; я пошелъ къ нему, чтобы узнать въ чемъ дѣло. По дорожкѣ бѣжалъ уже подчасокъ и, захлебываясь, докладывалъ, что два нѣмца выскочили на постъ, часовой стрѣлялъ по нимъ и оба упали, повидимому убитыми. Подойдя къ посту, я съ удивленіемъ увидѣлъ на немъ командира эскадрона и вахмистра, которые и оказались убитыми, но воскресшими «нѣмцами».

Произошло оказывается, слѣдующее: — Соколовъ рѣшилъ провѣрить всю линію охраненія, занимаемую его эскадрономъ, начавъ отъ ея лѣваго фланга. Въ рукахъ у него были кроки начальниковъ заставъ и поэтому онъ началъ съ осмотра овражка, секретъ въ которомъ былъ мною также нанесенъ на кроки. Спустившись по тропинкѣ до расположенія секрета, онъ пошелъ оттуда низомъ, прямо къ краю нашего сада. Находясь въ непосредственной близости къ противнику, Соколовъ съ вахмистромъ шли осторожно и молча, и неожиданно вышли на часового Сергѣева, нервнаго солдата изъ московскихъ приказчиковъ, бывшаго до войны все время въ собраніи.

Наступила теплая лѣтняя ночь. Тишина полная, создающая впечатлѣніе, что въ природѣ все заснуло. Но впечатлѣніе это обманчиво: ужъ ощетинившіеся-то люди, стоящіе двумя линіями одна противъ другой и напряженно выслѣживающіе другъ друга — безусловно бодрствуютъ.

Около полуночи беру ефрейтора Межевого и иду съ нимъ къ секрету. Кирасиры, въ немъ находящіеся — Кобзарь отличный развѣдчикъ изъ Харьковскихъ крестьянъ, и Гресь грамотный толковый солдатъ, родомъ изъ Холмщины —великолѣпно укрылись въ кустахъ и высокой травѣ. Кобзарь шепотомъ мнѣ разсказываетъ, что онъ подползалъ къ самымъ домамъ на непріятельской сторонѣ и что тамъ было совсѣмъ тихо; только справа слышались голоса и звяканіе оружіемъ. Пролежавъ съ ними въ травѣ минутъ десять, отползаемъ обратно и идемъ въ обходъ полевыхъ карауловъ. По до-

рогѣ Межевой разсказываетъ мнѣ много интереснаго про охоту въ лѣсахъ на самой границѣ Смоленской и Черниговской губерній, гдѣ его отецъ служилъ лѣсникомъ.

Послѣ обхода забираюсь въ темную комнату и сажусь на диванъ. Постепенно сознаніе мое затуманилось и я, сидя, задремалъ. Пробужденіе было не изъ пріятныхъ, — чья-то холодная рука гладила меня по щекѣ и кто-то въ темнотѣ, наклонившись, что-то быстро бормоталъ. Я мигомъ отшатнулся и зажегъ электрическій фонарикъ. Предо мной стояла молодая женщина съ распущенными волосами и что-то дико бормотала на литовскомъ языкѣ. Я крикнулъ Межевого; появился и онъ и Дервель и силой вывели упиравшуюся и рыдавшую сумасшедшую. Одинокая, видимо покинутая своими въ суматохѣ бѣгства, она долго еще бродила по дорогѣ и хуторамъ и нарушала тишину ночи, кого-то громко призывая и рыдая истошнымъ страшнымъ голосомъ.

Впечатлѣніе отъ всего этого случая, признаться, пренепріятное. Въ комнатѣ мнѣ уже не сидѣлось и я вышелъ во дворъ; обошелъ еще разъ всѣ посты. До утра все было спокойно; лишь на разсвѣтѣ вѣтерокъ доносилъ откуда-то издалека, слѣва, звуки частаго ружейнаго огня.

30 іюля.

Утро ничего съ собой новаго не принесло; нѣмцы, выяснивъ, что граница сплошь занята нашимъ охраненіемъ, повидимому на этомъ успокоились.

Около 12 часовъ дня насъ пришли смѣнять кирасиры Его Величества. Собираемся всѣ на главную заставу и оттуда идемъ въ Вилькупе. Со стороны Вержболова слышна артиллерійская стрѣльба, а затѣмъ, то усиливаясь, то спадая, зарокоталъ и ружейный огонь. Изъ Вилькупе, въ составѣ всего собравшагося полка, двинулись въ направленіи нашего бивака.

Пройдя версты двѣ, остановились; видно, какъ головной эскадронъ повернулъ по проселочной дорогѣ направо. Между тѣмъ слышно было, какъ и артиллерійскій и ружейный огонь стали замѣтно усиливаться. Ясно, что насъ потребовали на поддержку. Полкъ переходитъ въ рысь. Проходимъ имѣніе Гутковъ, гдѣ стоялъ сторожевой резервъ 1-й бригады, и направляемся къ деревнѣ Станайце. Здѣсь переходимъ въ шагъ.

Полкъ выстраиваетъ резервную колонну, спѣшивается и становится вплотную за двумя большими, въ зелени, хуторами. Въ садикѣ одного изъ нихъ, разложивъ карты на столѣ, сидятъ на придвинутыхъ скамейкахъ начальникъ дивизіи Казнаковъ, начальникъ штаба и дивизіонный врачъ. Нашъ командиръ полка пошелъ являться и затѣмъ также къ нимъ присоединился. Время отъ времени подъѣзжали ординарцы съ донесеніями. Слышно, какъ въ музыку боя, неожиданно вмѣшались застрекотавшіе наши пулеметы.

Мы съ Христіани подходимъ къ адъютанту Генеральнаго штаба нашей дивизіи, Самсону, глубокомысленно, заложивъ руки назадъ, гуляющему вдоль забора, и просимъ разсказать боевую обстановку. Онъ охотно насъ въ нее посвящаетъ. Производится усиленная рекогносцировка съ боемъ, дабы выяснить силы противника, расположенныя вдоль границы. 1-я бригада нашей дивизіи прошла уже около 3-4 верстъ вглубь; слѣва продвигаются армейскія кавалерійскія дивизіи. Нашъ полкъ вызванъ сюда въ виду израсходованія резервовъ въ 1-й бригадѣ.

Приходитъ извѣстіе, что армейскія части ханомъ Нахичеванскимъ, считающимъ, что задача уже выполнена, отводятся обратно. Такимъ образомъ, цѣпи кавалергардовъ и конногвардейцевъ оказались выдвинутыми впередъ, съ открытыми флангами. Нашему полку приказано перейти къ самой границѣ, у южной окраины дер. Станайце и выдвинуть одинъ эскадронъ на флангъ отходящихъ въ исходное положеніе цѣпей 1-й бригады. Пошелъ лавой лейбъ-эскадронъ.

Здѣсь мы попали въ первый разъ подъ артиллерійскій обстрѣлъ; откуда то слѣва стрѣляла по насъ непріятельская батарея. Долго слышалось нароставшее шипѣніе летящаго снаряда, затѣмъ впереди насъ показывалось вверху небольшое ватное облачко и слышался, одновременно, короткій звонкій трескъ разрыва. Пока шла по насъ безрезультатная пристрѣлка, мы, въ поводу ведя лошадей, ушли налѣво въ лощину, а батарея, потерявъ цѣль, стрѣльбу прекратила.

Наконецъ, цѣпи прошли мимо насъ къ коноводамъ. Мы получили приказаніе выслать три унтеръ-офицерскихъ разъѣзда, на 2 версты передъ границей, пока не установится сторожевое охраненіе; отъ нашего эскадрона на дер. Радшенъ пошелъ Дервель. Полкъ отпущенъ на бивакъ. Пришли и съ удовольствіемъ вымылись и, сильно проголодавшіеся, пошли обѣдать въ собраніе.

У Христіани поднялся жаръ и заболѣло горло, — видимо простудился третьяго дня. Послѣ обѣда возвращаюсь съ Пиккелемъ, вооруженнымъ термометромъ, аспириномъ, ромомъ и другими снадобьями для лѣченія Христіани. Сейчасъ же по нашемъ приходѣ появился съ разъѣздомъ вернувшійся Дервель. Онъ доложилъ, что отогналъ огнемъ подходившій германскій эскадронъ, а затѣмъ ушелъ, получивъ соотвѣтствующее приказаніе отъ командира кавалергардскаго эскадрона, выставившаго уже охраненіе. Кромѣ того, онъ привелъ безхозяйныхъ, бродившихъ между нѣмецкихъ деревень двухъ коровъ и бычка. Одна удойная корова была подарена хозяйкѣ нашего хутора, мужъ которой, запасный солдатъ, ушелъ въ войска, а другая корова и бычекъ пошли въ эскадронный котелъ.

Вечеромъ приходилъ навѣстить насъ Аршеневской. Христіани основательно простудился и ночью даже бредилъ. Я же послѣ безсонной ночи, моціона и свѣжаго воздуха заснулъ, какъ убитый.

31 іюля.

Сегодня намъ снова предстоитъ идти въ сторожевое охраненіе.

Съ утра эскадронный писарь принесъ офицерамъ по комплекту картъ Восточной Пруссіи, перепечатанныхъ съ изданія германскаго генеральнаго штаба. Я занялся ихъ склейкой; гуммиарабикъ купленъ въ Пильвишкахъ, оказывается, не напрасно.

Въ штабѣ полка, куда я зашелъ утромъ, слушалъ вернувшагося съ развѣдки барона Таубе; онъ сумѣлъ осмотрѣть довольно глубоко полосу, лежащую передъ нами въ Восточной Пруссіи. Противъ насъ, по границѣ, по его словамъ, стоитъ германская кавалерія, ихъ пограничная стража Grenzschutz и вооруженные жители, повидимому, еще не одѣтые ландштурмисты. Стрѣляютъ, въ общемъ, со всѣхъ населенныхъ пунктовъ. Въ разъѣздѣ тяжело раненъ въ животъ и поэтому оставленъ на попеченіи мѣстныхъ жителей, вольноопредѣляющійся Кожинъ, наканунѣ своего производства въ офицеры полка; красивый способный юноша, годъ тому назадъ окончившій первымъ Лицей.

Христіани нездоровъ и сегодня остается на бивакѣ.

Къ 11 часамъ мы снова, какъ и третьяго дня, стоимъ въ резервномъ порядкѣ у имѣнія Вилькупе. Лейбъ-эскадронъ и № 3 пошли на линію охраненія, мы же со 2-мъ остаемся въ резервѣ. Смѣненные нами кирасиры Его Величества уходятъ на бивакъ. Нашъ эскадронъ заводитъ лошадей по большимъ сараямъ усадьбы. Кухня въ господскомъ домѣ уже занята стряпающими собранскими поварами; въ большой комнатѣ накрываютъ столы; вопросъ питанія обставленъ сегодня прекрасно, сумѣли послать обѣдъ офицерамъ и на линію сторожевого охраненія. Третьяго дня, по неопытности, это дѣло у насъ сильно хромало.

Послѣ обѣда раскладываемъ вновь полученныя карты, изучаемъ всѣ вмѣстѣ Восточную Пруссію — районъ нашихъ предполагаемыхъ дѣйствій. Отпечатаны карты

неважно — краска расплывчата; для того, чтобы придать недостающую ясность, расцвѣчиваемъ ихъ цвѣтными карандашами.

На линіи охраненія все тихо, кромѣ одного непріятнаго случая, — гусарскій разъѣздъ, возвращаясь, вышелъ на заставу нашего 3-го эскадрона и былъ обстрѣлянъ, причемъ потерялъ одну лошадь убитой. На ночь между младшими офицерами были распредѣлены по часамъ дежурства; мнѣ дежурить не пришлось.

1 августа.

Утро пасмурное; низко плывутъ, подгоняемыя вѣтромъ, сѣрыя облака.

Во дворѣ знакомая картина, — лошади выведены изъ сараевъ и зачищаются кирасирами подъ строгимъ, неослабнымъ окомъ вахмистровъ и взводныхъ. Двѣ наиболѣе прыткія вырвались и, распустивъ хвостъ трубой, галопируютъ по двору, никакъ не поддаваясь нѣсколькимъ, бѣгающимъ вокругъ нихъ кирасирамъ.

На столѣ въ комнатѣ, замѣняющей намъ столовую, шипитъ большой мѣдный самоваръ, занятый на кухнѣ; выспавшіеся, свѣжіе, только что умывшіеся холодной водой наши господа наливаютъ себѣ въ кружки чай и присаживаются къ столу.

Послѣ чая, я иду въ эскадронъ и собираю унтеръ-офицеровъ и развѣдчиковъ; разложивъ карту на подгнившемъ кругломъ столѣ въ палисадникѣ, учу ихъ читать нѣмецкія надписи и условные знаки. Люди отнеслись къ этому съ большимъ интересомъ и вниманіемъ; я роздалъ всѣ бывшія у меня карты и они, раздѣлившись на группы, стали изучать ихъ, медленно водя своими толстыми загорѣлыми пальцами и поминутно прося разрѣшить возникающія у нихъ сомнѣнія. Забавно было слышать въ ихъ произношеніи нѣмецкія слова. Мнѣ дѣятельно помогали три унтеръ-офицера изъ нѣмцевъ-колонистовъ — Дервель, Людвигъ и Обстъ.

Обѣдать рѣшили мы въ Вилькупе. Послѣ обѣда пришли на смѣну наши однобригадники. Со стороны Владиславова слышна все разгорающаяся артиллерійская стрѣльба. Послѣ смѣны, полкъ не прошелъ и половины пути, какъ на встрѣчу показался начальникъ дивизіи со штабомъ, шедшіе рысью. Перейдя въ шагъ и поздоровавшись съ эскадронами, генералъ Казнаковъ приказалъ полку остановиться и ждать приказаній, а самъ двинулся на рысяхъ въ Вилькупе. Вслѣдъ за этимъ прошла туда и 4-я батарея.

Вскорѣ пріѣхалъ съ приказаніемъ Аршеневской, — одинъ дивизіонъ приказано вернуть въ Вилькупе, другой-же направить на рысяхъ на Владиславовское шоссе и занять тамъ позицію передъ рѣкой Шешупой фронтомъ на сѣверъ. Я успѣлъ поймать Аршеневского и спросить въ чемъ дѣло. Онъ мнѣ передалъ, что вторую дивизію нѣмцы сильно тѣснятъ у Ширвиндта и, главное, что будто непріятельская конница переправилась сѣвернѣе Владиславова и насъ обходитъ. Для скорости Казнаковъ отправилъ сторожевой резервъ — кирасиръ Его Величества — съ 4-й батареей къ Владиславову, а на его мѣсто вытребовалъ одинъ нашъ дивизіонъ; другой же дивизіонъ приказалъ отправить въ заслонъ Владиславовскаго шоссе.

Въ составѣ послѣдняго, подъ командой полковника Шведера, мы на рысяхъ пошли въ направленіи на сѣверъ. Спѣшившись подъ стѣнами какихъ то закопченныхъ кирпичныхъ сараевъ, цѣпями стали подниматься черезъ большое картофельное поле на возвышающіеся передъ нами холмы. Окрестные жители съ ужасомъ наблюдали за нашими манипуляціями, и видно было, какъ стали вытаскивать изъ домовъ узлы, сундуки и запрягать лошадей. Погоржанскій посланъ былъ связаться съ частями 2-й дивизіи къ Владиславову. Вскорѣ отъ него было получено донесеніе, что нѣмцы вели легкое наступленіе на Ширвиндтъ, обстрѣливая его артиллерійскимъ огнемъ, и вскорѣ отошли. Сѣвернѣе Владиславова, черезъ Шешупу, пытался перейти нѣмецкій разъ-

ѣздъ, но былъ отогнанъ; по слухамъ отъ мѣстныхъ жителей, гдѣ то еще сѣвернѣе былъ замѣченъ другой нѣмецкій разъѣздъ. Изъ всего этого легко заключить, что свѣдѣнія, полученныя нашимъ штабомъ дивизіи, оказались необычайно преувеличенными; они же явились причиной всей поднятой тревоги. Одновременно съ донесеніемъ Погоржанскаго дивизіонъ получилъ приказаніе двигаться на бивакъ, оставивъ одинъ взводъ на мѣстѣ, для наблюденія. Оставленъ былъ я со своимъ 4-мъ взводомъ.

Первымъ дѣломъ я успокоилъ жителей, а затѣмъ, оставивъ постъ на холмѣ, отвелъ людей къ коноводамъ. Приблизительно, черезъ полчаса и я былъ отозванъ на бивакъ. По обочинамъ шоссе возвращаюсь домой. Неожиданно вижу, двигающуюся по немъ съ мѣрами охраненія, небольшую пѣхотную колонну. Съ интересомъ разспрашиваю офицера, верхомъ слѣдующаго въ ея головѣ. Милый привѣтливый поручикъ разсказываетъ, что ведетъ въ Ширвиндтъ команду развѣдчиковъ 112 пѣхотнаго Уральскаго полка; за нимъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ движется баталіонъ ихъ же полка съ одной батареей. Данная имъ задача — занять и обезпечить за собой переправу между Ширвиндтомъ и Владиславовомъ. Пѣхотные развѣдчики, — сплошь молодежь съ веселыми загорѣлыми лицами, — производятъ самое лучшее впечатлѣніе. Слышно, какъ они обмѣниваются добродушными шутками съ моими людьми.

Придя на бивакъ, являюсь командиру полка, потомъ иду ужинать. Вечеромъ, къ намъ въ сарай собираются всѣ офицеры нашего эскадрона и докторъ Пиккель, пришедшій навѣстить Христіани. Онъ совершенно выздоровѣлъ и хочетъ завтра итти съ эскадрономъ въ охраненіе, но Пиккель этому рѣшительно противится. Еще позже пришелъ Аршеневской, и мы всѣ провели вечеръ весело и премило за стаканомъ чая, закусывая кусками чернаго хлѣба съ масломъ.

2 августа.

Съ утра тревога. Люди спѣшно сѣдлаютъ лошадей, надѣваютъ амуницію, разбираютъ пики... Слѣва доносятся до насъ звуки боя.

Пока что намъ приказано ждать на мѣстахъ. Отпустивъ подпруги, кирасиры садятся на завалинкахъ или просто на травѣ, держа въ поводу лошадей. Они мирно и весело бесѣдуютъ; по временамъ слышны ихъ рѣзкіе короткіе окрики на лошадей, прижимающихъ уши и отчего то вдругъ не поладившихъ со своими сосѣдками. Къ стѣнамъ дома и сараевъ прислонены ровными рядами длинныя пики. Кругомъ все серебрится отъ обильной росы, отражающей уже яркое солнце. Черезъ часъ пріѣзжаетъ верхомъ Пѣстунъ и передаетъ приказаніе вести взводъ къ эскадрону. Люди, подтянувъ конямъ подпруги и разобравъ пики, по одному гуськомъ выходятъ со двора, садятся и выстраиваются вдоль тропинки.

Полкъ двигается въ имѣніе Гутковъ. Чѣмъ ближе подходимъ, все слышнѣе становится артиллерійская канонада и трескотня ружейнаго огня. Изъ Гуткова идемъ на Станайце и становимся на тѣ же мѣста, что и третьяго дня. Узнаемъ, что противникъ съ утра, введя сравнительно крупныя силы, повелъ наступленіе на станцію Вержболово, задѣвъ частично и охраненіе отъ кавалергардовъ. Нѣмцы неожиданно для себя напоролись на подошедшія уже головныя части сосредоточивающейся нашей пѣхоты, но все же не перестаютъ вести атаки въ намѣченномъ направленіи. Наша первая бригада, отбивъ непріятеля на своемъ участкѣ, перешла въ контръ-наступленіе; стоящая налѣво, на позиціи, Его Величества батарея, нащупавъ видимо вѣрную цѣль, переходитъ на частый огонь.

Одно время надъ нами высоко разрывается нѣсколько непріятельскихъ шрапнелей, не причиняющихъ намъ однако никакого вреда.

Мы съ Поливановымъ влѣзаемъ на чердакъ рядомъ стоящаго дома и оттуда въ бинокли наблюдаемъ кар-

тину боя. Обзору сильно мѣшаетъ стелющійся черный дымъ отъ многочисленныхъ пожаровъ, поднятыхъ на германской сторонѣ артиллерійскимъ огнемъ. Бой затихаетъ только къ сумеркамъ. Цѣпи 1-й бригады оттягиваются назадъ на границу. Конному полку, цѣлый день находившемуся въ бою, сегодня очередь идти въ сторожевое охраненіе. Ханъ Нахичеванскій благодаритъ полки 1-й бригады за сегодняшнюю боевую работу. Начальникъ пѣхотной дивизіи, частямъ которой сильно помогли неожиданное наступленіе цѣпей подъ командой генерала Скоропадскаго и удачный огонь во флангъ противнику нашей 1-й батареи полковника князя Эристова, — также прислалъ свою благодарность.

Ханъ приказалъ Конную Гвардію отвести на отдыхъ, а сторожевой участокъ 1-й бригады раздѣлить между нашей и 3-й кавалерійской дивизіями. По этой причинѣ въ линію охраненія нашъ полкъ выставляетъ сегодня три эскадрона и одинъ только 3-й со штабомъ полка идутъ въ сторожевой резервъ въ имѣніе Гутковъ. Сторожевымъ отрядомъ командуетъ нашъ старшій полковникъ Шведеръ, командиръ же полка временно командуетъ бригадой.

Нашъ эскадронъ снова занимаетъ прежній участокъ у дер. Шуклеки и я со взводомъ становлюсь на тѣ же самые хутора, что и въ прошлый разъ. Вечеръ и ночь проходятъ у насъ въ абсолютномъ покоѣ. Налѣво-же, вѣроятно, у Станайце, все время слышалась оживленная перестрѣлка.

Поздно ночью пришелъ командиръ эскадрона и просидѣлъ со мной цѣлый часъ на скамейкѣ въ садикѣ. Сегодня онъ на главной заставѣ, въ одиночествѣ, съ 1-мъ взводомъ, изъ-за болѣзни Христіани. Вечеромъ Соколовъ посылалъ донесеніе Шведеру; вернувшійся оттуда кирасиръ доложилъ, что на лейбъ-эскадронъ вечеромъ наступали германскіе развѣдчики и теперь все время его тревожатъ; на сосѣднемъ участкѣ, отъ армейской кавалеріи также неспокойно. Вслѣдствіе этого резервъ увеличенъ двумя эскадронами кавалергардовъ.

Стрѣльба слѣва прекратилась. Тишина полная, прерываемая изрѣдка лишь жидкимъ охрипшимъ лаемъ какой-то бродячей собаки. На зарѣ неожиданно потянуло сырымъ холодкомъ; съ сѣвера горизонтъ покрылся тучами. Вскорѣ косой мелкій дождикъ загналъ меня въ комнаты.

3 августа.

Къ утру дождь уже больше не накрапываетъ; день наступаетъ теплый, пасмурный.

Неожиданно приходитъ приказаніе — ровно въ 8 часовъ, возможно скрытнѣе, отвести взводъ съ линіи охраненія и, пользуясь складками мѣстности, уходить на деревню Порожнишки, гдѣ и присоединиться къ эскадрону. По одному перевожу въ назначенный срокъ людей къ коноводамъ; садимся и кустами направляемся къ деревнѣ Лауцкайме. Здѣсь встрѣчаю 3 взводъ съ Погоржанскимъ и дальше двигаюсь вмѣстѣ съ нимъ. При выходѣ изъ деревни замѣчаемъ разъѣздъ, на сѣрыхъ лошадяхъ, идущій по проселочной дорогѣ справа, въ нашемъ направленіи; намъ оттуда машутъ, чтобы мы остановились. Ко мнѣ подъѣзжаетъ молодой корнетъ Павлоградскаго гусарскаго полка и объясняетъ, что ихъ полкъ съ конной батареей направляется въ тѣ мѣста, гдѣ мы стояли сегодня ночью, чтобы здѣсь ждать подхода пѣхоты. На границу вѣеромъ выслана серія разъѣздовъ, одинъ изъ коихъ мы и видимъ теперь передъ собой. По его просьбѣ я далъ ему свѣдѣнія о сторожевомъ участкѣ, съ котораго мы только что ушли; затѣмъ мы безъ помѣхи продолжали нашъ путь.

Въ назначенномъ мѣстѣ стоялъ уже Соколовъ съ 1 и 2 взводами; здѣсь же назначено сборное мѣсто для всего полка. Вскорѣ къ намъ подошелъ Брюммеръ съ № 2-мъ эскадрономъ, а затѣмъ Шведеръ съ лейбъ и № 3-мъ. Въ поводу полкъ перешелъ къ шоссе, по которому пришли и пристроились къ намъ кирасиры Его Величества. Подъѣхавшій начальникъ дивизіи поздоро-

вался съ эскадронами и приказалъ бригадѣ слѣдовать за нимъ въ Владиславовъ. Тамъ, на пустырѣ мы выстроили резервный порядокъ и спѣшились. Мимо насъ прошли полки 1-й бригады и батареи. Обозы 1-го разряда вытянулись вдоль улицы.

Съ нашимъ обозомъ, съ бивака, пришли Христіани, а также Чебышовъ, опоздавшій пріѣхать изъ Воронежской губерніи, гдѣ онъ былъ въ отпуску, послѣ окончанія Юридической Академіи. И тотъ и другой разсказываютъ много интереснаго. — Христіани утромъ заѣзжалъ въ штабъ дивизіи и узналъ задачу, что получила конница хана Нахичеванскаго. — Сегодня днемъ мы должны тремя колоннами вторгнуться въ Восточную Пруссію и дѣйствовать во флангъ и тылъ непріятельскимъ войскамъ. Обязанности штаба конницы возложены на штабъ 2-й армейской дивизіи. Изъ первыхъ бригадъ армейскихъ дивизій сформирована сводная дивизія со штабомъ при ней отъ 3-й кавалерійской; она предназначена идти правой колонной, наша дивизія средней и 2-я гвардейская — лѣвой. Чебышовъ разсказываетъ о блестяще проведенной мобилизаціи по всей Россіи и о большомъ подъемѣ среди населенія; а также о томъ, что вчера и сегодня, рано утромъ, онъ обгонялъ войска III и XX корпусовъ, двигавшіяся къ границѣ.

Владиславовъ маленькій городишка въ типѣ Волковышекъ, но еще поменьше. Офицеры 3 эскадрона заказываютъ завтракъ въ кабачкѣ, подлѣ котораго мы стоимъ, и предлагаютъ и намъ принять въ немъ участіе. Мы съ охотой соглашаемся, но боимся, что не хватитъ времени. Христіани ѣдетъ узнать, сколько мы здѣсь должны простоять, — оказывается, что долго. Идемъ въ эскадронъ, чтобы распорядиться о кормежкѣ людей и лошадей.

Нашъ завтракъ готовъ; разсаживаемся за большой столъ и принимаемся за яичницу съ зеленымъ лукомъ и рубленныя котлеты; у толстой безобразной еврейки — хозяйки кабачка — находится для насъ и припрятанное красное вино. Подаетъ намъ, кромѣ нея, ея дочь, дѣ-

вушка замѣчательной красоты, въ чемъ она видимо и сама увѣрена. Время отъ времени она кидаетъ ласковые чуть насмѣшливые взгляды своими громадными глазами, подымая для этого длинныя рѣсницы, оттѣняющія матовую, на рѣдкость нѣжную кожу лица. Мы рѣшаемъ, что зовутъ ее обязательно Рахилью, но къ нашему разочарованію она носитъ болѣе прозаическое имя — Малки. Обѣ онѣ съ матерью на перебой разсказываютъ, какъ было имъ страшно два дня тому назадъ, когда по городу стрѣляла германская артиллерія и какъ высидѣли онѣ весь этотъ день въ сыромъ погребѣ. И безобразная мать, и красавица дочь во время разсказа, сопровождаемаго непрерывной жестикуляціей и передаваемаго ихъ гортанной прерывчатой рѣчью, удивительно стали похожими другъ на друга.

Послѣ завтрака, я съ Розенбергомъ, младшимъ офицеромъ № 3 эскадрона, спустились къ рѣкѣ и пошли по дорожкѣ, вьющейся среди низкорослыхъ кустовъ, вдоль покатаго песчанаго берега. На той сторонѣ рѣки видны проходящія въ направленіи на сѣверъ части сводной дивизіи. Подходимъ къ болотистой долинѣ пограничнаго ручья, впадающаго въ рѣку, принимаемъ влѣво и выходимъ къ мосту, по одну сторону котораго поставлена наша таможня, а по другую прусская, теперь обѣ совершенно пустыя. Послѣ моста устроена дамба, пройдя которую мы вышли въ крошечный городокъ Ширвиндъ; сразу попали на его главную улицу, упирающуюся въ высокую кирху, съ поставленнымъ передъ ней памятникомъ Бисмарку. Поражаютъ нѣсколько прекрасныхъ магазиновъ съ большими стеклянными витринами, такими несоразмѣрными съ величиной этого городка. Жители всѣ ушли; встрѣтили только нѣсколькихъ пѣхотныхъ солдатъ, разсказавшихъ намъ, что ихъ баталіонъ на позиціи, а кавалерія и пѣхотные развѣдчики ушли впередъ.

Возвратились мы къ полку какъ разъ во время — сейчасъ же дивизія была поднята и направлена къ мосту черезъ рѣку Шешупу. Пройдя мостъ, вышли на шос-

се, что идетъ отъ Владиславова на сѣверъ. Пройдя четыре версты, повернули на проселочную дорогу. Справа лощина съ текущимъ по ней ручьемъ, слѣва — сплошной косогоръ, скрывающій насъ со стороны границы. Пройдя еще верстъ шесть, снова строимъ резервный порядокъ и спѣшиваемся на большомъ лугу, справа отъ дороги. Нашъ авангардъ — кирасиры Его Величества, свернули круто налѣво и скрылись за холмами и разбросанными хуторами.

Солнце, показавшееся было днемъ — снова, и кажется окончательно, скрылось за облака. Мы стоимъ на лугу, служащемъ, судя по многочисленнымъ слѣдамъ и выбитой травѣ, деревенскимъ пастбищемъ.

Послышалась команда «къ конямъ», потомъ «садись». Нашъ полкъ вытягивается въ походную колонну и поворачиваетъ на западъ; за нами слѣдуетъ 4-ая батарея, а затѣмъ 1-ая бригада. Пройдя версты двѣ между холмами и перелѣсками, опускаемся цѣлиной къ нивѣ. Сквозь кусты показалась мутная свинцовая лента Шешупы. Переходимъ ее вбродъ; воды столько, что приходится подымать колѣни къ передней лукѣ. Въ батареѣ боятся замочить снаряды; ихъ вынимаютъ изъ зарядныхъ ящиковъ и передковъ. Артиллеристы и, посланные имъ въ помощь наши кирасиры, перевозятъ снаряды въ рукахъ. Орудія при переправѣ совершенно уходятъ подъ воду. Взявъ довольно крутой берегъ, выходимъ къ рощицѣ и поджидаемъ тамъ подходящія остальныя части нашей дивизіи. Переправа затянулась — смотрю на часы, безъ четверти пять.

Колонна двинулась впередъ, — уже по германской территоріи. Проходимъ деревню Будупененъ; жители на мѣстахъ. Вызываютъ меня къ командиру эскадрона и передаютъ взводнымъ, чтобы назначили по три развѣдчика отъ каждаго взвода и выслали-бы ихъ впередъ. Оказывается вытребованъ офицерскій разъѣздъ въ 12 коней. Вытягиваемся по одному и рысью перегоняемъ всю колонну нашего полка, идущаго въ головѣ главныхъ силъ.

Впереди идетъ штабъ дивизіи, во главѣ съ генераломъ Казнаковымъ, и штабъ конницы съ генераломъ ханомъ Нахичеванскимъ. Ханъ, въ накинутой буркѣ ѣдетъ нѣсколько поотдаль, сосредоточенно молча и поминутно взглядывая на палетку съ картой. Его штабъ опрашиваетъ на ходу только что приведенныхъ двухъ плѣнныхъ нѣмецкихъ уланъ.

Нашъ начальникъ дивизіи даетъ мнѣ задачу — пройти къ южной окраинѣ мѣст. Шиллененъ и развѣдать расположеніе и силы противника. Вызванному-же одновременно со мною Розенбергу, приказываетъ идти пока-что за штабомъ дивизіи. Я съ разъѣздомъ перехожу въ рысь и обгоняю сначала цѣпочку, потомъ колонну и еще далѣе лаву авангарда. Со мной идетъ мой товарищъ по выпуску конно-артиллеристъ Сергѣй Гершельманъ, высланный на развѣдку артиллерійской позиціи. Обходимъ слѣва селеніе Эйдгимишкенъ, послѣ чего Гершельманъ остается, а я, перейдя полотно узкоколейной желѣзной дороги, иду по опушкѣ лиственнаго лѣса. Дозорный даетъ знакъ остановиться. Приказываю разъѣзду принять влѣво въ лѣсъ, самъ же ѣду узнать въ чемъ дѣло. Лѣсъ кончается. Передъ его опушкой, шагахъ въ шестистахъ, въ расположенномъ на холмѣ хуторѣ, ясно замѣтна непріятельская кавалерійская застава; на крышѣ виденъ часовой, держащій въ рукахъ карабинъ и всматривающійся влѣво, видимо, въ сторону подходящей лавы авангарда. Пославъ донесеніе о замѣченной заставѣ, рѣшаю съ разъѣздомъ продвинуться влѣво, прямо по лѣсу. Ноги лошадей глубоко уходятъ въ мохъ; буреломъ и палая листва трещатъ подъ ногами, отчего я сворачиваю снова къ опушкѣ.

Передъ нами вырисовался весь Шиллененъ. Моя кобыла не желаетъ спокойно стоять и я принужденъ спѣшиться и влѣзть на дерево, чтобы спокойно въ бинокль разсмотрѣть мѣстечко. Ясно, что тамъ еще не знаютъ о нашемъ приближеніи: по улицѣ видны возы съ сѣномъ, пѣшеходы, о чемъ то бесѣдующіе, играющія дѣти. Показалось нѣсколько всадниковъ-уланъ, съ пиками съ

флюгерами, въѣзжающихъ спокойно въ ворота. Въ нѣкоторыхъ дворахъ замѣтны посѣдланные кони. Слѣзаю съ дерева, пишу донесеніе и приказываю его возможно скорѣе доставить начальнику дивизіи. Устиновъ кладетъ донесеніе въ фуражку и хочетъ выѣхать, но конь у него съ норовомъ и ни за что не желаетъ отдѣлиться отъ разъѣзда. Я приказываю передать пакетъ другому кирасиру, чтобы не терять времени.

Лошадь — животное съ необычайно развитымъ стаднымъ началомъ. Она одинакова въ своемъ упорствѣ не уходить отъ своихъ и въ своемъ стремленіи, завидѣвъ родную часть, къ ней присоединиться.

Я вспоминаю случай въ Красномъ Селѣ на кавалерійскихъ сборахъ. Нашему полку и, въ частности, № 4 эскадрону пришлось идти на флангѣ заходящей плечомъ всей массы конницы. Среди тучи пыли мы буквально стелились въ широкомъ галопѣ; былъ поданъ сигналъ «прямо». Мы перешли въ рысь и вотъ здѣсь я услышалъ разговоры и какое то возбужденіе во взводѣ. Я обернулся и разбранилъ людей, на что унтеръ-офицеръ нѣсколько разъ мнѣ повторилъ слово Тегеранъ. Когда мы остановились и тучи пыли разсѣялись, я понялъ въ чемъ дѣло: въ задней шеренгѣ въ рядахъ кирасиръ стоялъ тучный пѣхотный полковникъ, съ бакенбардами, верхомъ на проданномъ въ прошломъ году въ бракъ конѣ нашего эскадрона «Тегеранѣ». Мы проходили во время ученія мимо пѣхотнаго лагеря и здѣсь сердце «Тегерана» не вытерпѣло при видѣ родного эскадрона — онъ вмѣсто покойной проѣздки заставилъ своего сѣдока продѣлать въ рядахъ кирасиръ лихое кавалерійское ученіе.

Возвращаюсь къ дѣйствительности. — Изъ разъѣзда, спрятаннаго мною въ лѣсу, докладываютъ, что сзади слышенъ трескъ вѣтокъ и доносится ржаніе лошадей. Я послалъ въ этомъ направленіи дозорныхъ; минутъ черезъ десять они вернулись вмѣстѣ съ молодцоватымъ взводнымъ —кирасиромъ Его Величества. Оказывается мое донесеніе было по дорогѣ прочитано и поэтому

высланъ взводъ, чтобы снять заставу при подходѣ лавы. Я вывелъ взводнаго на опушку лѣса и показалъ ему въ свой бинокль ея мѣстоположеніе. Вскорѣ послышались два-три выстрѣла, затѣмъ короткое ура и я увидѣлъ карьеромъ удиравшихъ вдоль узкоколейки нѣсколькихъ нѣмецкихъ уланъ. Кирасиры стрѣляли имъ вслѣдъ.

Этотъ случай поднялъ тревогу въ мѣстечкѣ; замѣтно было, какъ разсыпалась по канавѣ рѣдкая цѣпь противника. Я вызвалъ четырехъ человѣкъ изъ разъѣзда, самъ взялъ винтовку у вѣстового и мы открыли огонь по двумъ дворамъ, гдѣ замѣтили посѣдланныхъ коней. Въ это время выглянуло противъ насъ заходящее солнце, будто нарочно, чтобы мѣшать нашей стрѣльбѣ.

Справа я услышалъ знакомый гулъ идущей на рысяхъ конницы; обернувшись, я увидѣлъ, что въ золотистомъ свѣтѣ догорающаго дня, уже сверкали клинки шашекъ и копья пикъ подходившей лавы кирасиръ Его Величества. Нѣмецкая цѣпь бѣгомъ бросилась къ конямъ и затѣмъ видно было, какъ отдѣльные всадники галопомъ уходили изъ мѣстечка.

Шилленёнъ сталъ свободнымъ отъ противника. Я пошелъ въ его направленіи; справа меня догонялъ взводъ, сбивавшій заставу; кирасиры держали пики съ прусскими флюгерами и карабины, оставленные въ переполохѣ бѣжавшими уланами. Во дворахъ передъ нами вдругъ показались густые клубы чернаго дыма, затѣмъ сталъ пробиваться кое-гдѣ огонь и послышался характерный трескъ начинающагося пожара. Я взялъ направленіе круто направо и у входа въ Шилленёнъ встрѣтилъ входившую туда нашу колонну. Сдѣлавъ докладъ начальнику дивизіи, я отъѣхалъ въ сторону и сталъ ждать подхода нашего эскадрона.

Расположились мы по дворамъ, справа отъ большой дороги. Отъ пожара на другомъ концѣ мѣстечка занялось нѣсколько домовъ; надъ ними колыхалось большое пламя. Наши солдаты вмѣстѣ съ жителями тушили огонь; черезъ часъ какъ то сразу все потухло,

отчего сумерки сгустились до того, что дома и даже высокая кирха потеряли свои очертанія.

Намъ, офицерамъ, досталась чистенькая, на рѣдкость аккуратная, квартира полицейскаго чиновника, повидимому только что уѣхавшаго со своей семьей. Забавно было читать навѣшенные на стѣны картоны съ сентиментальными нравоученіями; въ спальной висѣлъ цѣлый гимнъ кровати, съ откровеннымъ перечисленіемъ всѣхъ важныхъ и многообразныхъ функцій въ ея службѣ человѣчеству. Грустно было видѣть разбросанныя дѣтскія игрушки и думать, какъ тяжело теперь, вѣроятно, приходится ихъ маленькимъ хозяевамъ.

Легли спать на постеляхъ, матрацахъ и мягкихъ диванахъ, подложивъ подъ головы наши неизмѣнныя резиновыя надувныя подушки. Пора засыпать — въ столовой часы выбиваютъ десять ударовъ, кукушка въ гостинной имъ вторитъ...

4 августа.

Проведя совершенно спокойную ночь въ Шиллененѣ, съ разсвѣтомъ собираемся въ дальнѣйшій походъ. На большомъ лугу, у южной окраины мѣстечка, строятся полки и батареи нашей дивизіи. Трава покрыта росой. Восходящаго солнца еще не видно, но башни кирхи и верхушки деревьевъ начинаютъ освѣщаться его косыми лучами.

Нашъ полкъ, назначенный сегодня въ авангардъ, вытягивается по проселочной дорогѣ, въ направленіи на юго-западъ. Пройдя версты четыре, проходимъ линію сторожевого охраненія, занятую кирасирами Его Величества.

На лицахъ ихъ людей замѣтенъ сѣрый отпечатокъ отъ безсонной ночи и предутренняго холодка. Миновавъ линію охраненія, — второй эскадронъ вправо, а третій эскадронъ влѣво отъ дороги — разворачиваютъ лаву; лейбъ-эскадронъ и нашъ идутъ въ колоннѣ авангарда;

мой взводъ назначенъ въ цѣпочку, связывающую авангардъ съ головой главныхъ силъ; — семь паръ всадниковъ составляютъ звенья этой цѣпочки.

Вскорѣ насъ встрѣтила ружейная стрѣльба непріятельской цѣпи, занявшей холмистые перелѣски съ хуторами, обозначенными на картѣ подъ названіемъ Лаугаленъ.

Передъ позиціей противника сплошныя проволочныя изгороди, отчего полкъ спѣшивается и ведетъ наступленіе въ пѣшемъ строю. Взводъ конной артиллеріи, слѣдующій при авангардѣ, уже пристрѣливается по непріятельскимъ цѣпямъ.

Нашъ 4-й эскадронъ пока не тронутъ. Мы съ Чебышовымъ и Христіани лежимъ на спинѣ по скату небольшой насыпи желѣзнодорожнаго полотна, въ высокой густой травѣ, испускающей сладкій медовый запахъ. Вверху, по голубому небу плывутъ бѣлыя перистыя облака; кругомъ, въ цвѣтахъ гудятъ осы и шмели; изрѣдка надъ нами слышенъ полетъ иныхъ осъ, — пролетающихъ ружейныхъ пуль. Нѣмцы уходятъ. Нашъ полкъ садится и рысью идетъ ихъ преслѣдовать; съ разъѣздами впередъ пошли Трубецкой и Гончаренко.

У слѣдующаго селенія снова насъ встрѣчаетъ ружейный огонь, но движеніемъ лавы наши эскадроны сбиваютъ нѣмцевъ и заставляютъ ихъ уйти. Подходимъ къ разбросанному большому селенію; мѣстность холмистая; влѣво уходитъ насыпь узкоколейной желѣзной дороги.

Отсюда нѣмцы обстрѣляли насъ частымъ ружейнымъ огнемъ. Нашъ флангъ со второй дивизіей, идущей слѣва, связи не имѣетъ. На холмахъ пройденныхъ уже нашими дозорными, видны перебѣгающіе туда нѣмцы и стрѣляющіе намъ во флангъ. 3-й эскадронъ, по приказанію командира полка, отжался вправо къ дорогѣ и сталъ спѣшиваться.

Главныя силы, не сразу остановившіяся, а прошедшія еще по инерціи впередъ, попали подъ ружейный огонь противника.

Справа, нашъ 2-й эскадронъ запутался въ проволокѣ и, попавъ такъ же подъ обстрѣлъ, отошелъ въ лощину и спѣшился. По лейбъ и 4-му эскадронамъ открыла бѣглый огонь батарея противника съ близкой дистанціи слѣва, отчего тѣ цѣпями заняли опушку кустарника, фронтомъ на юго-востокъ. По моей цѣпочкѣ, которую я отвелъ отъ обстрѣливаемой дороги вправо, все время передавались распоряженія къ авангарду и донесенія въ обратную сторону.

Вернувшійся съ разъѣздомъ, Гончаренко, даетъ определенныя свѣдѣнія, что передъ нами непріятельская конница, силою около бригады съ одной батареей. Я со взводнымъ, моимъ вѣстовымъ и Кобзаремъ, стоимъ у развалившагося строенія на небольшомъ холму и съ интересомъ разсматриваемъ представившуюся намъ картину боя. Влѣво отъ дороги выходятъ галопомъ эшелонами эскадроны Конной Гвардіи, у дороги на позиціи ведетъ огонь батарея Его Величества. Ея лихой командиръ, князь Эристовъ, широкимъ галопомъ приближается въ нашемъ направленіи, видимо въ поискахъ удобнаго наблюдательнаго пункта.

Въ это время къ намъ подъѣхалъ вольноопредѣляющійся 3-го эскадрона Мельниковъ, посланный съ донесеніемъ къ командиру полка. Во время разговора съ нимъ, неожиданно бухнуло два орудійныхъ выстрѣла; близко изъ кустовъ по другую сторону дороги, показались два огонька и затѣмъ немедленно надъ нами разорвались двѣ шрапнели; будто горохъ посыпались кругомъ пули.

Моя нервная кровная кобыла чуть не опрокинулась отъ неожиданности. Мы съѣхали съ холма. У Мельникова и Кобзаря были ранены лошади; самихъ ихъ также легко царапнуло, Карпекину пуля порвала крыло сѣдла. Нѣмцы бѣглымъ огнемъ покрыли холмъ, гдѣ мы только что стояли, предполагая видимо на немъ наблюдательный пунктъ. ,

Я немедленно послалъ Дерведя съ устнымъ донесе-

ніемъ о мѣстоположеніи, до дерзости близко подъѣхавшаго, непріятельскаго артиллерійскаго взвода.

Конногвардейцы и пристраивающіеся къ нимъ кавалергарды въ разсыпномъ конномъ строю пошли въ его направленіи. Нѣмецкая артиллерія перенесла на нихъ свой огонь. Вынесшійся впереди эскадрона Е. В. Конной Гвардіи, Великій Князь Дмитрій Павловичъ, окутался весь облакомъ разорвавшейся шрапнели. Его лошадь повалилась на землю. Великій Князь вскочилъ на ноги; — къ счастію, осколки и пули шрапнели его не задѣли. Цѣпи нашего полка также перешли въ наступленіе.

Нѣмцы быстро начали отступать. Посланные за ними, разъѣзды прислали донесенія объ ихъ спѣшномъ отходѣ по направленію къ городу Пилькаленъ.

Мы снова становимся въ прежнемъ порядкѣ и сворачиваемъ направо на грунтовую дорогу.

Въ деревнѣ Грумбковкейтенъ, изъ которой только-что ушли нѣмцы, видны свѣжіе слѣды кавалерійскаго бивака: разбросаны солома и сѣно, по улицѣ замѣтны отпечатки многочисленныхъ подковъ; всюду валяются банки отъ консервовъ.

Пройдя версты четыре, передаемъ донесеніе, что лѣвый флангъ авангарда связался съ походными заставами отъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Обратно передаемъ приказаніе — выйдя на опушку лѣса, что сѣверо-восточнѣе Пилькалена, авангарду остановиться и ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Сзади слышны крики «стой»; моя цѣпочка растягивается; ѣду узнать въ чемъ дѣло.

У придорожной корчмы на длинной скамьѣ, вдѣланной въ стѣну, расположились генералы Нахичеванскій и Казнаковъ и ихъ начальники штабовъ и, раскрывъ карты, о чемъ то совѣщаются. Вокругъ стоятъ нѣсколько офицеровъ-ординарцевъ; я слѣзъ и также къ нимъ пристроился.

Нахичеванскій предполагаетъ, что, кромѣ ушедшей передъ нами непріятельской бригады, Пилькаленъ занятъ еще отрядомъ пѣхоты съ артиллеріей и что его

придется брать съ боя. Второй дивизіи дается задача наступать съ востока, а нашей съ сѣверо-востока и съ сѣвера. Сводная же дивизія должна обойти городъ и выйти къ нему съ запада. Генералъ Казнаковъ предполагаетъ вести наступленіе побригадно — справа 2-й бригадой, а слѣва 1-й. Нашему полку даетъ приказаніе перейти въ лѣсъ, что сѣвернѣе Пилькалена, оставивъ на мѣстѣ одинъ эскадронъ въ наблюденіи по опушкѣ до подхода 1-й бригады.

Мнѣ со взводомъ дано приказаніе присоединиться къ эскадрону.

Нашъ полкъ сворачивается и уходитъ по просѣкѣ направо; эскадронъ остается на мѣстѣ, выставивъ наблюденіе по опушкѣ.

Передъ нами, — въ долинѣ, растянулся городъ Пилькаленъ. Преобладаетъ темно красный цвѣтъ отъ кирпича и черепицы. Направо уходитъ поѣздъ; на станціи виденъ еще одинъ съ прицѣпленнымъ къ нему дымящимся паровозомъ. Командиръ эскадрона посылаетъ объ этомъ спѣшное донесеніе.

Къ намъ на рысяхъ подходитъ генералъ Скоропадскій съ ординарцами, слѣзаетъ и разсматриваетъ въ бинокль лежащую впереди мѣстность. Онъ рѣшаетъ, что городъ занятъ слабыми силами и что необходимо брать его немедленно; своей бригадѣ приказываетъ выдвинуться на опушку и посылаетъ объ этомъ донесеніе начальнику дивизіи. Вскорѣ приходятъ вѣсти, что генералъ Казнаковъ его на это благословляетъ, а ханъ Нахичеванскій послалъ приказаніе 2-й дивизіи также немедленно идти впередъ на городъ.

Конный полкъ дебушируетъ изъ лѣсу и разворачивается по эскадронно въ лаву; Скоропадскій обращается къ Соколову и спрашиваетъ: «А вы съ нами пойдете?» Тотъ, приложивъ руку къ козырьку, отвѣчаетъ: «такъ точно», собираетъ эскадронъ и галопомъ нагоняетъ Конную Гвардію. Слѣва изъ лѣсу, также галопомъ, выходитъ кавалергардскій эскадронъ князя Гагарина и, не мѣняя аллюра, беретъ направленіе на станцію. Нашъ

эскадронъ, взявъ шашки и пики къ бою, вышелъ, по приказанію Скоропадскаго, вправо отъ Конной Гвардіи. Неожиданно передъ нами вырисовалась широкая канава; здѣсь сказались обученіе мирнаго времени и сильно развитый спортъ въ нашемъ полку. Эскадронъ съ маху взялъ препятствіе; застряло лишь два кирасира на неразсчитавшихъ прыжка, лошадяхъ. На встрѣчу намъ изрѣдка посвистывали пули. Повернувъ голову налѣво, я увидѣлъ батальную картину рѣдкой красоты: вся широкая долина была полна стремящейся къ городу разсыпанной конницей.

Въ улицы небольшого чистенькаго городка втягивались со всѣхъ сторонъ эскадроны; дозорные, съ винтовками въ рукахъ, всматривались въ окна городскихъ домовъ. На площади еще отстрѣливались ландштурмисты въ штатскомъ, съ военными повязками на рукавахъ. Вдоль троттуара лежалъ убитый прусскій уланъ съ запекшейся кровью на лицѣ. I-я бригада и нашъ эскадронъ стали на площади и спѣшились. Посреди въ скверѣ возвышалась кирха; оттуда вышелъ пасторъ и о чемъ то говорилъ съ Скоропадскимъ.

Нашъ эскадронъ стоялъ подлѣ ресторана съ большой верандой. Взявъ нѣсколькихъ кирасиръ, я вошелъ во внутрь. Столы были накрыты; въ углу, стояло піанино, съ открытыми нотами, и на немъ лежала скрипка со смычкомъ. Спустившись въ кухню, мы нашли на горячей еще плитѣ куски свинины и цѣлую гору варенаго картофеля. По моему приказанію все это было вынесено наверхъ и раздѣлено между кирасирами; я съ удовольствіемъ наблюдалъ съ какимъ аппетитомъ уплетался нежданный обѣдъ, за весь день ничего не ѣвшими, людьми.

Командиръ нашего полка генералъ Араповъ, согласно полученной директивы, вошелъ въ городъ съ сѣвера и, вслѣдствіе плохо налаженной связи, съ порядочнымъ опозданіемъ.

Получивъ приказаніе выставить охраненіе по линіи Ютшенъ-Петцинкенъ-Дуденъ, полкъ выступилъ по

шоссейной дорогѣ въ ихъ направленіи. При выходѣ изъ города насъ нагналъ ханъ Нахичеванскій и приказалъ выслать два взвода на юго-западъ, осмотрѣть рощи у селенія Грибенъ и послушать, не доносятся ли звуки боя съ юго-востока, — о чемъ доносили ему части 2-й дивизіи; выполнивъ задачу, взводамъ возвращаться къ полку, донесенія же посылать въ Пилькаленъ въ Штабъ конницы.

Христіани съ 3-мъ взводомъ и я съ 4-мъ пошли въ указанномъ направленіи — я черезъ Эйменишкенъ, а онъ лѣвѣе на Карчмарнинкенъ, условившись встрѣтиться въ Грибенѣ. Первые два километра идемъ вмѣстѣ. Поминутно замѣчаемъ нѣмецкіе дозоры и небольшіе разъѣзды, при видѣ насъ немедленно уходящіе. Раздѣлившись, разошлись въ стороны. Въ Эйменишкенѣ меня обстрѣляли, но безрезультатно; здѣсь я втянулся въ лѣсъ и вышелъ къ Грибену, занятому противникомъ. Было очень трудно опредѣлить его силы; ясно было лишь, что передъ нами кавалерія. Въ это время мы замѣтили спокойно подходящаго слѣва по дорогѣ, Христіани со своимъ разъѣздомъ; я немедленно послалъ къ нему человѣка, дабы его во время предупредить о противникѣ. Третій взводъ лавой сталъ продвигаться ближе къ деревнѣ; оттуда послышались выстрѣлы. Тогда я перешелъ по лѣсу вправо съ цѣлью обхватить застрявшихъ въ деревнѣ нѣмцевъ. Вдоль дорожки, развернувъ лаву, я пошелъ рысью въ ея направленіи. Нападенія нѣмцы съ этой стороны видимо не ожидали; они въ переполохѣ стали выскакивать изъ деревни и широкимъ галопомъ уходить на юго-западъ. Наше удивленіе было велико, когда передъ нами промчалось не менѣе эскадрона. Мы съ двухъ сторонъ, съ криками ура, вскочили въ деревню. Здѣсь, какъ мы не прислушивались, звуковъ боя, съ юго-востока, до насъ никакихъ не доносилось. Пора возвращаться къ полку. Написавъ донесенія, двигаемся въ обратную дорогу.

Въ деревнѣ Дуденъ уже стоитъ застава отъ 3-го эскадрона; оттуда идемъ на шоссе, вдоль котораго въ

нѣсколькихъ дворахъ расположились нашъ эскадронъ, назначенный сегодня въ сторожевой резервъ, и Штабъ полка. Солнце уже зашло, но въ окнахъ еще отсвѣчивается багровый отблескъ заката. Жители всѣ ушли; переполохъ видимо былъ большой, такъ какъ ѣда, пиво, домашняя птица по дворамъ — все это ими было оставлено. Собираемся въ домъ, что занялъ Штабъ полка. Донесенія съ линіи охраненія говорятъ о томъ, что участки велики и караулы поэтому поставлены рѣдко; вечеръ безпокойный, такъ какъ вся мѣстность вокругъ кишитъ непріятельскими разъѣздами. Нашъ эскадронъ для собственнаго охраненія также выставилъ три караула и кромѣ того въ немъ установлены дежурства офицеровъ.

Со стороны Пилькалена донесся сначала пулеметный огонь, а затѣмъ гулъ не то артиллерійской стрѣльбы, не то отъ взрыва; сейчасъ же послали Рыбакова на мотоциклеткѣ узнать въ чемъ дѣло.

Христіани, Погоржанскій, приглашенный нами, Пиккель и я идемъ по шоссе къ мѣсту нашего ночлега. Стало прохватывать холодкомъ; поднялся сырой росистый туманъ и окуталъ всю нашу деревеньку; ночь темна, какъ чернила. Кромѣ Пиккеля, устроившагося на диванѣ, мы всѣ ложимся на сѣно. Звуки пулеметной стрѣльбы въ тылу, темная ночь, туманъ, рѣдкое охраненіе и постоянная на немъ стрѣльба — создаютъ тревожное настроеніе.

Я дежурю до двѣнадцати; выхожу на дорогу, чтобы обойти расположеніе эскадрона и полевые караулы. На одномъ изъ нихъ, стоявшемъ въ выдвинутомъ въ поле хуторкѣ началась частая стрѣльба и затѣмъ внезапно стихла. Я направился къ нему. Въ темнотѣ никакъ не могъ найти тропинку; наконецъ на нее вышелъ и сплошнымъ кустарникомъ пришелъ на хуторъ. Караульный начальникъ — унтеръ-офицеръ Ростовиковъ доложилъ мнѣ, что на его караулъ вышелъ нѣмецкій разъѣздъ и оттого была у него частая стрѣльба.

Я не повѣрилъ, чтобы за двѣ версты за линіей охраненія, могли бы болтаться нѣмцы и упрекнулъ его въ излишней нервности. Возвращаясь обратно и подойдя уже къ забору одного изъ дворовъ, я услышалъ хрустъ вѣтокъ и различилъ силуэтъ всадника. Увѣренный, что это кто-нибудь изъ нашихъ кирасиръ, я сталъ къ нему подходить и спросилъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ. Вмѣсто отвѣта всадникъ кинулся къ кусты: лучъ моего электрическаго фонарика остановился на скрывавшемся уже крупѣ лошади. Я далъ въ его направленіи два выстрѣла, — отчего послышался трескъ валежника и топотъ нѣсколькихъ коней. Мнѣ признаться стало стыдно, что я только что распекъ Ростовикова.

Выйдя на шоссе, увидалъ свѣтъ въ Штабѣ Полка; вернувшійся туда Рыбаковъ докладывалъ, что въ Пилькаленѣ неожиданно былъ открытъ изъ оконъ каменнаго домика пулеметный огонь; тогда по праказанію Нахичеванскаго домикъ былъ подорванъ и въ его развалинахъ будто нашли пулеметъ и трупы ландштурмистовъ.

Вернувшись на мѣсто своего ночлега, разбудилъ Погоржанскаго, разсказалъ ему о всѣхъ событіяхъ и передалъ дежурство. Черезъ нѣсколько минутъ я уже крѣпко спалъ на разложенномъ сѣнѣ.

5 августа.

Съ разсвѣта слышна стрѣльба по всей линіи охраненія.

Утромъ изъ Лейбъ эскадрона пришло донесеніе, что на ихъ участокъ наступали самокатчики, но были отбиты и, оставивъ одного убитаго, ушли. При донесеніи были присланы погоны съ цифрой «44» и документы.

Около 9 часовъ утра проходитъ по шоссе наша дивизія. Полкъ собирается цѣликомъ и движется вслѣдъ за ней. Идемъ спокойно до перекрестка дорогъ, гдѣ шоссе раздваивается.

Сегодня жаркій день; дивизія подымаетъ тучу пыли; ея слой густо покрылъ и траву и листья придорожныхъ деревьевъ, отчего они стали сѣрыми. На перекресткѣ останавливаемся; впереди слышенъ ружейный огонь, — до насъ доходятъ вѣсти, что авангардъ выбиваетъ застрявшихъ гдѣ-то нѣмцевъ. Простоявъ около полутора часовъ, продвигаемся дальше. Переходимъ на проселочную дорогу; ландшафтъ сходенъ съ нашимъ въ Бѣлоруссіи — песокъ, сосна, кусты можжевельника. Снова останавливаемся; вызываютъ квартирьеровъ. Черезъ полчаса расходимся по дворамъ, впереди насъ лежащей, деревни Эгленинкенъ.

Жители всѣ ушли, обозовъ съ нами нѣтъ; приходится кормиться мѣстными средствами. Это большой соблазнъ и чтобы не пріучать солдатъ къ произволу, офицеры берутъ подъ учетъ всѣ имѣющіеся припасы фуража и съѣстные и сами дѣлятъ ихъ между людьми.

Поздно вечеромъ Христіани привезъ новости изъ Штаба дивизіи: — наша пѣхота имѣла вчера удачный бой, взяла трофеи и быстро движется впередъ. Ея передовыя части вошли сегодня вечеромъ въ соприкосновеніе съ нашей конницей. Завтра сводная и 2-я гвардейская дивизіи двигаются впередъ, наша же остается на мѣстахъ, слѣдуя затѣмъ за ними уступомъ, связавшись влѣво съ пѣхотой.

Командиръ эскадрона предлагаетъ по этому случаю офицерамъ сдѣлать завтра съ утра выводку лошадей и осмотръ оружія и вьюковъ.

6 августа.

Приказанія, полученныя изъ Штаба Полка, полностью подтверждаютъ новости, привезенныя вчера Христіани.

Выводку и осмотръ во взводахъ пришлось переложить на послѣобѣденное время, такъ какъ утромъ полкъ собирается на обѣдню, по случаю праздника

Преображенья. Приводимъ себя въ порядокъ и, въ строю, всѣмъ эскадрономъ маршируемъ къ Штабу Полка.

Пройдя съ версту, замѣтили идущаго галопомъ, къ намъ на встрѣчу, Семенова. Онъ передалъ приказаніе — немедленно по тревогѣ сѣдлать и собираться къ Штабу дивизіи.

Насъ ускоренными аллюрами ведутъ въ направленіи на сѣверо-западъ. Все отчетливѣе слышится орудійная стрѣльба. Наконецъ замѣчаемъ уже бѣлыя облачка шрапнельныхъ разрывовъ. Среди дворовъ небольшой деревни нашу бригаду останавливаютъ, выстраиваютъ резервную колонну и спѣшиваютъ. Кавалергарды и конногвардейцы перестроившись въ розомкнутые строи, рысью уходятъ впередъ; за ними движутся конныя батареи. Наша бригада оставлена повидимому въ резервѣ.

Вскорѣ требуютъ офицерскій разъѣздъ въ 7 коней; уходитъ Погоржанскій.

Неожиданно высоко разорвалась передъ нами очередь шрапнелей, легко ранивъ одну лошадь во 2-мъ эскадронѣ. Мы разомкнулись и взявъ въ полъ оборота вправо ушли глубже за хутора.

Бой въ полномъ разгарѣ: стоитъ сплошной гулъ орудійнаго огня, трескъ ружейнаго и захлебывающаяся дробь пулеметнаго. Нашей бригадѣ приказано подойти ближе къ цѣпямъ; въ разомкнутомъ строю галопомъ, продвигаемся версты на полторы впередъ.

Здѣсь получаемъ приказаніе выслать отъ насъ пѣшій полуэскадронъ для наблюденія за лѣвымъ флангомъ дивизіи, на сѣверный край деревни Опелишкенъ; назначаюсь я съ 3 и 4 взводами. Продвигаемся, стараясь идти возможно скрытнѣе. Вскорѣ начали жужжать вверху ружейныя пули, отчего я разсыпалъ взводы въ цѣпь. Подходимъ къ большой дорогѣ, по обѣ стороны которой раскинуты дворы; налѣво мѣстность обрывается въ неглубокій оврагъ; по другую сторону котораго также замѣтны разбросанные дворы и мельница. Са-

жаю людей въ канаву, поросшую лопухами, самъ же съ Дервелемъ перехожу во дворъ стоящаго по другую сторону дороги хутора. Во дворѣ сидятъ нѣсколько лейбъ гусаръ, разсказавшихъ мнѣ, что по изгороди сада и огородовъ этого хутора залегла цѣпь эскадрона графа Воронцова-Дашкова и ведетъ перестрѣлку съ нѣмцами; гусары совѣтуютъ мнѣ идти садомъ, отъ дерева къ дереву, такъ какъ обстрѣлъ сильный и недавно здѣсь тяжело раненъ поручикъ Кауфманъ. Ихъ слова подтверждаются постояннымъ чмоканіемъ пуль о стѣны сарая, подлѣ котораго мы стоимъ. Одинъ изъ гусаръ, поднявшійся, чтобы прикурить папиросу, сразу вдругъ осѣлъ и схватился за ногу; по синему сукну его чакчиръ стало расплываться алое пятно.

Въ огородѣ, за одной изъ грядокъ лежитъ Воронцовъ и руководитъ стрѣльбой своего эскадрона. Я опускаюсь на землю подлѣ него и разспрашиваю про обстановку. Прямо передъ нами лежитъ широкій оврагъ, противоположная сторона котораго занята нѣмцами. Нашъ берегъ выше, что даетъ намъ преимущество. Налѣво — нашихъ цѣпей не видно; ясно, что я и висланъ съ цѣлью стать за лѣвымъ флангомъ гусарскаго эскадрона, вдоль овражка впадающаго въ большой оврагъ.

Вернувшись къ полуэскадрону, располагаю цѣпь 4-го взвода фронтомъ на югъ, дабы держать подъ обстрѣломъ все пространство на томъ берегу овражка. Вскорѣ показались передъ нами цѣпи, повидимому 2-й дивизіи, продвинувшіяся до оврага и начавшія тотчасъ же обстрѣливать его западный берегъ частымъ огнемъ. Я отвожу весь полуэскадронъ за хуторъ, расположенный къ востоку отъ дороги, кладу людей въ саду и строго приказываю никому не подыматься, чтобы не нести совершенно напрасныхъ потерь; соблазнъ-же въ саду, въ видѣ уже налившихся грушъ и яблокъ — великъ.

Возвращаюсь къ Воронцову; передъ нимъ нѣмцы начинаютъ уходить, перебѣгая по одному, за стога сѣна. Тогда онъ приказываетъ взводамъ, давъ цѣлью каждому по стогу, стрѣлять залпами. Эффектъ блестя-

щій — изъ за стоговъ нѣмцы бѣгутъ опрометью назадъ.

По всему фронту стрѣльба замѣтно затихаетъ. Вскорѣ приходятъ приказанія — Воронцову уходить къ своей дивизіи, а мнѣ занять его участокъ. Сзади насъ проходитъ цѣпью эскадронъ конно гренадеръ, двигаясь на юго-востокъ. Повидимому начальство старается распредѣлить эскадроны по частямъ и дивизіямъ, перепутавшимся во время наступленія.

Черезъ часъ ко мнѣ приходитъ новое приказаніе — выслать пѣшую развѣдку на тотъ берегъ оврага, послѣ чего спуститься и пройти вдоль него цѣпью до деревни Каушенъ, на окраинѣ котораго будетъ ждать меня проводникъ къ коноводамъ. Высылаю унтеръ-офицера Людвига съ шестью кирасирами на противоположный берегъ. Въ бинокль съ тревогой слѣжу за ихъ передвиженіями; вижу, какъ они скрылись въ кустахъ на томъ берегу. Долго нѣтъ никакихъ вѣстей; наконецъ они возвращаются. Людвигъ докладываетъ, что нѣмецкія части всѣ ушли; хутора на томъ берегу представляютъ собой цѣлыя укрѣпленія изъ окоповъ, блиндажей и кирпичныхъ оградъ; не въ примѣръ намъ, ведшимъ бой, лежа просто на землѣ. У стоговъ сѣна лежитъ нѣсколько труповъ. Въ одномъ изъ домовъ, съ хозяевами котораго Людвигъ говорилъ по-нѣмецки, умираетъ тяжело раненый прусскій солдатъ.

Во исполненіе нашей новой задачи, спускаемся въ оврагъ и проходимъ его цѣпью. Операція въ жару довольно утомительная, — тропинки вьются змѣями по крутымъ глинистымъ скатамъ, между кустовъ можжевельника и низкихъ сосенъ, съ обнажившимися, похожими на мохнатыя лапы, корнями. По лѣвому берегу, по верху, идутъ наши дозорные. Неожиданно изъ подъ одного изъ кустовъ выбѣгаетъ нѣмецкій солдатъ въ каскѣ и бѣжитъ опрометью передъ нами.

Нѣсколько человѣкъ сразу кидаются за нимъ. Дервель во всю силу своихъ легкихъ кричитъ «halt»; услышавъ знакомое слово, тотъ останавливается, садится въ

изнеможенiи на землю и подымаетъ руки. Небольшой толстый солдатъ, неуклюже одѣтый — въ огромныхъ очкахъ. Онъ оказывается хотя и родомъ изъ Тильзита, но постояннымъ жителемъ Берлина, гдѣ онъ служилъ бухгалтеромъ. Мобилизацiя его застала въ отпуску на родинѣ и онъ попалъ въ ландверную пѣхоту, противъ которой мы сегодня сражались. Видъ у него былъ столь комиченъ, что шуткамъ и смѣху кирасиръ не было конца. Увидѣвъ ихъ веселыя добродушныя лица, онъ глупо улыбнулся и сталъ болтать безъ умолку; признаться онъ мнѣ порядочно надоѣлъ и я, подъ конвоемъ двухъ кирасиръ, услалъ его вонъ.

Впереди слышенъ рѣдкiй ружейный огонь. Направо произошла какая то заминка; подхожу и замѣчаю двѣ длинныя худыя ноги въ сѣрыхъ штанахъ и короткихъ широкихъ сапогахъ, выглядывающiя изъ подъ куста. Раздвинувъ листья, мы увидали громаднаго солдата, лежащаго на спинѣ, подлѣ котораго были положены каска, ружье и ранецъ. Онъ спокойно смотрѣлъ на насъ ненавидящими лихорадочными глазами. Я спросилъ его — раненъ ли онъ. Онъ рукой показалъ на кровоточащее бедро. Взводный 3-го взвода Быковъ разодралъ свой индивидуальный пакетъ и сталъ ему перевязывать рану. У солдата выступили слезы на глазахъ и онъ сталъ ругать свою роту трусами и подлецами. «О, если бы я былъ въ своемъ полку, мы бы вамъ показали». На мой вопросъ — въ какомъ полку — онъ отвѣтилъ, что въ гвардейскомъ пѣхотномъ, въ которомъ онъ служилъ на дѣйствительной службѣ, «а вотъ нашъ Шефъ», гордо прибавилъ онъ, вынувъ изъ кармана маленькiй портретъ Вильгельма и любовно на него посмотрѣлъ.

Мои люди, въ началѣ балагурившiе, послѣ того, что имъ Дервель перевелъ его слова, какъ-то сразу стали серьезными. «Вотъ это отмѣнный солдатъ», замѣтилъ Быковъ; на остальныхъ лицахъ я прочиталъ полное сочувствiе его словамъ. Соорудивъ изъ вѣтокъ нѣчто вродѣ сидѣнiя, два кирасира понесли его наверхъ, чтобы сдать на перевязочный пунктъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы под-

ходимъ уже къ мѣстамъ, гдѣ идетъ еще перестрѣлка; приказываю дозорнымъ опуститься въ оврагъ и собираю оба взвода; по лощинѣ съ дубовымъ кустарникомъ, по одному, подымаемся наверхъ и попадаемъ, нежданно негаданно, къ нашему 1-му взводу подъ командой Чебышова. Его цѣпь, широко раскинутая, изрѣдка пострѣливаетъ въ одиночныхъ, кое-гдѣ еще задержавшихся нѣмцевъ.

Чебышовъ разсказываетъ мнѣ много интереснаго о сегодняшнемъ боѣ. Оказывается наша конница сражалась съ нѣмецкой пѣхотной бригадой и заставила ее отступить въ безпорядкѣ по всему ея фронту.

Конногвардейцы ходили въ конную атаку и захватили артиллерійскій взводъ. Въ первой бригадѣ большія потери, убито 11 офицеровъ и много раненыхъ. Нашъ полкъ былъ разобранъ и раскиданъ по частямъ, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что взводы нашего эскадрона очутились на разстояніи полутора километровъ другъ отъ друга. На большомъ лугу, у края котораго мы стоимъ, — происходила долгая схватка, окончившаяся отступленіемъ нѣмцевъ за оврагъ. Наши Лейбъ и 3 эскадроны съ успѣхомъ наступали сѣвернѣе Каушена и очистили весь правый берегъ отъ противника.

Получивъ интересныя свѣдѣнія отъ Чебышова, съ полу-эскадрономъ двигаюсь къ краю деревни. О томъ, что на лугу была кровопролитная схватка, — краснорѣчиво говорятъ разбросанные повсюду, по густой травѣ, трупы нѣмецкихъ солдатъ. Поднявшись на дорогу, видимъ кладбище нѣмецкой артиллеріи. Лежатъ убитыя въ упряжи лошади и около нихъ трупы ѣздовыхъ, орудія и зарядные ящики стоятъ окруженные мертвой прислугой. Прислонившись къ дереву, свѣсивъ мертвую голову, и держа бинокль въ неподвижныхъ рукахъ, сидитъ офицеръ.

Не найдя проводника, идемъ деревенской улицей на противоположный край. Въ одномъ изъ дворовъ лежатъ рядами, прикрытые трупы; среди нихъ высокій,

толстый прусскій маіоръ. Въ сосѣднемъ домѣ открытъ перевязочный пунктъ; надъ крышей развѣвается флагъ съ краснымъ крестомъ. Подымаемся немного въ горку и выходимъ на сѣверную окраину Каушена.

Здѣсь за большимъ, кирпичнымъ амбаромъ сидѣлъ генералъ Скоропадскій и разговаривалъ о чемъ то съ кавалергардомъ барономъ Пилларъ, державшимъ въ поводу свою лошадь; неподалеку отъ нихъ, также держа лошадь въ поводу, стоялъ Пѣстунъ, присланный за нашимъ полуэскадрономъ.

Какъ только мои люди вышли на пригорокъ, неожиданно начался по нимъ ружейный огонь, къ счастью взятый слишкомъ высоко. Я скомандовалъ «ложись» и приказалъ отползать всѣмъ направо за строенія.

Скоропадскій былъ очень озадаченъ неожиданной пальбой; Пилларъ увѣрялъ, что это по ошибкѣ стрѣляетъ по насъ подошедшая сводная дивизія, что онъ только что пріѣхалъ съ этой стороны и что тамъ абсолютно все было спокойно. Съ разрѣшенія Скоропадскаго, онъ рѣшилъ ѣхать въ сторону стрѣльбы и, размахивая бѣлымъ платкомъ, сообщить, что Каушенъ уже занятъ своими. Сомнѣній въ томъ, что это русскія части, у него не было никакихъ. Въ виду того, что вѣстовой Пиллара былъ имъ куда то усланъ, я предложилъ ему взять съ собой Пѣстуна. Они галопомъ двинулись, причемъ Пилларъ правой рукой высоко махалъ бѣлымъ платкомъ. Стрѣльба стихла; мы совсѣмъ уже было успокоились. Какъ вдругъ снова зарокоталъ огонь и снова зажужжали пули. По дорогѣ карьеромъ мчалась безъ всадника лошадь Пиллара; мои люди ее задержали; передняя лука была вся въ крови.

Скоропадскій приказалъ мнѣ разсыпаться въ цѣпь и оборонять окраину деревни, самъ же пошелъ внизъ, сѣлъ на своего коня и поѣхалъ давать соотвѣтствующія распоряженія своей бригадѣ. Черезъ полъ часа, слѣва изъ кустовъ, къ намъ вышелъ Пѣстунъ и доложилъ, что когда Пилларъ и онъ близко подъѣхали къ цѣпямъ, все еще будучи увѣренными, что это свои, — оттуда къ

нимъ навстрѣчу поднялись нѣмцы. Пилларъ крикнулъ «назадъ», и оба, повернувъ коней, кинулись карьеромъ къ своимъ. Нѣмцы подняли стрѣльбу; Пилларъ упалъ, повидимому убитымъ, бывшій же подъ Пѣстуномъ конь «Жукъ» былъ раненъ и сталъ валиться; тогда Пѣстунъ, соскочивъ, бросился кустами въ оврагъ и такимъ образомъ добрался до своихъ.

Спустя немного времени, видимъ, что впереди, приближаясь къ намъ, идетъ лошадь; — оказывается — ковыляющій, раненый «Жукъ».

Крови на немъ не видно; вздулся лишь животъ; видимо сильно страдая, онъ все время судорожно вытягивалъ шею и скалилъ зубы. Приказываю отпустить ему подпруги, размундштучить и вести въ сторону эскадрону.

Солнце скрывается за горизонтъ, начинаетъ потягивать уже свѣжестью вечера и вмѣстѣ запахомъ пригрѣтой за день травы. Впереди слышны были отдѣльные выстрѣлы, потомъ все стихло.

Ко мнѣ изъ эскадрона прислали кирасира Акимова узнать въ чемъ дѣло; — Чебышовъ со взводомъ вернулся и былъ удивленъ, что меня прошедшаго много раньше, до сихъ поръ не было въ эскадронѣ. Пишу донесеніе, объясняя причины моей задержки.

Вскорѣ пріѣхалъ ко мнѣ каваллергардъ съ извѣстіемъ отъ Скоропадскаго, что я свободенъ.

Навстрѣчу намъ высланы коноводы, сообщающіе, что полкъ уже ушелъ на мѣсто ночлега. Садимся и идемъ догонять своихъ. Послѣ довольно знойнаго дня, съ наступленіемъ темноты, все кругомъ окутывается туманомъ. Идемъ по дорогѣ черезъ Каушенъ, Опелишкенъ, гдѣ мы сегодня дѣйствовали, и сворачиваемъ въ полъ оборота налѣво. Все время встрѣчаемъ отдѣльныхъ людей, вѣрно указывающихъ намъ нашъ путь. Сегодня я впервые сталкиваюсь со свойствомъ лошади, повидимому, инстинктивнымъ — панической боязнью конскихъ труповъ.

Впереди загораются какіе то костры; на ихъ фонѣ

видны темные силуэты людей и лошадей. Подъѣхавъ, узнаю, что это стоитъ взводъ Архангелогородскихъ драгунъ, высланный отъ 1-й отдѣльной кавалерійской бригады, близко подходящей въ нашемъ направленіи. Драгуны мнѣ указываютъ, что наша дивизія свернула по дорогѣ налѣво.

Перехожу въ рысь и прямо пристраиваюсь къ хвосту нашего эскадрона. Медленно и томительно проходитъ ночной переходъ шагомъ.

Лишь при свѣтѣ пробуждающагося дня, еле пробивающагося сквозь молочную пелену тумана, — эскадронъ расходится по нѣсколькимъ хуторамъ и становится на отдыхъ.

7 августа.

Разбудилъ насъ ординарецъ изъ штаба полка, принесшій приказаніе выступать въ сторожевое охраненіе.

Населеніе нашего хутора, представленное тремя поколѣніями, являетъ собой показательный примѣръ германской ассимиляціи; — старики говорятъ между собой по-литовски и очень плохо по-нѣмецки, ихъ невѣстки съ ними объясняются по-литовски, а между собою и дѣтьми по-нѣмецки, третье же поколѣніе — внуки владѣютъ исключительно нѣмецкимъ языкомъ.

Выйдя во дворъ, вижу лежащаго «Жука» уже холоднаго; выпущенный вчера на волю, онъ весь переходъ продѣлалъ вслѣдъ за эскадрономъ и утромъ околѣлъ во дворѣ занимаемаго нами хутора.

Въ охраненіе идемъ черезъ лѣсъ. День пасмурный. Воздухъ напоенъ запахомъ грибовъ, лѣсной сырости и прѣлаго листа.

Въ верстѣ отъ опушки, располагаемъ главную заставу, на которой остаются командиръ эскадрона, Погоржанскій и я. Правѣе насъ становится Лейбъ - эскадронъ, лѣвѣе — охраненіе отъ 2-й дивизіи.

Подъ вечеръ въ нашемъ направленіи, по дорогѣ, километра на два, южнѣе насъ, прошли Лейбъ драгуны съ Конной Артиллеріей.

Главная застава расположилась во дворѣ трактира. На цинковой стойкѣ еще стоятъ рюмки и стаканы; изъ крана льется пиво; шкафъ и погребъ полны дешевыми винами и ликерами. Хозяевъ нѣтъ; какъ и вся деревня, они, видимо, бѣжали. Чтобы уничтожить соблазнъ приказываю разбить рѣшительно всѣ бутылки; въ нѣкоторыхъ глазахъ читаю большую досаду, при видѣ цвѣтного ручейка, сбѣгающаго въ придорожную канаву.

Посланный въ штабъ полка за приказаніями, мотоциклистъ Рыбаковъ докладываетъ объ интересномъ случаѣ, произошедшемъ сегодня утромъ. — Вчера мы ушли, оставивъ въ деревнѣ Каушенъ перевязочный пунктъ, на которомъ всю ночь работали наши врачи надъ многочисленными ранеными — русскими и нѣмцами.

Утромъ неожиданно пришелъ взводъ прусскихъ кирасиръ: офицеръ объявилъ всѣхъ бывшихъ на пунктѣ военноплѣнными и послалъ своихъ людей за подводами, чтобы вывести раненыхъ. Бывшій во дворѣ нашъ трубачъ Вихманъ мигомъ вскочилъ въ сѣдло, перепрыгнулъ изгородь и карьеромъ сталъ уходить. Стрѣльба открытая по немъ нѣмцами, къ счастью была безрезультатной и онъ смогъ сообщить ближайшей части — Лейбъ драгунамъ о произошедшей бѣдѣ. Тѣ по тревогѣ собрались и отогнали пруссаковъ обратно.

Наше счастье было въ томъ, что всѣ окрестные жители ушли и поэтому нѣмцы не смогли нигдѣ найти нужныхъ имъ подводъ.

Подъ вечеръ мы перешли въ сосѣдній домъ; — ужъ слишкомъ невыносимъ былъ пивной запахъ насквозь пропитавшій комнаты, что мы заняли сегодня днемъ.

Вечеромъ, въ лѣсу, у насъ въ тылу, послышались выстрѣлы; я взялъ нѣсколькихъ кирасиръ и пошелъ въ ихъ направленіи. Никого ни на опушкѣ, ни въ лѣсу не

нашелъ. На открытыхъ мѣстахъ уже стало прохладно, войдя же въ лѣсъ, сохранившій еще запасъ дневного жара, сразу почувствовали охватившее насъ тепло.

Въ охраненіи всю ночь царилъ полный покой.

8 августа.

Раннимъ утромъ собираемъ эскадронъ къ главной заставѣ и черезъ лѣсъ, въ которомъ пахнетъ еще ночной сыростью, направляемся въ селеніе Линденталь, на сборное мѣсто нашего полка. Всѣ эскадроны уже на лицо; мы приходимъ послѣдними.

Въ селеніи стояли штабы конницы и нашей дивизіи, двинувшіеся уже въ походъ; остался одинъ лишь Балицкій, наблюдающій, какъ его конно-саперы свертываютъ, наматывая на катушки, телефонные провода и, вмѣстѣ съ аппаратами, раскладываютъ ихъ по двуколкамъ.

Полкъ уходитъ догонять двинувшуюся уже дивизію.

Нашему эскадрону приказано ждать въ Линденталѣ пока саперы кончатъ свои сборы, и затѣмъ, нагнавъ полкъ, стать въ прикрытіе къ обозу, съ ранеными и трофеями, слѣдующему сзади, за дивизіей. Вскорѣ на рысяхъ, двигаемся по многочисленнымъ слѣдамъ подковъ, оставленнымъ на, влажной отъ утренней сырости, стелящейся между полей, проселочной дорогѣ.

Балицкій дѣлится съ нами свѣдѣніями о происшедшихъ событіяхъ и о планѣ дѣйствій нашего отряда. Въ виду того, что третьяго дня вечеромъ подошла къ намъ 1-я отдѣльная кавалерійская бригада, Начихеванскій, чтобы дать ей мѣсто на флангѣ пѣхоты и для большей свободы своихъ собственныхъ дѣйствій, посторонился къ сѣверу. Къ нему пріѣзжалъ офицеръ генеральнаго штаба отъ бригады и просилъ передать имъ одну конную батарею, такъ какъ артиллеріи при ихъ бригадѣ не имѣлось. Ханъ предложилъ 3-ю конную батарею, что

была имъ послана, совмѣстно съ Павлоградскими гусарами, спеціально на правый флангъ ближайшаго XX корпуса, еще въ день перехода нами границы. Мы ушли на сѣверъ, а бригада такъ и не получила предложенную батарею, использованную уже начальствомъ XX корпуса гдѣ то на пѣхотномъ участкѣ.

Нѣмцы, подготовивъ свою атаку артиллерійскимъ огнемъ, навалились на ея части; тѣ, обороняясь лишь винтовками, сдали и сильно откатились назадъ.

Разъѣзды отъ нашей конницы слышали вчерашній день отголоски горячаго боя и сплошной канонады; обнаружили уходъ 1-й отдѣльной бригады и донесли о глубокомъ обходѣ нѣмцами праваго фланга нашей пѣхоты. Ночью пришли донесенія о взятіи, уже у насъ въ тылу, Пилькалена и о многочисленныхъ раненыхъ 28-й дивизіи, найденныхъ на полѣ сраженія; разъѣзды прислали также человѣкъ тридцать пѣхотинцевъ, отбившихся отъ своихъ полковъ и найденныхъ блуждающими по окрестнымъ перелѣскамъ.

Ханъ рѣшилъ предпринять движеніе всѣмъ своимъ отрядомъ по направленію на югъ, дабы очистить правый флангъ арміи отъ обошедшаго ее противника.

Повернувъ съ проселка на шоссе, видимъ передъ собой колонну нашего полка, и за ней — растянувшійся обозъ, состоящій — изъ повозокъ съ ранеными, изъ плѣнныхъ, орудій и зарядныхъ ящиковъ, взятыхъ подъ Каушеномъ и замыкаемый наконецъ отрядомъ человѣкъ въ тридцать нашихъ пѣхотинцевъ; они же идутъ по сторонамъ трофеевъ и плѣнныхъ, въ роли конвоя.

Командиръ полка, передавъ нашему эскадрону весь мною перечисленный караванъ, съ остальными эскадронами рысью уходитъ впередъ, на присоединеніе къ дивизіи.

Оставивъ 3-й взводъ съ Погоржанскимъ сзади, мы перегоняемъ обозъ и становимся въ его головѣ. Неожиданно слѣва слышу окрикъ «Herr Leutenant»; оборачиваюсь и вижу, во весь ротъ улыбающагося нѣмца въ очкахъ, что мы взяли въ плѣнъ третьяго дня, старатель-

но мнѣ козыряющаго; онъ примостился на зарядномъ ящикѣ и съ аппетитомъ уплетаетъ хлѣбъ и кусокъ сала. Люди моего взвода, перегоняя, привѣтствуютъ его, какъ стараго знакомаго. Онъ отъ этого въ восторгѣ и дѣлаетъ имъ какіе-то граціозные жесты своей пухлой рукой, отчего кирасиры покатываются отъ смѣха и долго не могутъ успокоиться.

Къ намъ присоединяется Пиккель, наблюдающій за ранеными. Отъ усталости и волненій двухъ послѣднихъ дней, онъ осунулся и какъ то посѣрѣлъ. Послѣ тревоги, поднятой вчера Вихманомъ, въ Каушенъ была направлена цѣлая бригада, съ подводами, на которыхъ и были благополучно вывезены всѣ раненые.

Доходимъ по шоссе до Спулленъ. Впереди, слѣва отъ дороги, на большомъ полѣ стоитъ наша дивизія, спѣшенная въ резервномъ порядкѣ.

Нашему эскадрону приказано прикрывать и вести обозъ дальше въ Пилькаленъ, отбитый сегодня утромъ отъ нѣмцевъ. Проходимъ какія-то горящія постройки и поворачиваемъ налѣво. Солнце начинаетъ припекать не на шутку, — день обѣщаетъ быть знойнымъ. Сдѣлавъ поворотъ, слышимъ какіе-то тревожные голоса сзади, суматоху и видимъ, какъ Погоржанскій со взводомъ уходитъ отъ насъ лавой. Къ командиру эскадрона подъѣзжаетъ посланный имъ кирасиръ и докладываетъ, что третій взводъ пошелъ ловить показавшійся нѣмецкій разъѣздъ. Мы остановились; прождавъ съ полчаса, увидѣли возвращающагося Погоржанскаго, ведшаго нѣмецкихъ офицера и трехъ кирасиръ. Честь поимки ихъ, принадлежитъ кромѣ нашего 3-го взвода, также и многимъ другимъ частямъ, такъ какъ нѣмцы, попали между двухъ дивизій и много народу участвовало въ ихъ окруженіи.

Двинулись дальше, увеличивъ число конвоируемыхъ нами плѣнныхъ еще на четырехъ.

Пройдя верстъ пять, встрѣтили возвращавшійся съ развѣдки эскадронъ Курляндскихъ уланъ; они намъ сообщили, что Пилькаленъ занятъ лишь передовыми ча-

стями 1-й Отдѣльной бригады и что нѣмцы находятся еще подлѣ города; для насъ это было новостью не изъ пріятныхъ. Немедленно выслали дозоры впередъ и направо, остановились и послали донесенія Начальнику дивизіи съ нашимъ мотоциклистомъ.

Отвѣтственность за многочисленныхъ раненыхъ, за плѣнныхъ и трофеи подсказывала намъ сугубую осторожность.

Взятые только что въ плѣнъ прусскіе кирасиры принадлежали къ 3-му полку, стоявшему до войны гарнизономъ въ Кенигсбергѣ. Лейтенантъ видимо былъ очень удрученъ неожиданнымъ плѣномъ; мы отлично понимали его душевное состояніе и ни о чемъ его не разспрашивали.

Въ то время, что мы ждали въ полѣ отвѣта на наше донесеніе, стало замѣтно темнѣть, — сегодня полное затменіе солнца. Тѣни стали терять рѣзкость своихъ очертаній; наступали сумерки, но съ особеннымъ мягко красноватымъ оттѣнкомъ. Въ птичьемъ царствѣ начался сначала безпокойный гомонъ, затѣмъ все притихло. Лошади также занервничали и забезпокоились.

Возвратившійся Рыбаковъ привезъ конвертъ съ надписью, что свѣдѣнія отъ уланъ запоздалыя, — нѣмцы ушли, и Пилькаленъ находится твердо въ нашихъ рукахъ; въ припискѣ Начальникъ Штаба сообщалъ, что 1-я Отдѣльная бригада должна двигаться въ нашемъ направленіи и чтобы мы не приняли ее за непріятеля. Все это насъ абсолютно успокоило и мы двинулись дальше, на всякій случай оставивъ дозорныхъ. Во все время нашей задержки, не зная объ ея истинной причинѣ, волновались страдавшіе раненые и требовали болѣе быстраго движенія впередъ; особенно попадало совершенно ужъ неповинному доктору Пиккелю.

Только мы двинулись, какъ увидали справа большое облако пыли. Дозорные немедленно прискакали съ докладомъ, что по параллельной дорогѣ, въ верстахъ полутора отъ насъ, — въ нашемъ направленіи движется большая колонна германской кавалеріи. На всякій слу-

чай командиръ эскадрона отправилъ расторопнаго унтеръ-офицера Ерпалева провѣрить свѣдѣнія полученныя отъ дозорныхъ; я далъ ему свой бинокль.

Мы спокойно двигались дальше, совершенно убѣжденные запиской отъ штаба дивизіи, что передъ нами первая отдѣльная бригада. Ерпалевъ стелется въ полевомъ галопѣ, приближаясь къ намъ.

Сомнѣній нѣтъ, — по флюгерамъ на пикахъ ясно, что передъ нами нѣмцы; небольшой отрядъ выдѣленъ ими вправо въ нашемъ направленіи. Что предпринимать? — Остается возможно скорѣе уходить въ Пилькаленъ, гдѣ мы должны встрѣтить русскія части. Переходимъ въ рысь, посылаемъ кирасиръ подгонять лошадей, запряженныхъ въ повозки, и запрещаемъ что-либо разсказывать раненымъ, чтобы ихъ не тревожить.

Обозъ растягивается и подымаетъ тучи пыли. Нѣмцы отъ насъ удаляются, — мы съ ними спокойно разошлись по двумъ параллельнымъ дорогамъ, на разстояніи полутора-двухъ верстъ.

Встрѣчаемъ разъѣздъ Архангелогородскихъ драгунъ, долго передъ этимъ въ насъ всматривавшихся; узнаемъ отъ нихъ, что вся бригада стоитъ въ Пилькаленѣ. Дѣйствительно, войдя въ городъ, встрѣчаемъ оба ихъ полка — 19-й драгунскій и 16-й гусарскій, стоящіе въ резервномъ порядкѣ на площади. Временно командуетъ бригадой командиръ драгунъ; командиръ же бригады отставленъ за вчерашній поспѣшный отходъ.

На площади замѣчаемъ обгорѣвшіе остовы нашихъ обозныхъ повозокъ; на улицѣ лежитъ нѣсколько труповъ прусскихъ драгунъ и кирасиръ.

Сдаемъ трофеи и плѣнныхъ конвою отъ Отдѣльной бригады; транспортъ съ ранеными отправляется на Владиславовъ. Бригада вскорѣ уходитъ въ направленіи на правый флангъ арміи. Въ городѣ остаются лишь нашъ эскадронъ, да тридцать пѣхотинцевъ.

Соколовъ приказываетъ Христіани организовать внѣшнюю охрану города, а мнѣ поручаетъ съ тридца-

тью пѣхотинцами и 4-мъ взводомъ наладить внутренній порядокъ.

Вызываю пѣхотныхъ солдатъ; — сплошь Тверскіе бородачи, изъ запасныхъ, въ шинеляхъ съ желтыми гренадерскими погонами (они принадлежали къ 54 дивизіи, второй очереди, сформированной изъ гренадерскихъ частей); назначаю имъ фельдфебелемъ одного унтеръ-офицера и приказываю ему устроить три очереди по три патруля въ каждой; указываю маршрутъ патрулямъ и объясняю имъ ихъ обязанности. Изъ 4-го взвода приказываю назначить караулъ въ 7 человѣкъ и отправляюсь съ нимъ въ оставленный нѣмцами лазаретъ, просторно расположившійся въ большомъ каменномъ зданіи.

Здѣсь меня встрѣчаетъ германскій врачъ; обходимъ съ нимъ палаты; я сосчитываю число раненыхъ, а также требую списокъ санитарнаго состава. Докторъ предупреждаетъ меня, что еще два санитара и сидѣлка посланы имъ въ городъ на поиски, по брошеннымъ магазинамъ, бисквита и печенья для лазарета; онъ боится, чтобы не случилось недоразумѣнія, такъ какъ санитары вооружены револьверами. Сестра милосердія предлагаетъ мнѣ чашку кофе съ печеньемъ, я охотно соглашаюсь. Затѣмъ она выражаетъ свое удивленіе, по поводу того, что я, казакъ, говорю по-нѣмецки; мнѣ пришлось ей объяснять, что у насъ имѣется помимо казаковъ и регулярная кавалерія и что я принадлежу къ ея составу; она этимъ была очень обрадована и заявила, что ея мужъ также кавалерійскій офицеръ. Поставивъ часовыхъ, возвращаюсь на площадь, гдѣ на верандѣ ресторана указано мѣсто Штаба эскадрона.

У полотнянаго навѣса веранды, прячась въ тѣнь отъ солнца, заливающаго своими лучами всю площадь, стоятъ командиръ эскадрона и вахмистръ. Передъ ними два бородача-пѣхотинца стоятъ по бокамъ двухъ молодыхъ нѣмцевъ и о чемъ то, перебивая другъ друга, докладываютъ. Изъ ихъ словъ явствуетъ, что эти два молодца стрѣляли въ нихъ изъ оконъ магазина,

когда они патрулемъ обходили городъ, были ими задержаны и приведены съ поличнымъ — двумя револьверами.

Я вспомнилъ предупрежденіе врача и спросилъ нѣмцевъ, кто они такіе. Они мнѣ показали жетоны отъ госпиталя, удостовѣряющіе ихъ службу въ немъ санитарами, и разсказали о порученіи, которое они выполняли, въ тѣхъ же подробностяхъ, что и предупреждалъ о нихъ ихъ госпитальный врачъ. Я доложилъ обо всемъ Соколову; немного подумавъ, онъ приказалъ мнѣ разслѣдовать это дѣло и поступить по моему усмотрѣнію. Я отвелъ всю кампанію къ сосѣднему крыльцу и опросилъ и пѣхотинцевъ и нѣмцевъ о стрѣльбѣ; первые увѣряли, что тѣ въ нихъ стрѣляли, а вторые клялись и божились, что это неправда. Осмотрѣвъ револьверы я нашелъ барабаны полными и стволы чистыми, что разрѣшило дѣло въ пользу прусскихъ санитаровъ.

Въ это время, выбивая по камнямъ дробь каблучками, черезъ площадь бѣжала въ нашемъ направленіи та сестра милосердія, что угощала меня въ госпиталѣ чашкой кофе; косынка сбилась на сторону, щеки отъ волненія стали пунцовыми, глаза горѣли. Здѣсь я услышалъ, что мы и варвары и убійцы и что не уважаемъ эмблему Краснаго Креста и еще много иного, въ томъ же духѣ. Остановить ее не было возможности; уговорить ее успокоиться сумѣли только ея же сослуживцы-пруссаки.

Я объяснилъ, что дѣло нельзя было оставить безъ разслѣдованія и что теперь, когда выяснилась невиновность ея санитаровъ, я ихъ выпускаю на свободу. Гнѣвъ сразу былъ переложенъ на милость и я выслушалъ много для себя лестнаго и пріятнаго. Зато, уходя, посыпались ея обвиненія на голову сидѣлки, которая прибѣжавъ въ госпиталь, заявила, что санитаровъ повели уже разстрѣливать на городскую площадь.

До вечера все было спокойно. Когда стемнѣло, — на автомобилѣ пріѣхалъ корнетъ 3-го уланскаго полка Переяславцевъ, котораго я знаю съ дѣтства; онъ мнѣ

разсказалъ, что вчера наша армія одержала побѣду, расколотивъ нѣмцевъ и взявъ многочисленные трофеи. Событія подъ Пилькаленомъ являются лишь результатомъ частной неудачи на нашемъ правомъ флангѣ. Кромѣ того онъ мнѣ сообщилъ, что перегналъ въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, слѣдующій въ Пилькаленъ, пѣхотный полкъ. При прощаніи, я у него выпросилъ бидонъ бензина для эскадронной мотоциклетки.

Всѣ эти пріятныя новости я поспѣшилъ передать офицерамъ и затѣмъ кирасирамъ, — настроеніе сразу поднялось, лица у всѣхъ просвѣтлѣли. Нашъ мотоциклетъ затарахтѣлъ по шоссе въ поискахъ Штаба дивизіи, съ донесеніемъ о подходѣ къ Пилькалену пѣхотнаго полка.

Приблизительно черезъ часъ, съ развѣдкой впереди, съ мѣрами охраненія, вступилъ въ городъ К-ій второ-очередной пѣхотный полкъ. Командиръ эскадрона куда то ушелъ и я находился одинъ на площади, когда туда въѣхалъ командиръ полка со своимъ Штабомъ. Онъ попросилъ меня оріентировать его въ обстановкѣ; и несмотря на то, что я нарисовалъ ее вполнѣ безопасной, онъ назначилъ два баталіона въ кольцевое охраненіе и баталіонъ въ дежурную часть: одинъ лишь, счастливый, баталіонъ выскочилъ изъ этой, навѣянной паникой, исторіи и получилъ возможность ночью отдохнуть.

Послѣ распредѣленія своего полка, онъ принялся за раздѣлываніе нашего эскадрона, объявивъ насъ у себя въ подчиненіи, какъ у старшаго изъ начальниковъ. На нашу долю пришлось восемь разъѣздовъ по направленію ко всѣмъ странамъ свѣта, конные дозоры между сторожевыми участками и посѣдланный взводъ при дежурномъ баталіонѣ. Подошедшій въ это время командиръ эскадрона, какъ ему не доказывалъ, что мы находимся въ глубокомъ тылу, онъ твердо стоялъ на своемъ.

Солдаты разбрелись по магазинамъ и частнымъ домамъ и оттуда послышались звонъ стеколъ и выбиваніе чего-то молоткомъ. Мы съ Христіани, изведенные всѣмъ

слышаннымъ и видѣннымъ, прошлись по площади и сосѣдней улицѣ и не мало грабящихъ людей познакомилось съ нашими хлыстами.

Когда было потребовано отъ насъ выполненіе нарядовъ, послышался стукъ работающаго мотора. Черезъ минуту мы уже читали доставленное нашимъ мотоциклистомъ, спасительное приказаніе: «Въ случаѣ подхода въ Пилькаленъ пѣхотной части — эскадрону немедленно идти въ мѣстечко Куссенъ, на присоединеніе къ полку». Въ этотъ вечеръ мы благославляли идею завести у насъ, въ прошломъ году, по мотоциклеткѣ на эскадронъ.

Усталые за довольно тревожный день, но радостные отъ пріятныхъ вѣстей и отъ того, что возвращаемся къ своему полку, рысью идемъ по обочинамъ шоссе въ мѣстечко Куссенъ.

Навстрѣчу вѣетъ теплый ласковый вѣтеръ, кони, чуть упираясь въ поводъ и изрѣдка пофыркивая, бодро несутъ насъ впередъ въ предчувствіи корма и отдыха.

Пройдя одиннадцать километровъ входимъ въ Куссенъ. Взводы расходятся по дворамъ. Приблизительно часа черезъ два послышались громкіе голоса, тяжелый металлическій гулъ подъѣзжающей, повидимому, артиллеріи и затѣмъ, звонкіе въ ночной тишинѣ, хлопотливые звуки какой то разгрузки.

Я вышелъ къ окну посмотрѣть въ чемъ дѣло, но увидалъ лишь справа на задворкахъ горящія яркимъ пламенемъ, скирды соломы. Мы легли снова и начали уже дремать, какъ вдругъ послышались звуки разрывовъ и затѣмъ ружейная стрѣльба.

Выскочивъ во дворъ, сразу поняли въ чемъ дѣло, — удаляясь отъ насъ и беря высоту, плылъ цеппелинъ; по немъ стрѣляли изъ винтовокъ выскочившіе наши люди.

Прекративъ безцѣльную стрѣльбу, мы вернулись къ себѣ. Пришедшій вскорѣ вахмистръ разсказалъ, что ночью пришелъ артиллерійскій паркъ и сталъ разгру-

жать снаряды для нашихъ конныхъ батарей; разгрузка производилась вблизи штабовъ.

Неожиданно загорѣлись рядомъ скирды соломы, но на это никто не обратилъ вниманія. Теперь же становится яснымъ ,что пожаръ былъ сигналомъ, даннымъ летѣвшему мимо цеппелину.

Въ мѣстечко попала одна только бомба, но поранила много артиллерійскихъ лошадей, а также поцарапала осколками нѣскольких кирасиръ и коней въ нашемъ Лейбъ Эскадронѣ.

9 августа.

Утромъ является эскадронный писарь Пѣстунъ и докладываетъ, что на сегодня назначена дневка; штабъ полка предлагаетъ по сему случаю заняться починкой вещей, стиркой бѣлья, выводкой лошадей и прочими хозяйственными дѣлами.

Командиръ эскадрона приказываетъ младшимъ офицерамъ отправиться по своимъ взводамъ, осмотрѣть вьюки и, если найдутся въ нихъ лишнія вещи — на людей наложить немедленныя взысканія. Послѣ осмотра вьюковъ сдѣлать выводку лошадей.

Иду исполнять распоряженіе командира. Мой взводъ устроился въ трехъ дворахъ, стоящихъ при выѣздѣ изъ мѣстечка, подлѣ кустарника, переходящаго въ молодой ольховый лѣсъ. Люди уже давно откуда-то узнали о дневкѣ, отчего заборы пестрятъ отъ навѣшанныхъ на нихъ выстиранныхъ цвѣтныхъ рубашекъ и прочихъ принадлежностей ихъ несложнаго туалета. Во дворахъ стоятъ сапоги, только что густо намазанные ваксой, раздобытой гдѣ то по дорогѣ.

По тревогѣ выносятъ вьюки; подробно ихъ осматриваю. Въ результатѣ два кирасира поставлены на два часа подъ шашку передъ штабомъ эскадрона. На выводкѣ оказалось двѣ лошади съ набитыми холками, одна съ маленькимъ растяженіемъ и конь «Дамаскъ» Коб-

заря съ нагноніемъ ранки отъ шрапнельной пули; приказываю всѣхъ четырехъ отвести къ ветеринарному врачу.

Встрѣтившійся по дорогѣ вахмистръ передаетъ мнѣ слухъ, что въ Штабъ полка привезена почта; немедленно туда отправляюсь, и оказывается не напрасно, — получилъ цѣлыхъ четыре письма.

Рядомъ расположена конно-саперная команда; захожу на квартиру, гдѣ остановились офицеры, и застаю одного Аршеневского, только что пришедшаго изъ Штаба дивизіи. Съ его словъ узнаю, что бой на подступахъ къ Гумбинену блистательно выигранъ нашей Арміей и нѣмцы находятся въ полномъ отступленіи.

Дѣйствіями нашей конницы, съ точки зрѣнія стратегической, Штабъ Арміи крайне недоволенъ; что же касается доблести частей и ихъ добросовѣстной работы — то съ этой стороны мы получили оцѣнку самую лестную. Въ этомъ случаѣ лишній разъ подтверждается, что «исторія конницы — исторія ея начальниковъ».

На сегодня мы получили право на дневку, чтобы починиться и пополнить припасы; съ завтрашняго же дня мы двинемся исполнять нашу первоначальную задачу.

Выйдя отъ Аршеневского, замѣчаю нѣсколько подводъ, эскортируемыхъ нашими кирасирами, подъѣзжающихъ къ двухэтажному каменному дому. Навстрѣчу съ крыльца выносятъ носилки, перекладываютъ на нихъ людей съ повозокъ и уносятъ во внутрь дома.

Въ большой комнатѣ, служившей вѣроятно зрительнымъ заломъ, у стѣнъ положена солома, покрытая реквизированными простынями и подушками. При входѣ въ комнату, несмотря на открытыя окна, ударяетъ въ носъ запахъ іодоформа, іода и открытыхъ кровоточащихъ ранъ. Лежащіе на импровизированныхъ постеляхъ, раненые офицеры и солдаты принадлежатъ къ составу 28-й пѣхотной дивизіи; ихъ привозятъ сюда съ поля сраженія, что происходило третьяго дня, — команды, высланныя еще вчера нашимъ полкомъ, прихва-

тившія съ собой собранныя для этого подводы мѣстныхъ жителей. Около раненыхъ хлопочутъ врачи и фельдшера нашей дивизіи; роль санитаровъ выполняютъ трубачи.

Въ сосѣдней комнатѣ устроена перевязочная; туда при мнѣ пронесли только что привезеннаго капитана 110 Камскаго полка, съ оторванной верхней губой, перебитымъ носомъ и бородой, превратившейся въ запекшійся кровавый комъ, — онъ, бѣдный, пролежалъ въ такомъ видѣ около двухъ сутокъ въ сырой полевой канавѣ.

Пиккель проситъ меня достать большой флагъ съ Краснымъ Крестомъ, чтобы повѣсить его на перевязочный пунктъ. Задача довольно сложная. Вспоминаю, что по дорогѣ видѣлъ лавку съ выставленными матеріями; направляюсь къ ней. На мой стукъ открываетъ дверь пожилая нѣмка; покупаю у нее большой кусокъ каленкора и краснаго ситца и прошу ее сшить флагъ; она вызываетъ молоденькую дочку, поручаетъ ей работу и проситъ меня пройти подождать въ сосѣднюю комнату.

Здѣсь встрѣчаю офицеровъ Лейбъ эскадрона, которымъ отведена въ этомъ домѣ квартира.

Черезъ нѣсколько минутъ появляется въ дверяхъ хозяйка и угощаетъ меня большой чашкой горячаго кофе съ молокомъ.

Вскорѣ изъ искусныхъ рукъ молодой нѣмки, выходитъ большой флагъ Краснаго Креста съ тесемками сбоку, чтобы его можно было привязать къ шесту. Отъ платы за шитье и мать и дочь, узнавъ, что это предназначается для лазарета, категорически отказываются. Поблагодаривъ ихъ, отношу флагъ Пиккелю; черезъ минуту вижу, влѣзшихъ на крышу, двухъ трубачей, привязывающихъ его къ флагштоку.

Вечеромъ захожу въ свой взводъ. Между дворами и кустарникомъ разложены два костра. Внизу подъ обрывомъ слышенъ трескъ ломаемыхъ вѣтвей и валежника. Оттуда подходятъ люди, представляющіеся въ наступившей темнотѣ еле различимыми тѣнями, и бро-

сают на костры принесенныя охапки сучьевъ; огонь притухаетъ, затѣмъ слышны трескъ и шипѣніе горящаго сырого дерева и показывается черный дымъ. Вслѣдъ за нимъ съ новой силой высоко вздымаются языки пламени и ярко освѣщаютъ сидящихъ вокругъ людей. Кирасиры, босикомъ, усѣвшись поудобнѣе вокругъ костровъ, источника и тепла и свѣта, чинятъ бѣлье и нашиваютъ пуговицы, передавая другъ другу иголки и нитки. Посмотрѣвъ на нихъ издали, чтобы не прерывать ихъ сосредоточенной работы, ухожу къ себѣ.

Изъ оврага подымается рѣдкій туманъ; потревоженныя чѣмъ то лягушки заквакали въ немъ дружнымъ хоромъ; съ луговъ потянуло запахомъ сѣна. Остро вспомнились родныя мѣста и трудно было перестроить свое сознаніе на дѣйствительность — окраину, доселѣ никому неизвѣстнаго мѣстечка въ Восточной Пруссіи и войну...

10 августа.

Сознаніе, что мы идемъ въ наступленіе, — преслѣдовать разбитаго врага, — создаетъ тотъ порывъ, а вчерашняя дневка, во время которой мы вымылись, починились и отдохнули, даетъ ту бодрость, — проникнутыя которыми, части конницы выступаютъ сегодня со своихъ биваковъ, солнечнымъ раннимъ утромъ. Проходимъ Эгленинкенъ, гдѣ мы стояли въ ночь съ пятаго на шестое; идемъ далѣе по той знакомой дорогѣ, по которой поднятые тревогой, спѣшно шли къ мѣсту боя у деревни Каушенъ.

На полѣ сраженія, крестьяне собираютъ трупы нѣмецкихъ солдатъ и сносятъ ихъ къ вырытымъ большимъ братскимъ могиламъ. Одна изъ нихъ, подлѣ дороги, еще не готова — ее только роютъ; но рядомъ уже лежитъ ровная шеренга мертвецовъ во всемъ сѣромъ; лица прикрыты ихъ же касками въ защитныхъ чехлахъ.

Поровнявшись, мы всѣ снимаемъ фуражки и крестимся; многія солдатскія уста шепчутъ «Упокой Господи».

Войдя въ мѣстечко Краупишкенъ, спѣшиваемся на небольшомъ лужку, по которому разбросано нѣсколько тополей. Впередъ вызываютъ квартирьеровъ.

Мы съ Христіани вышли на широкую пыльную улицу. Налѣво, надъ большимъ каменнымъ домомъ, окруженнымъ съ трехъ сторонъ зеленью, развѣвается флагъ Краснаго Креста. На крыльцѣ, нашъ дивизіонный врачъ Мундтъ бесѣдуетъ съ германскимъ военнымъ врачомъ; внизу у ступенекъ старательно отдаетъ намъ честь нѣмецъ-санитаръ въ формѣ.

У одного изъ домовъ справа, замѣчаемъ большое движеніе. Помѣщающійся въ немъ магазинъ бойко торгуетъ, наполнившимъ его, русскимъ покупателемъ. Мы купили цѣлую кипу шоколада, заплатили за него, какъ и остальные, по курсу 50 копѣекъ за марку, и вернулись къ эскадрону.

Въ наше отсутствіе пришло приказаніе назначить одного офицера въ дальнюю развѣдку, коему немедленно явиться въ Штабъ дивизіи, расположенный около кирхи; назначенный и отправившійся, Чебышовъ вскорѣ вернулся и разсказалъ о задачѣ, что онъ получилъ. — По первоначальному плану, одинъ изъ пятерыхъ полковъ, входящихъ въ составъ Сводной армейской дивизіи, по переходѣ нами рѣки Инстеръ долженъ былъ отдѣлиться и идти самостоятельно на городъ Тильзитъ, но изъ за боя подъ Каушеномъ и дальнѣйшаго нашего ухода на югъ къ правому флангу арміи, выполненъ этотъ планъ не былъ. Теперь германская пѣхотная бригада, занимавшая Тильзитъ и двинутая оттуда во флангъ и тылъ нашей арміи, разбита Гвардейской Кавалеріей подъ Каушеномъ и ушла на западъ; въ виду этого Тильзитъ по всѣмъ вѣроятіямъ свободенъ отъ противника и туда высылаются по разнымъ маршрутамъ лишь два разъѣзда, по взводу каждый, отъ Кавалергардовъ Князя Багратіона и отъ насъ — Чебышова; выйти имъ слѣдуетъ завтра съ бивака, одновременно съ нами.

Изъ Краупишкенъ полкъ идетъ на ночлегъ въ деревню Барзденъ. Мѣста живописны — холмы съ перелѣсками и, поросшими высокой травой и кустарникомъ, небольшими балками. Становимся скученно; намъ отводится нѣчто вродѣ постоялаго двора, — длинный четырехугольникъ, съ большой, сплошной лужей посрединѣ, ограниченный постройками, гдѣ вмѣсто перваго этажа тянутся грязныя, безъ стѣнъ со стороны двора, конюшни съ кормушками. По случаю такихъ неудобствъ эскадронъ разбиваетъ коновязи въ садахъ и на сосѣднемъ лугу.

Вечеромъ вызываютъ всѣхъ офицеровъ въ Штабъ полка, размѣстившійся въ школѣ. Въ большой классной комнатѣ накрыты столы; изъ кухни доносятся соблазнительный запахъ и шипѣніе поджариваемаго мяса.

Къ школѣ непосредственно примыкаетъ квартира учителя; интересно видѣть воочію въ ея естественномъ быту жизнь «побѣдителя въ войнѣ 70-го года». Уютная чистенькая гостинная, обставленная мебелью, съ портретами Императора Вильгельма и Бисмарка, на стѣнахъ; въ креслѣ сидитъ жена учителя и бесѣдуетъ съ нашими офицерами; время отъ времени она отрывается отъ разговоровъ и заходитъ на кухню, чтобы дать указанія нашимъ поварамъ или исполнить ихъ какую нибудь просьбу. На табуретѣ передъ піанино сидитъ и подъ сурдинку играетъ по нотамъ дочь учителя — голубоглазый подростокъ съ длинными косами. Самъ глава дома, въ сюртукѣ и крахмальномъ бѣльѣ, плотный шатенъ среднихъ лѣтъ, разсказываетъ намъ объ этническомъ составѣ населенія Восточной Пруссіи и объ ея исторіи; эти вопросы видимо его очень интересуютъ и въ нихъ онъ безусловно освѣдомленъ.

Я вспомнилъ нашихъ сельскихъ учителей, ихъ убогую жизнь, озлобленность и сравнилъ съ тѣмъ, что я здѣсь наблюдаю и слышу.

Къ ужину пригласили хозяевъ съ дочерью. О войнѣ не было произнесено ни одного слова. Колокольцовъ разсказывалъ молоденькой нѣмочкѣ о чемъ то

видимо очень забавномъ, такъ какъ она заливалась звонкимъ раскатистымъ смѣхомъ. Онъ же послѣ ужина сѣлъ за піанино, пѣлъ веселыя нѣмецкія пѣсенки и училъ имъ свою сосѣдку. Ея папа и мама заинтересовались пѣсней и подпѣвали дочери и Колокольцову.

Возвращаясь домой, мы говорили о томъ, какъ жалко потерять было четыре дня въ топтаніи между Краупишкеномъ и Пилькаленомъ, тѣмъ болѣе послѣ боя, стоившаго столько крови нашей дивизіи.

11 августа.

Выступленіе въ 6 часовъ утра.

Чебышовъ прощается съ нами, забираетъ 1 взводъ и уходитъ на Тильзитъ; мы же, въ составѣ полка, двигаемся на деревню Моуліененъ, сборному мѣсту дивизіи. Идемъ сегодня въ авангардѣ.

Отъ лавы въ походномъ порядкѣ отказались, — утомительна для лошадей, задерживаетъ движеніе колонны, да и непримѣнима въ Восточной Пруссіи изъ за массы проволочныхъ изгородей; — вернулись къ строго уставному порядку. Отказались мы также и отъ мундштуковъ; теперь приторочили ихъ къ переднимъ вьюкамъ.

Идемъ по мѣстамъ, гдѣ почти все населеніе осталось дома. Пройдя верстъ десять, встрѣчаемъ части 29 пѣхотной дивизіи, только что переправившіяся черезъ рѣку Инстеръ. У солдатъ бодрыя веселыя лица; въ движеніи замѣтны дисциплина и порядокъ; мы съ Христіани вспоминаемъ полкъ, встрѣченный въ Пилькаленѣ, и не можемъ не надивиться — какой контрастъ возможенъ между двумя пѣхотными частями. Переходъ вначалѣ проходитъ въ полномъ спокойствіи, по широкой дорогѣ, обсаженной сплошь яблонями, при ясной солнечной погодѣ. Лишь время отъ времени, на горизонтѣ, въ маревѣ солнечнаго жаркаго дня, показываются и быстро исчезаютъ непріятельскіе разъѣзды.

Пройдя большую деревню Нейнишкенъ, сворачиваемъ направо. Мнѣ дается задача вынимать письма изъ почтовыхъ ящиковъ, а также осмотрѣть встрѣтившуюся по дорогѣ желѣзнодорожную станцію, разбивъ на ней телеграфные и телефонные аппараты. Вскорѣ набирается цѣлая кипа писемъ и пакетовъ, главнымъ образомъ опущенныхъ нѣмецкими солдатами; отправляемъ ихъ въ Штабъ Конницы.

Дорога сильно крутится и большей частью стелется вдоль опушекъ небольшихъ лѣсковъ.

Пройдя еще восемнадцать километровъ, подъ деревней Бершкаленъ дивизія спѣшивается и становится на большой привалъ. Нашъ полкъ продвигается по дорогѣ на югъ до деревни Пасбершкаленъ и, выславъ дозорныхъ, также получаетъ возможность отдохнуть цѣлыхъ два часа. Жители всѣ на мѣстахъ, что даетъ намъ возможность пріобрѣсти продукты и фуражъ и накормить людей и лошадей.

Отъ развѣдки приходятъ свѣдѣнія, что противникъ поспѣшно отходитъ. Нашъ офицеръ Рубецъ сегодня рано утромъ сумѣлъ переправиться черезъ Прегель и побывать со своимъ разъѣздомъ въ Инстербургѣ, который по его словамъ занятъ лишь небольшими частями конницы. Вернулся Рубецъ, потерявъ убитыми половину лошадей изъ своего разъѣзда. Дальнѣйшія донесенія говорятъ о томъ, что Инстербургъ уже свободенъ отъ противника и что, судя по большимъ облакамъ пыли, нѣмцы уходятъ въ направленіи на западъ и на юго-западъ.

Нашъ полкъ получаетъ приказаніе продвинуться до рѣки Прегеля. Передъ нами показалась его серебристая лента, вьющаяся среди широкой, поросшей травой, долины. На томъ берегу разбросана деревня, въ которой не замѣтно ни души, дальше сплошная опушка высокаго лѣса. Направо стелятся тучи пыли. Вскорѣ подходитъ 4-я батарея и даетъ два выстрѣла въ ихъ направленіи.

По новому приказанію мы представляемъ собой боковой авангардъ и движемся вдоль рѣки Прегеля; дивизія идетъ по дорогѣ километрахъ въ двухъ правѣе насъ. Постепенно нагоняемъ идущихъ по противоположному берегу, безконечной, насколько глазъ хватаетъ вереницей — бѣгущихъ жителей. Замѣтно, какъ многіе, изъ страха передъ нами, нахлестываютъ лошадей и сворачиваютъ на боковыя дороги.

Придя въ Заалау, послѣ перехода въ 54 километра, нашъ полкъ получаетъ приказаніе выставить сторожевое охраненіе вдоль рѣки Прегеля по линіи Тольтенинкенъ - Прускеменъ; нашъ эскадронъ, въ сумеркахъ уже наступившаго вечера, занимаетъ ея лѣвый участокъ.

Отъ широкой сырой долины рѣки медленно подымается туманъ и, клубясь и создавая причудливыя волнующіяся формы, застилаетъ все доступное для глаза. Вскорѣ взошелъ мѣсяцъ и въ его освѣщеніи, густой осѣвшій туманъ сталъ производить впечатлѣніе безпредѣльнаго тихаго моря. Охраненіе ослѣпло; утѣшеніе одно, что и непріятелю вслѣпую трудно что-либо предпринять.

Таинственная отъ луны и тумана ночь затаилась, — ни откуда ни звука; и такъ до утра...

12 августа.

Раннимъ утромъ къ намъ подошли дивизіонъ Конной Гвардіи и взводъ 4-й батареи, ставшій сейчасъ же на позицію.

Конногвардейцы перешли вбродъ Прегель и заняли противоположный его берегъ съ цѣлью обезпеченія переправы, у моста, сожженнаго третьяго дня нѣмцами.

Приблизительно черезъ часъ показались части дивизіи, и, пройдя бродъ, начали втягиваться въ мѣстечко Норкиттенъ, расположенное на лѣвомъ берегу.

Снявъ охраненіе, нашъ полкъ вслѣдъ за другими спустился съ довольно обрывистаго берега и сталъ переходить рѣку. Войдя на небольшую глубину, лошади, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, останавливались, и опустивъ и вытянувъ шеи, жадными глотками втягивали, охладившуюся за ночь, прозрачную воду.

Во время нашей переправы, къ Норкиттену подошелъ, по лѣвому берегу, авангардъ 25-й дивизіи — 97 пѣхотный полкъ съ батареей. Пѣхотинцы шли бодро, несмотря на два предшествовавшихъ большихъ перехода; они еще были полны впечатлѣній отъ побѣдоносно кончившагося Гумбиненскаго боя; жаловались только на обиліе у нѣмцевъ артиллеріи.

Дорогу нашему эскадрону перерѣзала колонна авангарда; замѣтенъ былъ въ ней полный порядокъ. Пронесли мимо насъ полковое знамя, участвующее на своемъ вѣку уже навѣрное не въ первомъ походѣ.

Пройдя шесть километровъ въ направленіи на югъ, втягиваемся въ густой лиственный лѣсъ.

Передъ нашимъ эскадрономъ идетъ взводъ 4-й батареи поручика Воротникова, занимавшій утромъ позицію у переправы.

Воротниковъ разсказываетъ, что наша и сводная дивизіи идутъ на юго - западъ, чтобы выйти передъ фронтомъ пѣхоты для преслѣдованія противника, 2-я же гвардейская кавалерійская вышла изъ состава отряда хана Нахичеванскаго и продолжаетъ движеніе по правому берегу рѣки Прегель.

Пройдя восемь километровъ по лѣсной дорогѣ, выходимъ на шоссе, сворачиваемъ по нему направо и становимся на ночлегъ въ большой, опустѣвшей отъ бѣжавшихъ жителей, деревнѣ Мульдшенъ.

Въ мѣстныхъ сыроварняхъ нашли большіе запасы сыровъ, а также заквашеннаго и свѣжаго молока, что и составляло сегодня, главнымъ образомъ, и обѣдъ и ужинъ для насъ и для нашихъ кирасиръ.

Ночуемъ сегодня за охраненіемъ пѣхоты, отчего всѣ части дивизіи становятся на бивакъ.

13 августа.

Выступивъ съ восходомъ солнца, идемъ перемѣннымъ аллюромъ — то рысью, то шагомъ, — по проселочнымъ дорогамъ, крутящимся среди живописныхъ зеленыхъ холмовъ и небольшихъ рощъ. Направленіе держимъ прямо на западъ. На большія дороги не выходимъ, чтобы не мѣшать движенію по нимъ нашей пѣхоты, передъ фронтомъ которой мы должны выдвинуться.

Не доходя километровъ трехъ до Фридланда, останавливаемся. Впереди слышенъ ружейный огонь, а затѣмъ и артиллерійскій. До насъ доходятъ вѣсти, что авангардъ нагналъ непріятельскую пѣхоту. Вскорѣ послышался повторившійся два раза глухой гулъ отъ взрывовъ; стрѣльба затѣмъ прекратилась. Насъ двинули дальше.

У дороги лежалъ убитый конногвардеецъ. При видѣ его я вспомнилъ, что до войны видъ каждаго трупа производилъ неизмѣнно волнующее впечатлѣніе и всегда хоть на небольшой срокъ западалъ въ память. Теперь же, на войнѣ, — отъ вида смерти не остается никакого впечатлѣнія и забывается она моментально.

Пройдя вбродъ рѣку Алле, лѣвѣе только что взорваннаго моста, входимъ въ чистенькій хорошо распланированный городъ Фридландъ. Жители всѣ ушли. Въ городскомъ скверѣ нашли спящаго пьянаго нѣмецкаго сапера и рядомъ съ нимъ въ травѣ — ружье, каску и ранецъ.

Пройдя городъ, дивизія продолжала путь по дорогѣ, вдоль желѣзнодорожнаго полотна, въ направленіи на сѣверъ. Пройдя километровъ шесть, нашъ полкъ свернулъ налѣво вдоль ручья, и, вступилъ въ деревню Дитрисхвальде, гдѣ сталъ располагаться квартиробивакомъ.

Въ большомъ фруктовомъ саду разбиты коновязи; люди, задавъ кормъ лошадямъ, развели костеръ и готовятъ въ большомъ, гдѣ то найденномъ, котлѣ ва-

рево, въ которомъ участвуетъ все вмѣстѣ: крупа, овощи, сало, свинина, куры и утки.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда вернулся изъ Штаба дивизіи вызванный туда Соколовъ и привезъ задачу, данную нашему эскадрону. — Вмѣстѣ съ конно-саперной командой пройти въ тылъ противника и взорвать мостъ или віадукъ близъ Прейсишъ Эйлау, на желѣзнодоржномъ пути Кенигсбергъ - Бартенштейнъ. Выступленіе черезъ полтора часа.

Наскоро поѣвъ, собираемся въ комнатѣ рядомъ стоящаго дома. При свѣтѣ огарка, склонивъ головы къ разложенной на столѣ картѣ, совѣщаемся, какъ выполнить, возложенную на насъ отвѣтственную и сложную задачу.

Ровно въ девять часовъ, въ полной темнотѣ, вытягиваемся по дорогѣ. 2-й взводъ предназначенный идти головной заставой, выдвигается впередъ, за нимъ 3-й, затѣмъ — Саперная команда и наконецъ, 4-й.

Проходимъ сторожевой резервъ кавалергардовъ, ставшій въ деревнѣ Лизеттенфельдъ. У нихъ вдоль дороги разложены костры, освѣщающіе фигуры сонныхъ людей, расположившихся вокругъ огней. Выйдя изъ полосы багроваго отблеска костровъ, казалось, что еще болѣе сгустилась вокругъ насъ ночная темнота. Пройдя два километра, входимъ въ деревню Штокгеймъ, по окраинѣ которой проходитъ линія сторожевого охраненія.

Третьяковъ со 2 взводомъ, выславъ дозорныхъ, выдвигается впередъ. Понимая, какъ въ такихъ случаяхъ, пріятно не быть въ одиночествѣ, я, съ разрѣшенія эскадроннаго командира, ѣду вмѣстѣ съ нимъ. Дорога часто засажена яблонями. Для скрытности движенія, Третьяковъ приказываетъ идти дозорнымъ, а также ведетъ взводъ, — по одному, подлѣ самыхъ деревьевъ, по обѣимъ сторонамъ дороги.

Ночь тихая, — ни откуда ни звука. У насъ разговоры запрещены. Напряженіе большое, — ясно, что гдѣ то близко долженъ быть противникъ и что мы ничѣмъ

не должны себя обнаружить, иначе потеряемъ возможность пройти сквозь его охраненіе. Скоро долженъ показаться мѣсяцъ; пока что — темно. По сторонамъ плывутъ еле различимые силуэты кустовъ и деревьевъ.

Еще четыре километра, и мы подходимъ къ желѣзнодорожному переѣзду; за нимъ видны постройки и высокія деревья. Судя по картѣ принадлежатъ они имѣнію Гарбникенъ. Ни одного огонька оттуда не свѣтитъ, не залаетъ ни одна собака. Дозорные, осмотрѣвъ, докладываютъ, что имѣніе пусто. Спокойно продвигаемся дальше. Звонко, въ ночной тишинѣ, отдается стукъ подковъ о доски и рельсы переѣзда. Мы съ Третьяковымъ радуемся, что проходимъ спокойно самое опасное мѣсто, послѣ котораго начинается ужъ пересѣченная лѣсистая мѣстность, до самой цѣли нашего рейда.

Пройдя нѣсколько домовъ, мы уже хотѣли было повернуть направо на полевую дорожку, чтобы слѣдовать по намѣченному маршруту, какъ вдругъ изъ, казалось пустыхъ, домовъ и сараевъ стали выбѣгать люди. Одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ меня въ упоръ изъ за забора; кобыла шарахнулась въ сторону. Другой кинулся мнѣ на перерѣзъ и вскинулъ винтовку, но пика одного изъ дозорныхъ кирасиръ пригвоздила его къ землѣ. Я успѣлъ выхватить браунингъ и дать два выстрѣла вправо въ кинувшихся ко мнѣ новыхъ нѣмцевъ. — Мы галопомъ ушли назадъ.

Пруссаки бѣгомъ заняли желѣзнодорожное полотно и стали обстрѣливать эскадронъ, но потерь не нанесли, — пули летѣли поверху, сбивая вѣтки и листья придорожныхъ деревьевъ. Справа и слѣва, вдоль желѣзной дороги, также послышалась стрѣльба потревоженныхъ нѣмцевъ.

Къ счастью сейчасъ же за нами пролегала глубокая лощина, куда и отошли эскадронъ и саперы. Взводные провѣрили людей — всѣ, слава Богу, на-лицо. Въ конно-саперной командѣ во время стрѣльбы вырвалась лошадь подъ однимъ изъ выюковъ съ толомъ, который такъ необходимъ при предстоящемъ взрывѣ, и повали-

лась въ придорожную канаву. Мой вѣстовой Карпекинъ, Емецъ и саперъ Бубенъ вызвались пѣшкомъ пройти по канавѣ и ее оттуда вытащить. Минутъ черезъ двадцать они вели уже найденнаго коня, не обращая вниманія на стрѣлявшихъ по нимъ нѣмцевъ.

Тѣмъ временемъ командиръ эскадрона собралъ военный совѣтъ. По общему мнѣнію уже въ достаточной мѣрѣ выяснилось, что охраненіе противника идетъ по линіи желѣзной дороги и найти переходъ черезъ нее въ ночной темнотѣ совершенно невозможно, тѣмъ болѣе послѣ тревоги, только что нами поднятой. Поэтому рѣшаемъ съ наступленіемъ утра, бросивъ намѣченный маршрутъ, попытаться пройти лѣсами южнѣе Домнау.

Люди и лошади крайне утомлены, отчего четырехчасовой отдыхъ будетъ очень кстати.

Становится много свѣтлѣе, — изъ за обрывковъ медленно плывущихъ облаковъ начинаетъ выглядывать луна. Пройдя около двухъ километровъ по глухой полевой дорожкѣ, замѣтили одинокій хуторъ. Посланные дозорные доложили, что людей въ немъ нѣтъ, что сарай полонъ сѣна и во дворѣ имѣется колодезь. Словомъ все что намъ надо.

Когда мы въ немъ располагались, низко, стуча работающими моторами, проплылъ цеппелинъ; мы предупредили людей, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не соблазнился бы и не вздумалъ въ него стрѣлять.

14 августа.

Оторванный отъ крѣпкаго, самаго сладостнаго, предутренняго сна, я не сразу сообразилъ, что мы на войнѣ, въ заброшенномъ нѣмецкомъ хуторѣ, подлѣ противника, притаившагося совсѣмъ рядомъ съ нами.

На дворѣ едва брезжитъ разсвѣтъ. И люди и природа какъ бы окрасились въ сѣрые тона.

Командиръ эскадрона назначаетъ меня съ 4-мъ

взводомъ въ головную заставу; по картѣ составляемъ предположительный маршрутъ.

Людямъ приказано по одному, ведя лошадей въ поводу, переходить въ лощину съ кустарникомъ, лежащую позади хутора.

Послѣ сна и отъ набѣгающаго вѣтерка, по спинѣ пробѣгаетъ утренняя дрожь.

Садимся на коней. Напряженно всматриваясь въ карту, веду заставу по мокрой, довольно глубокой лощинѣ въ направленіи на югъ. Густая трава заглушаетъ звуки нашего движенія. Переходимъ въ рысь. Черезъ два километра останавливаемся; передъ нами большая дорога, идущая по опушкѣ лѣса. Дозорные даютъ знаки, что можно двигаться дальше. Переходимъ дорогу и желѣзнодорожный путь и втягиваемся въ лѣсъ. Продолжаю держать прежнее направленіе. Еще три километра по лѣсной дорожкѣ и мы выходимъ на опушку рощи. Дозорные докладываютъ, что направо въ деревнѣ въ полукилометрѣ отъ насъ, замѣтили занимающаго ее противника. Забираемъ влѣво, опускаемся въ балку и по ней выходимъ къ слѣдующей рощицѣ; затѣмъ круто поворачиваемъ направо, по кустарнику, перемѣшанному съ молодой порослью и рѣдкими и одиноко торчащими среди нее, высокими соснами.

Дозорные и справа и слѣва даютъ знаки остановиться, — оказывается справа въ небольшой усадьбѣ и слѣва въ деревнѣ — замѣчены нѣмцы. Нашъ путь пересѣкаетъ большая дорога, по которой проѣхали направо безпечно разговаривающіе два всадника, повидимому, дозоръ. Ясно, что мы находимся на линіи сторожевого охраненія. Высылаю на другую сторону дороги Людвига съ двумя кирасирами; они сообщаютъ, что непріятеля тамъ нѣтъ.

Эскадронъ, для большей скрытности спѣшившись, съ лошадьми въ поводу, полнымъ ходомъ перебѣгаетъ черезъ дорогу въ кустарникъ и скрывается за близлежащимъ холмомъ. Здѣсь мы садимся и кустами, сре-

ди уже чаще растущихъ деревьевъ, идемъ просѣкой прямо на западъ.

Изъ усадьбы, что оставили вправо, подымается ружейная стрѣльба; ведется она не по насъ, такъ какъ свиста пуль не слышно, но причиной тревоги послужило конечно наше движеніе.

Солнце тѣмъ временемъ вышло изъ за горизонта и даетъ намъ преимущество тѣмъ, что свѣтитъ сзади насъ. Мѣстность становится неожиданно крайне пересѣченной — холмы, обрывы и овражки.

Первое серьезное препятствіе — переходъ линіи вражескаго охраненія — уже преодолѣно. И у себя и у кирасиръ подмѣчаю отъ этого чувство радостнаго удовлетворенія. Мы уже находимся въ тылу у противника, но сознанія опасности или заброшенности — нѣтъ никакого, — въ нашемъ рейдѣ беретъ верхъ скорѣе спортивное чувство.

Дальше идемъ проселкомъ; взбираемся на холмъ и видимъ передъ собой шоссе, идущее въ выемкѣ между двумя песчанными обрывами. Во всю его длину, подымая облака пыли, движутся плотной массой повозки, фургоны, телѣги съ бѣгущими жителями. Учтя то обстоятельство, что подымаемая ими пыль должна скрывать наше движеніе, немедля рѣшаю опуститься на шоссе.

Дорога на холмѣ обрывается и идетъ внизъ по крутому, поросшему кустами, глинистому скату. Эскадронъ и саперы идутъ вслѣдъ за мной.

Людвигъ выѣзжаетъ впередъ и кричитъ по-нѣмецки, принять вправо, чтобы дать намъ дорогу. Его нѣмецкая рѣчь и обволакивающая насъ пыль, вводятъ пруссаковъ въ заблужденіе, — они, крича, спрашиваютъ насъ — до какихъ мѣстъ дошли уже казаки.

Пройдя четыре километра, подходимъ къ имѣнію Капситтенъ. Слѣва отъ дороги стоятъ два мужика; я, пригрозивъ имъ, спрашиваю занята ли усадьба нѣмецкими войсками. Мужики эти оказались поляками, пришедшими сюда весной на работы. Я вызвалъ поляка-

кирасира Роека и они, съ восторгомъ перейдя на родную рѣчь, разсказали, что сегодня ночевала въ Капситтенѣ нѣмецкая кавалерія, но рано утромъ ушла на Домнау и что теперь тамъ никого нѣтъ. Дозорные подтвердили ихъ свѣдѣнія и мы двинулись дальше, все еще обгоняя безконечную вереницу бѣгущихъ нѣмцевъ.

Лишь пройдя еще два километра, мы, наконецъ, вышли на свободную дорогу.

Впереди дозорныхъ, съ бокового проселка справа, качаясь по песчаннымъ колеямъ, показался громоздкій фаэтонъ, нагруженный сундуками, чемоданами и множествомъ узловъ, запряженный парой здоровыхъ вороныхъ коней. На козлахъ, съ бичемъ въ рукахъ, возсѣдалъ кучеръ; въ фаэтонѣ же, развалившись, сидѣли двѣ толстыя пожилыя дамы въ дорожныхъ капорахъ. Выѣхавъ на шоссе, они повернули направо къ Прейсишъ Эйлау.

Чтобы не дать имъ возможности разсказать о нашемъ движеніи, я приказалъ ихъ остановить и вернуть обратно. На окрики, галопомъ догонявшихъ ихъ кирасиръ, они немедленно остановились и спокойно стали поджидать. Распознавши же въ насъ русскихъ — кучеръ немедленно скатился съ козелъ и опрометью кинулся бѣжать въ поле, а дамы отчаянно зарыдали. Я насилу ихъ успокоилъ, кирасиры завернули имъ лошадей, и одна изъ нѣмокъ, подобравъ возжи, погнала свою пару вороныхъ обратно домой.

Вслѣдъ за тѣмъ, по составленному утромъ плану, я свернулъ направо и мы вышли къ оврагу, скрывавшему насъ отъ двухъ деревень, расположенныхъ по правую и по лѣвую стороны. Отсюда мы перешли въ лежавшую передъ нами рощу, гдѣ расположились на привалъ.

Немедленно былъ высланъ съ разъѣздомъ Третьяковъ съ задачей найти мостъ или віадукъ по линіи желѣзной дороги къ югу отъ Прейсишъ Эйлау. Немного погодя Аршеневской пошелъ съ нѣсколькими кирасирами для осмотра деревень, лежащихъ къ сѣверу отъ насъ.

Невдалекѣ, у самой рощи нашли колодезь, что дало намъ возможность напоить лошадей.

Мы съ Христiани вышли на западную опушку рощицы. Въ двухъ километрахъ передъ нами раскинулся весь залитый солнцемъ историческiй городъ Прейсишь Эйлау; отъ мѣста, гдѣ мы стоимъ, и до его окраины тянется поле, то самое, на которомъ происходила битва въ 1807 году, о чемъ находимъ помѣтку на картѣ. Въ бинокль наблюдаемъ станцiю со стоящими на ней поѣздами, дымящимъ маневрирующимъ паровозомъ, грузовыми автомобилями, разгружающимися подлѣ самой платформы. По улицамъ спѣшатъ куда-то пѣшеходы и велосипедисты, проѣзжаютъ всадники. Отмѣряемъ по картѣ разстоянiе, которое мы прошли въ тылу у противника, оказывается уже 16 километровъ.

Вскорѣ возвращается Аршеневской; между кирасиръ его разъѣзда, увѣренно сидя въ сѣдлѣ, на крѣпкомъ рыжемъ конѣ ѣдетъ въ вольномъ платьѣ, небольшого роста, радостно улыбающiйся блондинъ. Оказывается онъ запаснымъ ефрейторомъ пограничной стражи Шеркинымъ, уроженцемъ Смоленской губернiи. По профессiи кирпичникъ, онъ ушелъ на заработки въ Восточную Пруссiю, гдѣ его и застало объявленiе войны. Взятый подъ строгiй надзоръ, онъ со дня на день ждалъ отсылки его въ концентрацiонный лагерь. Приходъ русскаго разъѣзда въ имѣнiе, въ тылу у нѣмцевъ, былъ для всѣхъ полной неожиданностью, а для Шеркина вмѣстѣ и громадной радостью. Конь и сѣдло взяты имъ были въ усадьбѣ, гдѣ онъ работалъ на кирпичномъ заводѣ.

Отъ Третьякова приходитъ донесенiе, что вiадукъ найденъ въ рощѣ, въ 5 километрахъ южнѣе нашей стоянки. Немедленно собираемся и аллюрами, возможно быстрѣе, пользуясь складками мѣстности, идемъ къ указанному Третьяковымъ, мѣсту.

Въ рощѣ, подойдя къ желѣзнодорожному полотну, спѣшиваемся. Цѣпи 2-го и 3-го взводовъ, подъ командой Христiани, переходятъ черезъ насыпь и залегаютъ полукругомъ впереди линiи желѣзной дороги; въ

остальныя стороны направлены конные дозоры. Балицкій и Аршеневской у віадука, черезъ который протекаетъ ручей, дѣлаютъ вычисленія для взрыва. Я отвожу коноводовъ въ лѣсъ подальше отъ мѣста взрыва, самъ же съ цѣпью 4-го взвода, остаюсь у ручья въ видѣ резерва.

Конно-саперы, снявъ съ лошадей вьюки, быстро вытаскиваютъ изъ нихъ и переносятъ къ віадуку инструменты, шнуры, детонаторы и пакеты съ толомъ. Повозившись съ четверть часа, они, по командѣ Балицкаго, полнымъ ходомъ, что есть мочи, бѣгутъ въ стороны и бросаются навзничь.

Я также командую своимъ людямъ «ложись». Фитиль зажженъ и сейчасъ произойдетъ взрывъ.

Тучи пыли, щебня, камней и вмѣстѣ густого чернаго дыма взлетѣли высоко къ небу; за ними на короткій мигъ показалось пламя. Гулъ и грохотъ, повторившіеся два раза, оглушили насъ и затѣмъ прокатились эхомъ по окрестнымъ мѣстамъ. По воздуху долго съ звонкимъ стономъ носились куски рельсъ.

Дозорные доносятъ, что со стороны Прейсишъ Эйлау въ нашемъ направленіи стелятся тучи пыли; по приказанію командира эскадрона, Третьяковъ ѣдетъ провѣрить ихъ свѣдѣнія. Онъ сообщаетъ, что въ значительномъ количествѣ двигается конница. Наши лошади очень утомлены и это создаетъ извѣстную тревогу. Соколовъ приказываетъ всѣмъ собираться къ коноводамъ.

Неожиданно, слѣва послышалось равномѣрное пыхтѣніе паровоза и стукъ колесъ. Я бѣгомъ разсыпалъ свой взводъ вдоль полотна; низкіе пни, пустившіе свѣжую поросль, представляли собой и прекрасную маскировку и вмѣстѣ упоры для стрѣльбы.

Я прихватилъ винтовку моего вѣстового и также залегъ за однимъ изъ пней; по цѣпи передалъ, чтобы безъ моей команды не стрѣляли. Справа отъ меня разсыпались въ цѣпь конно-саперы, подъ командой Аршеневского.

Мимо, тихимъ ходомъ, сталъ проходить передъ нами паровозъ съ тендеромъ; кромѣ людей его обслуживающихъ, стояли на немъ и сидѣли на тендерѣ солдаты съ винтовками въ рукахъ. Паровозъ приближался къ взорванному мѣсту, но, замѣтивъ оборванную висящую проволоку, остановился; порѣзали ее не то наши дозорные, не то осколки рельсъ отъ взрыва. Въ это время заржали лошади у коноводовъ; нѣмцы насторожились и спускавшіеся уже было люди полѣзли снова по трапу наверхъ.

Мы открыли стрѣльбу, — видно было, какъ попадали почти-что всѣ люди, но паровозъ покатилъ все таки назадъ, заднимъ ходомъ. Изъ него сталъ вываливаться одинъ изъ труповъ и наконецъ выпалъ около насъ на землю. Сейчасъ же началась частая стрѣльба немного лѣвѣе, — это обстрѣливалъ послѣднихъ живыхъ на паровозѣ возвращавшійся Христіани съ 3-мъ взводомъ.

Вывалившійся убитый оказался желѣзнодорожнымъ служащимъ; мы у него нашли секретные приказы, расписанія ушедшихъ изъ Бартенштейна за вчерашній день поѣздовъ и другіе документы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ время идетъ и вражеская кавалерія къ намъ все приближается.

Садимся и просѣками лѣса, чтобы не подымать пыли, уходимъ на спасительный востокъ. Прибившійся къ намъ Шеркинъ зачисленъ въ 4-й взводъ и идетъ въ моей заставѣ; его знаніе окрестностей мнѣ очень помогаетъ. Выйдя изъ рощи, — лощинами и оврагами, обходя деревни, все время почти рысью, уходимъ подальше отъ мѣста взрыва. По совѣту Шеркина идемъ къ имѣнію Луизенбергъ, расположенному, по его словамъ, скрытно и вдали отъ большихъ дорогъ, и гдѣ можно достать фуражъ и продукты.

Пройдя около десяти километровъ, подходимъ къ Луизенбергу. Потянуло запахомъ жилья и навоза. Съ обѣихъ сторонъ основательныя хозяйственныя пост-

ройки, затѣмъ густой живописный садъ и наконецъ господскій домъ.

Высылаемъ дозоры въ сторону Капситтена, что мы проходили сегодня утромъ, и къ востоку. Разставляемъ посты со всѣхъ сторонъ усадьбы съ приказаніемъ стоять совершенно скрытно и всѣхъ въ нее впускать и никого не выпускать. Простоять рѣшаемъ здѣсь до вечера, такъ какъ лошади совершенно утомлены. Двухъ кирасиръ на болѣе свѣжихъ коняхъ Андреева и Приступу, посылаемъ съ донесеніемъ въ Штабъ дивизіи*).

Прислуга въ домѣ сообщаетъ, что господа уѣхали. Мы рѣшили, что они бѣжали, какъ и другіе, подальше отъ войны.

Наши офицеры собрались всѣ въ небольшой гостиной. Въ открытыя окна, играя кисеей занавѣсокъ, врывается теплый мягкій вѣтеръ и приноситъ запахъ разморившейся на солнцѣ хвои и пышнаго цвѣтника, разсаженнаго на лужайкѣ передъ домомъ.

Возвращаются дозоры. Въ Капситтенѣ стоитъ нѣмецкая кавалерія, лошади разсѣдланы. Мы повидимому счастливо проскочили это мѣстечко, во время смѣны охраненія, когда одна часть уже ушла, а другая, смѣненная, не успѣла еще вернуться.

Просидѣвъ около часа за разборомъ бумагъ и чтеніемъ газеты, найденныхъ при убитомъ желѣзнодорожникѣ, неожиданно услышали звуки бича, перебой идущихъ рысью лошадей и мягкое шуршаніе резиновыхъ шинъ по мелкому гравію аллеи.

Къ дому подкатила коляска съ сидѣвшими въ ней хорошо одѣтыми господиномъ и дамой.

---

*) Оба пропали безъ вѣсти. Черезъ годъ Андреевъ сообщилъ въ письмѣ изъ германскаго плѣна, что они напоролись на нѣмецкую пѣхоту. Приступа былъ убитъ, а Андреевъ тяжело раненъ. Въ концѣ письма онъ просилъ доложить командиру, что донесеніе въ руки непріятеля все же не попало, такъ какъ онъ успѣлъ его съѣсть.

Подавъ руку своей спутницѣ, весело соскочившей съ подножки на землю, и заботливо посмотрѣвъ на лошадей, господинъ что то сказалъ кучеру и вслѣдъ за дамой взбѣжалъ на крыльцо и затѣмъ въ переднюю.

Спрятавъ бумаги, мы всѣ встали; Балицкій, въ совершенствѣ владѣющій нѣмецкимъ языкомъ, пошелъ имъ на встрѣчу. Завидя насъ, хозяева расплылись въ привѣтливой улыбкѣ, но на одинъ лишь мигъ. Моментально понявъ, что передъ ними русскіе, оба поблѣднѣли; дама, ослабѣвъ отъ волненія, опустилась даже въ кресло. Балицкій принесъ извиненіе, что мы незванные вторглись въ ихъ домъ, но, что дѣлать, прибавилъ онъ, таковы законы войны. Хозяинъ быстро овладѣвъ собой, отвѣтилъ, что онъ насъ понимаетъ и спросилъ позволенія пройти къ себѣ въ комнату. Балицкій отвѣтилъ, что въ этомъ отношеніи, стѣсненій ему чинить мы не собираемся. Хозяйка въ это время скрылась уже изъ передней.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ помѣщикъ появился снова и предложилъ намъ у него пообѣдать. Мы, проведя впроголодь послѣдніе два дня, съ удовольствіемъ согласились.

Часа черезъ полтора мы уже сидѣли въ длинной столовой, стѣны которой сплошь увѣшаны были тарелками и полотенцами, за прекрасно сервированнымъ столомъ, накрытымъ бѣлоснѣжной скатертью. Сквозь стеклянную дверь и окна виденъ былъ садъ, полный зелени и предвечерняго солнечнаго свѣта.

Къ обѣду вышли хозяева. Замѣтивъ фотографіи лошадей, развѣшанныя на стѣнѣ, мы завели бесѣду на тему о конскомъ спортѣ и очень удачно, такъ какъ хозяинъ оказался владѣльцемъ скаковой конюшни и страстнымъ любителемъ лошадей.

Хозяйка намъ разсказывала о театрѣ, балахъ, объ обществѣ Кенигсберга. Ледъ былъ сломанъ и мы непринужденно болтали, чувствуя себя въ гостяхъ въ гостепріимной помѣщичьей семьѣ. На противоположномъ

концѣ стола разгорѣлся даже страстный споръ между хозяиномъ и нашимъ командиромъ эскадрона — извѣстнымъ скакуномъ, о достоинствахъ какихъ-то кровныхъ производителей, знакомыхъ имъ обоимъ.

Въ разговорѣ о Кенигсбергскомъ обществѣ, Погоржанскій спросилъ милую хозяйку — оживлялъ ли городъ стоявшій тамъ 3 Кирасирскій полкъ, на что она отвѣтила вопросомъ, откуда онъ знаетъ, вообще, про Кенигсберскихъ кирасиръ. Погоржанскій, не задумываясь, отвѣтилъ, что пришлось недавно встрѣтиться съ офицеромъ этого полка, котораго довелось ему взять въ плѣнъ. Наша собесѣдница смутилась и вмѣстѣ забезпокоилась; она спросила не знаемъ ли мы какъ зовутъ этого офицера; услышавъ фамилію, она сразу успокоилась. Видимо боялась за какого-нибудь родственника.

Послѣ обѣда, за кофе съ ликеромъ «Гольдвассеръ», хозяинъ все же откровенно подѣлился съ нами изумленіемъ, такъ неожиданно встрѣтить у себя русскія части. Намъ пришлось фантазировать, что мы прорвали фронтъ гдѣ-то южнѣе, что находимся въ передовомъ отрядѣ, и что къ вечеру должна подойти сюда уже пѣхота.

Когда стало замѣтно темнѣть, командиръ приказалъ эскадрону выводить лошадей къ окраинѣ усадьбы, черезъ которую мы вошли. Разложивъ карту, при хозяинѣ, водя пальцемъ по дорогѣ на Прейсишъ Эйлау, мы нарочно громко называли имена деревень на ней лежащихъ. Поблагодаривъ сердечно хозяевъ за гостепріимство, мы сѣли на лошадей и поѣхали къ эскадрону.

Я съ 4-мъ взводомъ выхожу по дорогѣ, что идетъ на югъ; войдя же въ рощу, круто мѣняю направленіе, взявъ его на сѣверо-востокъ; сзади идутъ саперная команда и эскадронъ.

Соколовъ и Христіани меня нагоняютъ; совѣщаемся гдѣ заночевать; рѣшаемъ въ одномъ изъ пустыхъ хуторовъ, разбросанныхъ между лѣсистыхъ холмовъ и овраговъ, подъ Домнау, мимо которыхъ мы сегодня утромъ проходили.

Христіани остается при моей заставѣ.

Наступаетъ темная ночь, сильно затрудняющая оріентировку; иду по лѣснымъ дорожкамъ, стараясь держаться по свѣтящемуся компасу прямо на сѣверъ. Одинъ изъ дозорныхъ запутался въ проволокѣ и грохнулся вмѣстѣ съ конемъ; еле изъ нее его выпутали. Темно, — темнота усиливается еще отъ тумана, заполняющаго промежутки между стволами деревьевъ и кустами. Боясь, что дозорные отобьются и увѣренный, что все равно они ничего не видятъ вокругъ себя, отзываю ихъ ко взводу. Неожиданно послышались протяжные стонущіе звуки; пока сообразили, что это оретъ сова, какъ-то невольно всѣ вздрогнули.

Оказалось, что все-таки мы сбились немного влѣво и поэтому вышли на шоссе, по которому шли сегодня раннимъ утромъ. Снова повернули по проселочной дорогѣ направо и пройдя съ полъ километра, уперлись въ большой богатый хуторъ. Командиръ эскадрона приказалъ становиться въ немъ на ночлегъ.

Большіе сараи были полны фуражомъ. Въ чистенькомъ хорошо обставленномъ домѣ царилъ мертвый покой; все краснорѣчиво говорило въ немъ о поспѣшномъ бѣгствѣ хозяевъ.

Сзади двора — большой прудъ, съ боковъ обрывистые холмы, поросшіе кустарникомъ. Опасна намъ лишь дорога, ведущая отъ шоссе на хуторъ; на нее и ставимъ единственный караулъ. Громкіе разговоры и огни строго запрещаемъ.

Край неба понемногу багровѣетъ, словно отъ зарева, — вылѣзаетъ широкая, круглолицая луна и въ ея освѣщеніи понемногу вырастаютъ одна за другой рослыя липы, окаймляющія двумя стройными рядами, дорогу на хуторъ. Плывущія по небу облака поминутно затемняютъ мѣсяцъ; ихъ тѣни, перегоняя одна другую, быстро бѣгутъ по землѣ.

Тѣло оцѣпенѣло отъ переутомленія, — завалившись на диванъ, я моментально заснулъ тяжелымъ, свинцовымъ сномъ. Не знаю долго ли я проспалъ, ко-

гда кто то въ темнотѣ сталъ меня настойчиво будить. Волнующійся голосъ докладывалъ, что по шоссе двигается непріятель. Спавшій на сосѣднемъ диванѣ, Соколовъ просыпается. Мы оба вскакиваемъ и, прячась за липы, крадемся къ шоссе.

Справа слышна нѣмецкая рѣчь и мѣрный шагъ тяжелыхъ сапогъ. Мы шепотомъ, наклонившись одинъ къ уху другого, переговариваемся и рѣшаемъ, что запоздавшая тревога насъ можетъ только погубить.

По шоссе проходитъ около двухъ нѣмецкихъ ротъ, не подозрѣвая, что нѣсколько замершихъ, чтобы себя не выдать враговъ, наблюдаютъ за ними совсѣмъ рядомъ изъ за деревьевъ. Постепенно шаги ихъ замираютъ и вмѣстѣ съ этимъ отъ нашего сердца отлегаетъ тревога.

Черезъ полчаса тѣмъ же путемъ рысью прошелъ нѣмецкій эскадронъ.

Я долго еще пробылъ вмѣстѣ съ карауломъ и только когда тишина воцарилась полная, вернулся на свой диванъ и снова крѣпко заснулъ.

15 августа.

На разсвѣтѣ, подъ музыку отдаленнаго боя, разыгравшагося гдѣ то на юго-востокѣ, прощаемся съ пріютившимъ насъ на ночь, гостепріимнымъ хуторомъ и переводимъ эскадронъ на проселочную дорогу, поглубже въ лѣсъ.

Одновременно, уходятъ три разъѣзда — Христіани назадъ по шоссе на Капситтенъ, Погоржанскій впередъ на Домнау и унтеръ-офицеръ Великановъ на то мѣсто, гдѣ мы вчера утромъ пересѣкли непріятельское сторожевое охраненіе. Черезъ три четверти часа приходятъ донесенія — отъ Погоржанскаго, что городъ Домнау свободенъ и отъ Великанова — что ни войскъ, ни жителей онъ нигдѣ не обнаружилъ. Отсюда заключаемъ, что минувшей ночью нѣмцы, снявъ охраненіе, отошли

и, что мы такимъ образомъ, очутились между противникомъ и своими войсками.

Кирасиры съ интересомъ слушаютъ разсказы людей, бывшихъ ночью въ караулѣ и въ непосредственной близости наблюдавшихъ движеніе нѣмцевъ; имъ представляется сказочнымъ, что въ то время, когда они спокойно спали въ сараяхъ крѣпкимъ сномъ, — совсѣмъ рядомъ прошелъ врагъ и, сравнительно съ нами, въ большомъ количествѣ.

Соколовъ составляетъ «маякъ», въ видѣ пяти кирасиръ, чтобы направлять людей съ донесеніями, а также и разъѣздъ Христіани на сборное мѣсто эскадрона — сѣверо-восточный выходъ изъ города Домнау. Великанову такъ же послано приказаніе присоединиться къ эскадрону.

Солнце только взошло. Лѣсъ полонъ свѣжимъ смолистымъ воздухомъ. Проснувшіяся птицы и тысячи всякихъ насѣкомыхъ наполняютъ его своей бодрой и несмолкаемой трескотней.

Пройдя спокойно три километра по шоссе, входимъ въ маленькій, еще сонный, городокъ Домнау. При звукахъ, гулко отбивающихъ подковами по мостовой, многочисленныхъ лошадиныхъ ногъ, многія ставни пріоткрываются и изъ оконъ выглядываютъ, растрепанныя со сна, физіономіи мѣстныхъ жителей.

При выходѣ изъ города, у перекрестка дорогъ, среди жнивьевъ, стоитъ высокая мельница. Въ ея тѣни сидятъ кирасиры изъ разъѣзда Погоржанскаго и на длинномъ поводу держатъ лошадей, ставшихъ полу кругомъ и все время мотающихъ хвостами. Самъ Погоржанскій взобрался на верхъ мельницы и наблюдаетъ въ бинокль окружающую мѣстность. По его словамъ замѣтны небольшіе разъѣзды по дорогамъ на сѣверъ, по его мнѣнію, русскіе. Въ направленіи же на востокъ и на югъ — всюду пусто.

Командиръ эскадрона приказываетъ ему двигаться съ разъѣздомъ дальше, по дорогѣ на Фридландъ.

Прождавъ еще съ полчаса, видимъ возвращающа-

гося Христіани. Ему удалось, благодаря его вѣстовому Коху, говорящему по-нѣмецки и кирасиру Овчареку — по-польски, достовѣрно узнать отъ мѣстныхъ жителей, что вся полоса, нами вчера пройденная, и Прейсишъ Эйлау оставлены сегодня ночью отступившими нѣмцами.

Погоржанскій присылаетъ донесеніе о своей встрѣчѣ съ нашими пѣхотными развѣдчиками 40-й дивизіи; ихъ сторожевое охраненіе со вчерашняго вечера стало на высотѣ деревни Георгенау. Погоржанскій сказалъ имъ, что всю развѣдку, на 20 верстъ впередъ мы уже сдѣлали и потому они могутъ возвращаться къ себѣ а, главное, должны предупредить полевые караулы и заставы о нашемъ возвращеніи черезъ ихъ линію охраненія.

Эскадронъ собрался цѣликомъ. Садимся и двигаемся къ Георгенау. Встрѣчаемъ пѣхотныхъ солдатъ 160 Абхазскаго полка. Мы знаемъ, какая тяжесть ложится на пѣхоту и въ бою и въ походѣ, знаемъ, какъ истекаютъ кровью пѣхотныя части при каждомъ сраженіи, и потому испытываемъ чувство нѣкотораго передъ ними умиленія.

По правой сторонѣ дороги тянутся каменныя, съ красными черепичными крышами, суровыя и тяжелыя хозяйственныя постройки. Дальше огромный барскій домъ, въ которомъ легко заблудиться. Всѣ вещи въ немъ не тронуты; въ раскрытыхъ шкафахъ висятъ многочисленные военные мундиры.

Въ темной, несмотря на яркое солнечное утро, столовой поятъ насъ чаемъ и угощаютъ булками съ сыромъ, командиръ роты и его молоденькій, только что выпущенный изъ училища, субалтернъ. Въ ротной кухнѣ кипитъ вода; наши люди получаютъ кипятокъ и пьютъ кофе, что достали вмѣстѣ съ сахаромъ изъ мѣстныхъ запасовъ.

Пройдя изъ Георгенау 8 километровъ, подходимъ къ Фридланду. Встрѣтившійся у желѣзнодорожной станціи разъѣздъ 1-го драгунскаго полка сообщилъ, что на-

ша дивизія стоитъ въ резервномъ порядкѣ за кирхой. Соколовъ, прихвативъ двухъ ординарцевъ, поѣхалъ являться; эскадрону же приказалъ спѣшиться и ждать его распоряженій. Вскорѣ вернулся одинъ изъ ординарцевъ Соколова съ приказаніемъ — Христіани и мнѣ поѣхать къ офицеру Штаба IV Корпуса и дать ему нужную оріентировку.

Слѣдуемъ за посланнымъ за нами Ерпалевымъ. Городъ переполненъ отдыхающими вдоль улицъ частями 30-й пѣхотной дивизіи. Скамейки, ступеньки и просто троттуары полны сидящими на нихъ солдатами, опирающимися на снятые съ себя скатки и вещевые мѣшки.

Въ бесѣдкѣ, въ небольшомъ садикѣ, расположились вокругъ стола офицеръ Генеральнаго Штаба, ротмистръ I драгунскаго полка и пѣхотный полковникъ. За угломъ стоитъ автомобиль. На сидѣніи подлѣ руля дремлетъ съ широко раскрытымъ ртомъ его шофферъ.

Офицеръ Генеральнаго Штаба объясняетъ намъ, что во 2-й арміи неудачно слагаются бои, отчего наша 1-я армія должна ей помочь наступленіемъ своего лѣваго фланга и рейдомъ конницы. Онъ и пріѣхалъ на автомобилѣ во Фридландъ, чтобы привезти распоряженія войсковымъ частямъ и съ цѣлью оріентировать ихъ въ сложившейся обстановкѣ. IV корпусъ сегодня продолжаетъ наступленіе, причемъ 30-я дивизія идетъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы вчера бродили; оттого нашъ докладъ и долженъ быть для нихъ весьма цѣннымъ и по содержанію и по времени. Пѣхотный полковникъ оказался начальникомъ авангарда, а ротмистръ командиромъ высылаемаго впередъ дивизіона корпусной конницы.

Давъ оріентировку, насколько мы могли, полную, возвращаемся къ эскадрону, направляющемуся уже по городскимъ улицамъ къ кирхѣ. Встрѣчаемъ стоящую вдоль улицы батарею 30-й бригады. Артиллерійскія лошади имѣютъ усталый видъ; понуро опустивъ головы и прикрывъ глаза, онѣ лѣниво отмахиваются отъ мухъ, чуть шевеля хвостами и ушами.

Отъ поджидавшаго насъ Соколова узнаемъ, что во Фридландѣ стоятъ лишь кавалергарды и конногвардейцы, получившіе — вчера приказаніе идти въ глубокій тылъ на пополненіе и на отдыхъ, а сегодня отмѣняющее его новое приказаніе — вернуться къ дивизіи.

У окраины города мы присоединяемся къ 1-й бригадѣ, расположившейся въ резервномъ порядкѣ на полѣ, на которомъ происходило историческое сраженіе въ 1807 году. Отъ кавалергардовъ узнаемъ, что въ эту ночь вся дивизія стояла въ Абшвагенѣ; утромъ же 2-я бригада ушла дальше на западъ.

Поле, на которомъ мы стали, все, отъ края и до края, было густо запружено всякаго рода возами, кибитками и телѣгами, вокругъ которыхъ толпились люди, лошади и коровы; кое-гдѣ подымался дымъ отъ разложенныхъ костровъ. Сборище это — бѣжавшіе жители, которыхъ опередила волна нашего наступленія; ихъ сгоняютъ сюда со всѣхъ дорогъ, чтобы они не мѣшали движенію нашихъ войсковыхъ частей.

Вслѣдъ за первой бригадой садимся и двигаемся по большой дорогѣ на Швенау; въ этой деревнѣ проходимъ линію сторожевого охраненія, занимаемую 158 Кутаисскимъ полкомъ. Сюда же въ распоряженіе сторожевого отряда, шла вслѣдъ за нами, конная сотня пограничной стражи.

1-я бригада предполагаетъ ночевать въ Альменхаузенѣ; выступленіе завтра назначено на 7 часовъ утра.

Не доходя около километра до названнаго мѣстечка, занимаемъ усадьбу подлѣ дороги. И фуража и продуктовъ находимъ вдоволь.

Подъ вечеръ, гуляя по саду, взбираемся по ступенькамъ въ бесѣдку, построенную на насыпномъ холмѣ, обложенномъ дерномъ.

Передъ нами — съ одной стороны — деревья, кусты и клумбы, среди которыхъ воцаряются уже вечерніе сумерки, съ другой — даль луговъ и полей при свѣтѣ скрывающагося за горизонтомъ солнца. Тянетъ горькимъ запахомъ полыни, растущей у забора. Тиши-

на полная. Послѣ сплошного напряженія за время нашего набѣга, замѣчаемъ въ себѣ реакцію — лѣнь, чувство покоя и нѣкоторую дряблость.

Говоримъ о солдатахъ. Приходимъ къ тому мнѣнію, что опасности въ войнѣ они долго не замѣчали и относились къ ней, какъ къ безобидному спорту; послѣ же боя подъ Каушеномъ, съ его многочисленными жертвами, наступилъ переломъ — болѣе серьезное и вдумчивое отношеніе.

Здѣсь въ Пруссіи ихъ не интересуютъ ни народъ съ его чуждымъ, непонятнымъ языкомъ, ни аккуратные города, ни имѣнія. Ихъ вниманіе останавливаетъ на себѣ и вмѣстѣ изумляетъ лишь крестьянское хозяйство во всѣхъ его подробностяхъ.

Предвкушая чувство удовлетворенія при докладѣ объ исполненной нами въ совершенствѣ задачѣ, ложимся спать. Въ большихъ сараяхъ, раскидавшись въ самыхъ разнообразныхъ позахъ по нагроможденному чуть не до крыши душистому сѣну, спятъ спокойнымъ крѣпкимъ сномъ усталые кирасиры и конносаперы.

16 августа.

Раннее прекрасное лѣтнее утро. Въ легкой дымкѣ тающаго тумана показалось взошедшее солнце. Еще не было семи часовъ, когда мы подошли и пристроились къ 1-й бригадѣ. Слѣзли и разсѣлись въ травѣ по краю придорожной канавы.

Балицкій поѣхалъ впередъ; сейчасъ же вернулся и сообщилъ, что не двигаемся оттого, что неизвѣстно куда пошла 2-я бригада; узнать объ этомъ поѣхалъ на автомобилѣ кавалергардъ Голынскій.

Вскорѣ произошло какое то движеніе и кавалергарды рысью ушли впередъ; намъ предложено оставаться на мѣстахъ. Со стороны Фридланда, подъѣхалъ на автомобилѣ прикомандированный къ Штабу дивизіи кирасиръ Его Величества Юшковъ, везшій пакеты,

письма и сводки и сообщившій опредѣленно, что Нахичеванскій со всѣмъ отрядомъ находится въ Мюльхаузенѣ, въ 14 километрахъ, къ западу отъ насъ. Объ этомъ онъ поѣхалъ докладывать Скоропадскому. Вскорѣ Юшковъ вернулся и разсказалъ, что Голынскій убитъ при въѣздѣ въ мѣст. Абшвангенъ; раненый шофферъ вернулся обратно со сползшимъ съ сидѣнія трупомъ и опредѣленно доложилъ, что стрѣляли въ нихъ жители. Кавалергарды немедленно пошли наказать виновныхъ. Юшкову же съ его автомобилемъ Скоропадскій приказалъ слѣдовать за бригадой, ввиду того, что дорога не безопасна.

Около 10 часовъ утра мы вошли въ мѣст. Мюльхаузенъ. Командиръ эскадрона поѣхалъ являться Хану Нахичеванскому. Тотъ собирался уже садиться верхомъ, чтобы нагнать свои части, двинувшіяся по дорогѣ на Прейсишъ Эйлау и далѣе, въ тылъ нѣмцамъ, ведущимъ наступленіе на 2-ю армію. Наша дивизія выдѣлена изъ состава конницы Нахичеванскаго и получила задачу стоять заслономъ и развѣдывать въ сторону Кенигсберга и къ западу. По этой же причинѣ и вернули первую бригаду. Мы съ конносаперами заслужили самую лестную оцѣнку исполненію нами трудной боевой задачи.

Полкъ стоитъ въ сторожевомъ охраненіи. На бивакѣ нашли лишь взводъ 2-го эскадрона Поливанова и нашъ 1-й взводъ Чебышова, вернувшіеся съ развѣдки. Поливановъ блестяще выполнилъ данную ему задачу — сумѣлъ пробраться въ самый городъ Бартенштейнъ и обнаружить тамъ стягиваніе и посадку въ поѣзда нѣмецкой пѣхоты. Чебышовъ побывалъ въ Тильзитѣ. По его словамъ городъ полонъ жителей, ходятъ трамваи, стоитъ на мѣстахъ полиція. Встрѣтили его довольно благодушно. Соединился онъ съ кавалергардскимъ разъѣздомъ Багратіона и еще съ однимъ отъ армейской кавалеріи. На слѣдующій день по приходѣ смѣнила ихъ пограничная стража, пришедшая изъ Таурогена. По дорогѣ въ Тильзитъ онъ атаковалъ нѣмецкій разъѣздъ и, въ видѣ трофеевъ, привелъ двухъ лошадей. Одна изъ

подъ офицера, кровный тракененъ, взята имъ себѣ подъ сѣдло и названа «Эльзой» въ честь хорошенькой нѣмки, у которой онъ столовался. Между прочимъ, — когда Чебышовъ направился встрѣчать вступавшихъ въ городъ пограничниковъ, его вѣстовой съ чѣмъ то замѣшкался и онъ одинъ подъѣхалъ къ командиру пограничной сотни. Тотъ, увидѣвъ лошадь подъ нѣмецкимъ сѣдломъ и снаряженіемъ, рѣшилъ, что Чебышовъ переодѣтый нѣмецъ, говорящій по-русски; чтобы получить доказательства, что это не такъ, онъ попросилъ у него осмотрѣть полевую сумку. Тамъ были напиханы разные, взятые на станціи, документы, а также карта и полевая книжка убитаго прусскаго офицера; здѣсь ужъ у пограничниковъ сомнѣній больше не оставалось и они взяли Чебышова въ плѣнъ. Выручилъ его, вызванный вѣстовымъ, Багратіонъ.

Кавалергарды и конногвардейцы стали по квартирамъ, занимавшимся ушедшей утромъ Сводной дивизіей. Нашъ эскадронъ занялъ часть мѣстечка, расположенную за рѣкой, гдѣ уже сталъ раньше 1-й взводъ. Переходить туда надо по высокимъ мосткамъ, въ одну доску съ перилами. Разставивъ эскадронъ мы пошли купаться; рѣзвились необычайно. Вскорѣ вся рѣчка передъ нами наполнилась смуглыми тѣлами нашихъ кирасиръ.

Полкъ вернулся днемъ со сторожевки. Лейбъ и 2-й эскадроны подъ командой полковника Данилова, вели третьяго дня бой, съ непріятельской пѣхотой подъ ст. Унру и Удервангеномъ, сходились до 300-400 шаговъ; затѣмъ пошли въ конномъ строю на поѣздъ, въ который грузились нѣмецкіе солдаты, но запутались въ проволокѣ. 3-й эскадронъ, обойдя занятую противникомъ линію рѣки Фридшингъ, лѣсами слѣва, дошелъ до линіи Виттенбергъ - Боршерсдорфъ, причемъ вечеромъ его разъѣзды освѣщались лучами крѣпостныхъ прожекторовъ.

Къ вечеру въ Мюльхаузенъ пришелъ взводъ казаковъ подъ командой корнета Галкина. Онъ привезъ свѣ-

дѣнія, что охраненіе 40-й дивизіи, временно входящей въ составъ III Корпуса, выдвинуто впередъ на линію Штойкгейма. Для того, чтобы связаться съ нашимъ охраненіемъ высланы казачьи заставы отъ корпусной конницы; его взводъ назначенъ въ нашъ Штабъ дивизіи для связи.

2-й эскадронъ расположился за рѣкой рядомъ съ нами. Вечеромъ офицеры обоихъ эскадроновъ ужинали вмѣстѣ. Квартиры заняли въ сосѣднихъ домахъ.

17 августа.

Утро теплое и тихое, но пасмурное.

На деревенской площади ставятъ столъ, накрываютъ его скатертью. Вокругъ все украшено зелеными вѣтками и полевыми цвѣтами, принесенными заботливыми руками кирасиръ. Приходятъ нашъ полковой священникъ и церковникъ. Батюшка кладетъ на столъ походные дары и антиминсъ, а также Крестъ и Евангеліе. Вскорѣ собирается весь полкъ. Вызываютъ желающихъ пѣвчихъ; составляется хоръ, большинство участниковъ котораго — трубачи. Проникновенно служитъ священникъ, старательно поетъ хоръ, вдохновенно молятся люди, далеко ушедшіе изъ родной во вражескую землю, гдѣ каждый мигъ сторожитъ ихъ смерть.

Послѣ службы всѣ офицеры, вмѣстѣ, пообѣдали; передъ обѣдомъ командиръ полка представлялъ насъ пріѣхавшему, вновь назначенному, Командиру бригады генералу князю Енгалычеву. Днемъ мы съ Христіани осматривали мѣстечко, — ничего оно собой интереснаго не представляетъ, — въ родѣ всѣхъ остальныхъ въ Восточной Пруссіи.

Съ сѣверо-востока подымается близкая артиллерійская стрѣльба, иногда вѣтеръ доноситъ перекаты частаго ружейнаго огня. Близость и направленіе ихъ нѣсколько насъ смущаютъ и мы рѣшаемъ идти на всякій случай, обратно въ расположеніе эскадрона.

По дорогѣ замѣчаю вывѣшенный надъ перевязочнымъ пунктомъ флагъ Краснаго Креста, тотъ самый, что я досталъ по просьбѣ Пиккеля въ Куссенѣ. Пришли мы во время, такъ какъ уже было получено приказаніе нашему эскадрону стать на новый сторожевой участокъ вправо отъ деревни Левиттенъ, удлинивъ такимъ образомъ линію охраненія, занятую сегодня Кавалергардскимъ полкомъ. Мѣра эта принята была отъ того, что около Удервангена накопившіеся въ немъ нѣмцы, повели наступленіе и сбили казачьи заставы, стоявшія правѣе нашего охраненія.

Выступивъ въ пятомъ часу дня, идемъ скучными проселками среди песковъ, поросшихъ рѣдкимъ кустарникомъ. Главная застава — 1 и 4 взводы — становится въ отдѣльномъ хуторѣ между Левиттенъ и Висдененъ; кромѣ Командира эскадрона остаются при ней Чебышовъ, Христіани и я; Третьяковъ съ 3-мъ взводомъ идетъ въ лѣвую заставу къ Левиттену, Марковъ со 2-мъ взводомъ въ правую, на опушку рощи, что восточнѣе Левиттена; Погоржанскій, съ отдѣльнымъ усиленнымъ полевымъ карауломъ отъ 4-го взвода, на юго-восточный край той же рощи; ему вмѣняется въ обязанность связаться вправо съ казаками.

Темнѣетъ. Сѣверный вѣтеръ несетъ съ собой сырость и холодъ. Замолкшая было стрѣльба разгорается съ новой силой. Посланные къ Маркову и Погоржанскому докладываютъ, что у нихъ все спокойно; впереди же ихъ наступаютъ казаки на Унру и правѣе. Вскорѣ подымается зарево многихъ пожаровъ. Вокругъ становится свѣтлѣе отъ ихъ багровыхъ отблесковъ. Часамъ къ 9 вечера все успокоилось. Погоржанскій донесъ, что казачьи цѣпи ушли, выставивъ заставы на старыхъ мѣстахъ.

Къ ночи Марковъ сообщаетъ, что отъ его взвода ходила пѣшая развѣдка, выяснившая, что непріятельское охраненіе стоитъ по рѣкѣ Фришингъ; селеніе того же названія занято нѣмецкой пѣхотой и по окраинѣ его вырыты окопы. Въ то же время началась стрѣльба на

нашемъ участкѣ, — донесенія отъ заставъ говорятъ о выходѣ непріятельскихъ развѣдчиковъ на наши полевые караулы. Ночь безпокойная. Вдобавокъ Погоржанскій сообщаетъ, что казачьи заставы сворачиваются и уходятъ. Соколовъ посылаетъ соотвѣтствующее донесеніе командиру Сторожевого Отряда генералу князю Долгорукову.

Несмотря на всѣ волненія, сонъ одолѣваетъ и мы одинъ за другимъ замолкаемъ и погружаемся въ дрему.

18 августа.

Кто то долго возится въ ночной темнотѣ подлѣ нашей двери; наконецъ, нащупавъ щеколду, разомъ ее открываетъ. Порывы вѣтра хлопаютъ въ сѣняхъ входными дверьми, скрипя заржавѣвшими петлями. Нашъ сонъ чутокъ и тревоженъ — мы всѣ сразу просыпаемся.

«Вашему Высокоблагородію приказаніе».

Соколовъ долго чиркаетъ спичками, затѣмъ зажигаетъ свѣчу. Небольшая комната наполняется тусклымъ свѣтомъ. Приказаніе гласитъ: «Къ деревнѣ Акерау (что въ 12 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Васъ) должна была сегодня подойти дивизія нашей пѣхоты. Немедленно вышлите офицерскій разъѣздъ съ цѣлью 1) сообщить въ ея штабъ обстановку и 2) настоятельно просить объ ея немедленномъ содѣйствіи намъ — наступленіемъ на Удервангенъ. Никакихъ кроки или записокъ о расположеніи и составѣ нашихъ войскъ при себѣ не имѣть. Все хранить въ памяти.

Съ разсвѣтомъ выслать второй офицерскій разъѣздъ на деревню Либенау. Задача — наблюденіе за дорогами между желѣзнодорожной линіей и болотомъ Целау. Срокъ до 12 часовъ дня».

Раскладываемъ карту и ищемъ по ней конечные пункты развѣдки. Свѣтъ отъ огарка слишкомъ слабъ, — по картѣ бѣгаютъ лучи отъ нашихъ электрическихъ фонариковъ. Задача первому разъѣзду необычайно

трудна, — для ея выполненія необходимо пройти сквозь сплошное нѣмецкое охраненіе, занимающее болотистую рѣчку. Начальникъ отряда видимо также это прекрасно учитываетъ, о чемъ краснорѣчиво говоритъ приказаніе — все хранить въ памяти и ничего на бумагѣ.

Вызванному вахмистру приказано немедленно приготовить разъѣздъ въ семь кирасиръ безъ пикъ. Очередь идти въ нарядъ Христіани, но мы съ Чебышовымъ протестуемъ ввиду совершенно исключительной сложности задачи. Командиръ эскадрона присоединяется къ нашему мнѣнію и даетъ тянуть узелки. Двойной узелъ — дальній разъѣздъ, простой — наблюденіе, безъ узла — оставаться на главной заставѣ. Христіани не перестаетъ спорить, доказывая, что разъ существуетъ очередь, ее необходимо выполнять и невозможно сложность нарядовъ взвѣшивать какимъ то аптекарскимъ вѣсомъ.

Тянемъ одновременно ушки, сдѣланные Соколовымъ изъ угловъ его платка. Я вынимаю двойной узелокъ, Чебышовъ — простой. Немедленно приказываю сѣдлать свою лошадь и иду къ разъѣзду.

Темень кромѣшная. Съ неба, будто сквозь сито, сѣетъ мелкій холодный дождикъ. Пока идутъ приготовленія, возвращаюсь въ домъ, чтобы при свѣтѣ разсмотрѣть карту и составить маршрутъ. Рѣшаю идти на заставу Маркова и взять тамъ проводниками людей, что ходили вечеромъ на развѣдку. Прощаюсь съ нашими офицерами и выхожу снова въ мглу и темень дождливой вѣтренной ночи.

Христіани пошелъ провожать меня до воротъ. Здѣсь, прощаясь со мной, онъ похлопалъ по шеѣ мою лошадь и замѣтилъ: «хорошо она тебѣ служитъ; удачное пріобрѣтеніе ты сдѣлалъ». Это были послѣднія его слова, что я слышалъ, послѣднія навѣки...

Пройдя около километра, подходимъ къ рощѣ и идемъ, по ея опушкѣ. Дождь не перестаетъ лить, однообразно и ровно шумя по травѣ и листьямъ деревьевъ. Гудятъ въ лѣсу набѣгающіе порывы вѣтра. У самой

опушки, въ одиноко стоящемъ дворѣ расположена застава Маркова; люди и лошади, въ полной боевой готовности, укрылись отъ непогоды въ большомъ сараѣ. Марковъ даетъ мнѣ провожатаго на полевой караулъ. Продвигаемся сначала рощей, затѣмъ кустарникомъ. Дорожка узкая; все время задѣваемъ за деревья, отчего немедленно обдаетъ насъ холоднымъ душемъ.

Справа горизонтъ начинаетъ свѣтлѣть, — мало по малу окружающіе предметы вырисовываются все яснѣе.

Въ полуразвалившемся сараѣ стоитъ 8 человѣкъ караула. Двое, что вечеромъ ходили въ развѣдку, идутъ пѣшкомъ, нашими проводниками. Кругомъ клубится густой туманъ, — въ двухъ шагахъ уже ничего не видно. Приказываю людямъ, чтобы не отбиться отъ разъѣзда, идти гуськомъ, на хвосту другъ у друга. Проводники обводятъ насъ вокругъ пустой деревни Унру, переходятъ съ нами желѣзнодорожный переѣздъ и просятъ остановиться. Одинъ изъ нихъ, кирасиръ Устиновъ, совѣтуетъ, взявъ круто направо, опуститься въ овражокъ, впадающій въ рѣчку, и по нему попытаться подойти къ непріятельскому охраненію. Отпустивъ съ благодарностью проводниковъ, въ точности выполняю ихъ совѣты.

Благополучно идемъ по дну оврага, передъ нами все опускающагося книзу. Слѣва слышны громкіе отрывистые разговоры. Въ колеблющемся туманѣ замѣтны контуры деревенскихъ домовъ; мы къ нимъ приближаемся. Моя кобыла неожиданно выкарабкалась наверхъ и между двумя деревьями вынесла меня на довольно широкую пересѣкающую нашъ путь, дорогу. Я далъ шпоры и сталъ спускаться съ ея противоположной стороны снова въ оврагъ. Оглянулся — еле различимыя въ туманѣ, тѣни моихъ кирасиръ слѣдуютъ за мной. Въ это время въ деревнѣ поднялся неистовый лай собакъ, заглушающій всѣ остальные звуки. Нѣкоторые, повидимому брошенные и изголодавшіеся, псы начали переходить на завываніе. Моя кобыла зашлепала по грязи, а затѣмъ подъ ея ногами забулькала вода. По заученному на память маршруту, знаю, что оврагъ кончился

и, что мы переходимъ рѣку Фришингъ. Слѣва совсѣмъ близко, послышался, неожиданно, — рѣзкій короткій окрикъ, вскорѣ второй, а затѣмъ выстрѣлъ. Собаки снова залились лаемъ. Двѣ винтовки часто застучали выстрѣлами вдоль пройденной нами дороги. Послышались въ деревнѣ тревожные голоса и вслѣдъ за этимъ вся ея окраина опоясалась огоньками выстрѣловъ.

Но мы, въ это время, поднявшись по скользкому глинистому скату берега, собрались уже въ кустахъ съ противоположной стороны деревни. Шумъ отъ стрѣльбы и вниманіе, по ошибкѣ отвлеченное въ направленіи нашего охраненія, оказались намъ очень на руку. Мы широкимъ галопомъ, спокойно ушли въ ближайшій лѣсъ. Оріентировавъ карту, замѣчаю, что надо принять вправо и держаться ближе къ дорогѣ, идущей на Акерау. Найдя тропинку, вьющуюся въ нужномъ намъ направленіи, высылаю дозорнаго и веду по ней свой разъѣздъ. Идемъ такимъ образомъ около получаса. Деревья становятся рѣже, сквозь нихъ просвѣчиваетъ широкая поляна. Дозорный стремительно осаживаетъ лошадь за деревья и даетъ намъ тревожные знаки.

Старшимъ въ разъѣздѣ идетъ, отпросившійся изъ Штаба полка въ строй эскадрона, унтеръ-офицеръ Семеновъ. Онъ подъѣзжаетъ къ дозорному и вмѣстѣ съ нимъ пристально во что то всматривается. Возвратившись докладываетъ, что по дорогѣ проѣхало три всадника и что хутора, лежащіе передъ нами, заняты отдыхающей, разсѣдлавшей коней, кавалеріей. Я слѣзаю съ лошади, подхожу пѣшкомъ къ дозорному и въ бинокль разсматриваю окружающую мѣстность. Изъ карты явствуетъ, что лежащая передо мной разбросанная деревня — Хафербекъ. По ея дворамъ расположилась кавалерія, примѣрно около эскадрона. Нѣмцы только что встали; въ растегнутыхъ мундирахъ, большей частью босикомъ, они водятъ лошадей къ колодцамъ на водопой. Нѣкоторые изъ нихъ заняты утреннимъ умываніемъ. Мои люди видимо понимаютъ серьезность нашего положенія и инстинктивно ко мнѣ жмутся. Чтобы

ихъ пріободрить, разсказываю имъ данную намъ задачу и увѣряю, что черезъ 2-3 километра мы уже встрѣтимъ русскую пѣхоту. Спокойствіе нѣмцевъ, по правдѣ, вселяетъ во мнѣ насчетъ этого большія сомнѣнія.

Найдя на картѣ полевую дорогу, ведущую въ имѣніе Акерау, сворачиваю въ ея направленіи. Дождикъ на время сдѣлавшій было перерывъ, полилъ съ новой силой. Люди совершенно мокры; отъ коней валитъ паръ. Когда мы удалялись лѣсомъ отъ Хафербека, на моментъ сквозь просѣку увидѣли дорогу и слѣдующій по ней нѣмецкій примѣрно полуэскадронъ, шедшій отъ Акерау на Хафербекъ.

«Должно, уходятъ отъ нашей пѣхоты», замѣтилъ по этому поводу Карпекинъ. Его предположеніе людямъ понравилось и ихъ оживило. Намъ наперерѣзъ тянулась полевая телефонная линія. Мы старательно ее попортили. Впереди вырисовались, высоко на холму расположенные господскій дворъ и деревня Акерау. Посылаю двухъ дозорныхъ ее осмотрѣть. Возвращаются и докладываютъ, что въ ней ни души, во дворахъ же замѣтны слѣды свѣжаго бивака. Послѣднее извѣстіе даетъ мнѣ надежду, что ночевали здѣсь русскія части и выступили съ разсвѣтомъ впередъ. Продвигаюсь съ разъѣздомъ черезъ имѣніе въ деревню. Увы, консервныя банки носятъ клейма нѣмецкихъ заготовокъ; ночевали здѣсь не русскія части, а пруссаки. Увожу разъѣздъ ближе къ выходу и въ болѣе скрытное мѣсто — въ имѣніе. Высылаю дозорныхъ.

Одинъ изъ нихъ возвращается съ сіяющимъ лицомъ и докладываетъ, что большая колонна пѣхоты съ артиллеріей двигается по дорогѣ, верстахъ въ 2-хъ, 3-хъ отъ насъ. Судя по тому, что на людямъ фуражки, а не каски, войска должны быть русскими. Развернувъ карту, прихожу къ убѣжденію, что вѣроятно такъ это и есть: дивизія продвигалась немного сѣвернѣе, болѣе удобнымъ путемъ и распространяется теперь къ югу.

Боясь попасть подъ обстрѣлъ нашей пѣхоты, мо-

гущей принять насъ за нѣмцевъ, отзываю дозорныхъ и рѣшаю спокойнымъ шагомъ идти въ ея направленіи.

Отъ Акерау крестомъ расходятся четыре дороги. На востокъ отъ деревни на много верстъ тянется высокій, темный молчаливый лѣсъ; — по соображеніямъ стратегическаго характера нѣмцами сохранена въ районѣ Кенигсбергской крѣпости большая заболоченная пуща. Къ юго-западу идетъ насыпная дорога, обсаженная деревьями и обмотанная проволокой, ведущая на дер. Эберсвальде. По ней мы и стали держать нашъ путь.

Вся болотистая вокругъ долина еще была окутана утреннимъ туманомъ. Справа по дорогѣ, пересѣкающей нашу, подъ угломъ въ 45 градусовъ, и также насыпной, тянулись длинныя пѣхотныя колонны, два раза прерываемыя двигавшимися шагомъ батареями. Мы спокойно продолжали свой путь; передъ нами вплотную уже вырисовались, стоящія на краю деревни, постройки. Семеновъ, неожиданно, захлебывающимся голосомъ проговорилъ: «Ваше Высокоблагородіе, это нѣмцы, я ихъ отлично различаю». Зная его изумительное зрѣніе, я ни секунды не сомнѣвался. Изъ сосѣдняго дома вышло двое нѣмецкихъ солдатъ, какъ будто нарочно, чтобы подтвердить его слова; они, не обративъ на насъ никакого вниманія, побрели спокойно по направленію къ колоннѣ. У меня мигомъ пронеслось въ головѣ «выручить можетъ лишь полное спокойствіе». Путь отступленія лежитъ по узкой дорогѣ, оплетенной проволокой и со скатами на болотистые луга. Единственная надежда остается на то, что нѣмцы будутъ продолжать принимать насъ за свой разъѣздъ.

Въ короткихъ словахъ говорю объ этомъ своимъ людямъ и мы шагомъ уходимъ назадъ по дорогѣ, по которой только что пришли. Голова лихорадочно работаетъ, — куда идти дальше. Рѣшаю, что днемъ выбраться изъ непріятельскихъ тыловъ, да еще при видимомъ наступленіи нѣмцевъ, совершенно невозможно. Единственный выходъ — уходить въ пущу и ждать тамъ

ночи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо возможно скорѣе найти способъ сообщить своимъ всѣ богатыя данныя, добытыя моей развѣдкой и во время предупредить ихъ о готовящемся нѣмецкомъ наступленіи.

Семеновъ показываетъ мнѣ рукой впередъ и докладываетъ, что на встрѣчу ѣдетъ нѣмецкій всадникъ. Приказываю скрытно вынуть шашки Семенову и еще двумъ кирасирамъ и зарубить его прежде чѣмъ онъ опомнится. Все готово. Нѣмецъ неожиданно останавливается и всматривается въ насъ; затѣмъ снимаетъ карабинъ, даетъ два выстрѣла и карьеромъ удираетъ назадъ. Сзади со стороны колонны начинается по насъ стрѣльба. Я командую «маршъ маршъ» и мы, съ мѣста перейдя въ карьеръ, мчимся къ Акерау. Въ ушахъ стоитъ сплошной свистъ отъ вѣтра и отъ града пуль, посылаемыхъ намъ въ догонку. Сверху падаютъ подрѣзанные пулями сучья; изъ подъ лошадиныхъ копытъ бьютъ летящіе комья глинистой грязи. Влетаемъ въ Акерау и спускаемся внизъ къ усадьбѣ. Здѣсь мы укрыты отъ выстрѣловъ. За то слѣва по дорогѣ замѣчаемъ подходящую къ деревнѣ колонну велосипедистовъ, усиленно надавливающихъ на педали и видимо разсчитывающихъ перерѣзать намъ путь. Теперь вопросъ въ томъ, кто раньше проскочитъ деревенскую улицу. Стелемся широкимъ галопомъ. Велосипедисты уже рядомъ. Кричу «шашки къ бою» и веду разъѣздъ, срѣзая — въ свою очередь имъ дорогу. Передъ нами тропинка ведущая въ лѣсъ. Переходимъ въ карьеръ. Велосипедисты уже слѣзли и разсыпаются въ цѣпь. Тропинка переходитъ въ лѣсную просѣку. Открытый по насъ частый огонь уже не страшенъ; пули, вмѣсто нашихъ тѣлъ, вонзаются въ стройные стволы осины и сосенъ густого лѣса.

Просѣка узкая, съ канавами, полными воды, по краямъ. Грунтъ болотистый, копыта наполовину уходятъ въ мягкій, сырой дернъ. Передъ нами бѣжитъ потревоженное населеніе лѣса — виляютъ хвостами бѣгущія лисицы, выскакиваютъ въ паникѣ зайцы, галопируетъ стадо граціозныхъ дикихъ козъ. Вскорѣ просѣка выхо-

дитъ на лѣсную поляну, густо заросшую травой; посерединѣ пересѣкаетъ ее широкая, наполненая водой канава.

Я останавливаю разъѣздъ и вынимаю карту. Оріентироку я потерялъ, идя карьеромъ и крутясь по тропинкамъ; солнца, могущаго помочь оріентироваться, нѣтъ. Слѣзаемъ и въ поводу ведемъ коней, проваливающихся поминутно въ болото. Съ трудомъ перескочили канаву и перевели черезъ нее лошадей; вымокли во всякомъ случаѣ изрядно.

Втянувшись снова въ лѣсъ, веду разъѣздъ спѣшеннымъ по продолжающейся просѣкѣ; покорно идутъ мокрые усталые кони, бренча висящими по бокамъ стременами. Пройдя съ четверть часа упираемся въ дорогу. Это даетъ сразу точное опредѣленіе мѣста, гдѣ мы находимся, — дорога, пересѣкающая пущу съ сѣвера на югъ, — единственная. Дождь проходитъ; дорога хорошо наѣзженная и съ сухимъ грунтомъ; я снова получилъ возможность идти по картѣ. — Все это, вмѣстѣ взятое, подымаетъ настроеніе. Сажаю разъѣздъ на коней и, выславъ дозорнаго, иду по дорогѣ направо, въ направленіи на югъ. Набѣгающій вѣтеръ клонитъ верхушки густого, обступившаго насъ мохнатаго лѣса. Деревья начинаютъ рѣдѣть, мѣстность все повышается, мы выходимъ на открытое мѣсто. Дозорный мигомъ повернувшій кругомъ, карьеромъ возвращается къ разъѣзду; десятка три нѣмецкихъ всадниковъ его преслѣдуютъ прямо по дорогѣ. Мы полнымъ ходомъ уходимъ назадъ. Нѣмцы, сидящіе на небольшихъ, слабыхъ лошадяхъ, несмотря на всѣ ихъ старанія, остаются далеко позади. Я перевожу разъѣздъ въ галопъ и напряженно стараюсь составить ближайшій планъ дѣйствій. Ясно, что всѣ пути, ведущіе къ нашимъ войскамъ заняты наступающими нѣмцами и что пройти по нимъ при этихъ условіяхъ совершенно невозможно. Наша дорога дѣлаетъ извилину.

Повернувъ направо, неожиданно врѣзываемся въ спокойно двигающуюся нѣмецкую пѣхотную колон-

ну. Пруссаки отъ неожиданности бросаются въ обѣ стороны и вскидываютъ винтовки. «Назадъ» кричу я и мы поворачиваемся кругомъ и уходимъ въ сторону кавалеріи, отъ которой только-что ушли. Вслѣдъ за нами подымается безпорядочный частый огонь. Спереди и сзади противникъ, по сторонамъ — густой болотистый лѣсъ. По первой же просѣкѣ, по которой вьется еле замѣтная въ травѣ тропинка, ухожу въ лѣсную чащу по направленію на востокъ. Пройдя съ километръ, останавливаю разъѣздъ; считаемъ людей, — всѣ на лицо, осматриваемъ лошадей, — одна изъ нихъ легко ранена въ мякоть ноги. Въ глазахъ кирасиръ читаю, что во мнѣ сосредоточены всѣ ихъ надежды, все упованіе Это обостряетъ чувство отвѣтственности и укрѣпляетъ вѣру въ то, что я выведу ихъ изъ вражескаго окруженія. Судя по доносящимся до насъ звукамъ артиллерійскаго огня, нѣмцы уже вышли на расположеніе нашей дивизіи. Идемъ дальше.

Передъ нами, на лѣсной площадкѣ — домъ съ небольшимъ дворомъ и огородами. Во дворѣ стоитъ привязанный рыжій конь подъ сѣдломъ и жретъ овесъ изъ навѣшенной на него торбы; кругомъ хлопочутъ куры, подбирающія просыпанныя зерна. По моему приказанію Семеновъ беретъ трехъ кирасиръ и, держа ружья на изготовку, бѣжитъ вмѣстѣ съ ними къ дому, откуда выводитъ двухъ мужчинъ, одинъ изъ коихъ, судя по формѣ — лѣсникъ. Я подзываю послѣдняго къ себѣ, приказываю ему сѣсть на посѣдланную лошадь и вывести насъ къ мѣстечку Мюльхаузену. Въ моей головѣ мигомъ созрѣваетъ планъ. — Ясно, что наша слабая выдвинутая впередъ дивизія, при столкновеніи съ нѣмцами, движеніе которыхъ я только что наблюдалъ, принуждена будетъ отойти къ пѣхотѣ. Третьяго дня я слышалъ отъ казаковъ, что охраненіе ближайшей къ намъ 40-й дивизіи стоитъ въ Штокгеймѣ; слѣдовательно намъ и слѣдуетъ постараться уйти къ этому мѣсту.

Приказываю лѣснику, возможнѣе скрытнѣе выве-

сти насъ къ Штокгейму; скрытнѣе потому, что если въ насъ будутъ стрѣлять, то убьютъ вѣроятно въ первую же голову самого его.

Нѣмецъ, сразу видимо меня понялъ. По тропинкамъ, среди болотистыхъ, поросшихъ мохомъ, кочекъ, по канавамъ, полнымъ водой, по оврагамъ, мы неустанно шли къ югу, слыша, по временамъ справа, звуки орудiйной стрѣльбы. Лѣсникъ оказался прекраснымъ проводникомъ и развѣдчикомъ. Иногда онъ подымалъ палецъ къ губамъ и чуть слышно произносилъ «тсс». При этомъ мы вмѣстѣ съ нимъ замирали, пока не проходилъ мимо нѣмецкiй разъѣздъ или пѣхотный дозоръ. Прошло не менѣе трехъ часовъ, пока мы вышли на опушку лѣса. Передъ нами открылась мрачная, при свѣтѣ хмураго сумрачнаго дня, равнина, съ разбросанными по ней деревнями и обсаженными деревьями дорогами. Километрахъ въ четырехъ отъ насъ высилась острая кирпичная башня кирхи въ Штокгеймѣ. Слѣва, километрахъ въ двухъ въ деревнѣ ясно различимы были въ бинокль, — посѣдланные кони и солдаты, внѣ всякаго сомнѣнiя, русскiе.

Поблагодаривъ лѣсника и давъ ему серебряный рубль, случайно оказавшiйся въ карманѣ, я отпустилъ его домой. Черезъ четверть часа мы, съ нѣжностью всматриваясь въ нашихъ россiйскихъ солдатъ, вошли въ деревню Зоммерфельдъ, гдѣ стояла застава конныхъ пограничниковъ. Мы узнали, что ихъ сотня придана пѣхотному сторожевому отряду, получившему утромъ приказанiе сворачиваться и уходить къ сторожевому резерву.

Пройдя еще два километра, мы вошли въ деревню Лизеттенфельдъ, гдѣ расположился баталiонъ 157-го Имеретинскаго полка, собиравшiйся сюда съ линiи сторожевого охраненiя. Командиръ баталiона немедленно передалъ по телефону въ Штабъ своей дивизiи привезенныя мною свѣдѣнiя, съ просьбой сообщить ихъ дальше въ Штабы высшихъ инстанцiй.

Онъ мнѣ разсказалъ, что войска III корпуса сего-

дня утромъ начали отходъ на заранѣе подготовленныя укрѣпленныя позиціи на линію Велау-Алленбургъ; сторожевое охраненіе отведено на высоту Фридланда. Его баталіону съ сотней пограничниковъ, приказано ждать подхода нашей дивизіи въ районѣ Штокгейма, послѣ чего уходить на присоединеніе къ своему полку.

Выйдя, вслѣдъ за этимъ, навстрѣчу нашей дивизіи и пройдя лишь два километра, въ деревнѣ Штокгеймъ я встрѣтилъ Обозъ 1-го разряда и нашъ полкъ. На телѣгахъ лежали трупы убитыхъ командира 2 эскадрона Брюммера, корнета Швабе и нѣсколькихъ кирасиръ; въ хвостѣ обоза везли раненыхъ. Явившись начальнику дивизіи и командиру полка, направился въ свой эскадронъ.

Изъ всего, что я слышалъ, представилась слѣдующая картина. — Вчера, 17 августа, армія, вмѣсто предназначавшагося наступленія, получила приказаніе отойти на основныя укрѣпленныя позиціи и оттянуть соотвѣтственно этому, линію сторожевого охраненія; по этой причинѣ и ушли ночью, стоявшія правѣе нашего эскадрона, казачьи заставы. Штабъ нашей дивизіи получилъ диспозицію и приказаніе отойти — лишь глубокой ночью и далъ полкамъ распоряженіе о выступленіи сегодня, 18-го утромъ въ новый раіонъ. Я былъ высланъ въ разъѣздъ и получилъ задачу, соотвѣтственно старой обстановкѣ и старымъ предположеніямъ, объ измѣненіи которыхъ стало извѣстно нашему Штабу лишь въ моментъ выхода моего на развѣдку. Нѣмцы, освѣдомленные видимо о томъ, что наша слабая дивизія выдвинута далеко впередъ подъ самую линію Кенигсбергскихъ фортовъ, рѣшили произвести изъ крѣпости наступленіе, дабы прогнать насъ подальше, а если возможно и отрѣзать отъ пѣхоты. Наступленіе это они и повели съ сегодняшняго утра. Глубокаго обхвата нашей дивизіи имъ выполнить не удалось, такъ какъ части ея по приказанію свыше, спокойно собрались и во время покинули раіонъ Мюльхаузена. Лишь передовыя части нѣмцевъ — самокатчики съ 3-4 эскадро-

нами кавалеріи и нѣсколькими орудіями сумѣли сбить правый участокъ нашего охраненія, а также выйти на путь отступленія нашей дивизіи.

№ 4-й эскадронъ, раннимъ утромъ получилъ приказаніе Начальника Сторожевого отряда — сбить небольшія партіи непріятельскихъ развѣдчиковъ у деревни Унру- и занять шоссе и желѣзнодорожную линію, — съ цѣлью обезпечить со стороны Удервангена, фланговое по отношенію къ Кенигсбергской крѣпости, движеніе нашей дивизіи.

Вмѣсто развѣдчиковъ эскадронъ столкнулся съ цѣпями непріятельской пѣхоты, все время обхватывавшими его правый флангъ; Чебышовъ съ разъѣздомъ былъ отрѣзанъ и до сихъ поръ о немъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Эскадронъ отошелъ къ мѣстечку Абшвангенъ и снова завязалъ стрѣлковый бой съ насѣдавшимъ все время на него противникомъ. Погоржанскій выѣхавшій въ наблюденіе съ нѣсколькими кирасирами на правый флангъ, неожиданно попалъ на скрытую въ кустахъ позицію нѣмецкаго артиллерійскаго взвода; выстрѣломъ изъ орудія на картечь была убита его лошадь; вѣстовой втащилъ Погоржанскаго къ себѣ на сѣдло и вывезъ къ Абшвангену. Поддержки эскадрону прислано не было въ виду того, что дивизіи, при отходѣ, не имѣло смысла втягиваться въ бой.

Имѣя противника съ трехъ сторонъ, подъ артиллерійскимъ огнемъ съ близкой дистанціи, эскадронъ ушелъ лишь тогда, когда получилъ на то приказаніе. Уходить пришлось галопомъ, цѣлиной по мокрому лугу. Нѣкоторые усталые кони упали въ широкую, встрѣтившуюся по дорогѣ, канаву, но всѣ благополучно изъ нее выбрались. Христіани, желая въ этомъ удостовѣриться, вернулся самостоятельно назадъ, приказавъ даже вѣстовому за собою не слѣдовать. Еще не успѣвшая разорваться шрапнель убила его и его коня.

Нѣмецкіе велосипедисты съ артиллеріей успѣли проскочить впередъ и занять у имѣнія Луизенталь желѣзнодорожное полотно фронтомъ на западъ. Шедшій въ го-

ловѣ колонны № 3 эскадронъ былъ встрѣченъ выстрѣлами, но будучи увѣренъ, что это цѣпи нашей пѣхоты долго не отвѣчалъ. Затѣмъ ему пришлось вступить въ затяжной ружейный бой. Тѣмъ временемъ на шоссе появилась новая колонна самокатчиковъ, разсыпалась въ цѣпь и начала обстрѣливать проходившій обозъ I разряда. Два взвода № 2 эскадрона галопомъ подошли къ имѣнію Скоденъ, спѣшились и стали цѣпью продвигаться впередъ. Подойдя на близкую дистанцію ружейнаго огня, понеся уже большія потери, полуэскадронъ остался безъ офицеровъ — ротмистръ Брюммеръ и корнетъ Швабе были убиты, поручики Апрѣлевъ и князь Урусовъ ранены. Подошедшіе полки 1-й бригады и нашъ Лейбъ эскадронъ, при поддержкѣ мѣткаго огня 4-й батареи, перейдя въ наступленіе, заставили нѣмцевъ уйти и окончательно прочистили дорогу нашей дивизіи.

Въ деревнѣ Швенау полки спѣшиваются. Меня вызываютъ къ Начальнику дивизіи. Кромѣ него, на крыльцѣ дома, выходящаго на большую дорогу, расположились на скамейкахъ и вынесенныхъ стульяхъ начальникъ Штаба и командиры полковъ и батарей. На кругломъ столѣ лежитъ развернутая карта. Я снова въ полныхъ подробностяхъ докладываю о своей сегодняшней развѣдкѣ. Послѣ моего доклада происходитъ обмѣнъ мнѣній — что предпринимать. Генералъ Казнаковъ, не получивъ приказанія уходить за пѣхотное охраненіе, считаетъ, что слѣдуетъ остановиться на ночлегъ въ Швенау и окрестныхъ деревняхъ, выславъ впередъ развѣдку. Большинство остальныхъ начальствующихъ лицъ полагаетъ, что въ виду утомленія людей и лошадей, необходимо уйти на спокойный ночлегъ безъ лишнихъ нарядовъ.

Въ это время мимо насъ проходитъ уходящій баталіонъ Имеретинцевъ. Его командиръ докладываетъ, что между противникомъ и нами никого больше не осталось и что пограничники все время наблюдали на опушкѣ большого лѣса партіи нѣмецкихъ развѣдчиковъ. Казнаковъ принимаетъ компромиссное рѣшеніе

— идти на ночлегъ у самой линіи пѣхотнаго охраненія во Фридландъ, выславъ немедленно небольшіе разъѣзды въ сторону противника.

Возвращаюсь въ эскадронъ. Карпекинъ, замѣтивъ стоявшаго подлѣ сарая, вѣстового Христіани, Коха, сталъ упрекать его: «Что же ты не уберегъ своего барина, да гдѣ-то еще мертваго его оставилъ». Кохъ, волнуясь, оправдывался: «Они сами мнѣ не приказали за собою ѣхать». Затѣмъ онъ круто повернулся и облокотился на уголъ сарая; все его здоровое сильное тѣло стало содрогаться отъ рыданій.

Погода рѣзко перемѣнилась къ лучшему. Совсѣмъ на закатѣ, появилось изъ за облаковъ скрывающееся за горизонтомъ солнце. Простоявъ еще больше часа, двигаемся по дорогѣ на Фридландъ. Въ это время къ намъ подходитъ съ разъѣздомъ возвратившійся Чебышовъ; окруженный нѣмцами, онъ въ теченіе цѣлаго дня отсиживался въ лѣсу и болотахъ и вернулся къ намъ кружнымъ путемъ. Мы идемъ въ самомъ хвостѣ колонны. Получаемъ приказаніе оставить одинъ полуэскадронъ передъ деревней Хейнриксдорфъ, коему, занявъ цѣпью высокій холмъ, наблюдать идущія около него дороги въ теченіе получаса послѣ прохожденія дивизіи.

Назначаюсь я съ 3 и 4 взводами. Глаза свыкаются съ темнотой и я начинаю видѣть и различать фигуры людей, лежащихъ на боку, на сырой послѣ дождя землѣ и крѣпко зажимающихъ, по привычкѣ, винтовки въ рукахъ. Небо покрывается звѣздами. Молчаніе въ цѣпи полное, — видимо лежатъ всѣ, задумавшись.

Я вспоминаю Христіани, семь лѣтъ проведенныхъ вмѣстѣ съ нимъ въ Корпусѣ, четыре года въ полку. Задумываюсь надъ нашей судьбой, разрѣшавшейся сегодня ночью узелками. Неожиданно всплываетъ и пронизываетъ затерянное гдѣ-то въ глубинахъ памяти воспоминаніе.

Это произошло три года тому назадъ зимой въ Гатчинѣ. Въ полковомъ собраніи вечеромъ остались Хри-

стіани и я, дежурный по полку. Скучно. Намъ пришла мысль протелефонировать доктору Иванову, старшему врачу нашего полка, и попросить его, яраго спирита, пріѣхать къ намъ — устроить сеансъ. Милѣйшій Александръ Александровичъ пріѣхалъ съ цѣлымъ аппаратомъ имъ изобрѣтеннымъ для записи на листѣ бумаги. На наши вопросы, что насъ ждетъ въ близкомъ будущемъ, духъ отвѣтилъ — война, подъ чьей командой пойдетъ нашъ полкъ — Арапова, до какихъ мѣстъ дойдетъ полкъ — до Але, что съ нами произойдетъ — изъ Васъ троихъ только одинъ послѣ войны останется живъ. Мы рѣшили, что начнется война во временное командованіе нашего полковника Арапова, такъ какъ для полкового командира онъ слишкомъ еще молодъ, и что духъ допустилъ опечатку — вмѣсто «Альпъ», записавъ «Але». Теперь я припоминаю дальнѣйшія событія. — Черезъ годъ командиромъ полка былъ назначенъ и понынѣ состоитъ Кавалергардъ генералъ Араповъ. Война дѣйствительно наступила. Мы стоимъ у невѣдомой для насъ раньше, рѣки Алле, — и наконецъ одинъ изъ насъ троихъ уже палъ; кому принадлежитъ теперь второй чередъ.

По прошествіи получаса иду во Фридландъ. На окраинѣ города стоитъ пѣхотное охраненіе. Прохожу пустой, темный, по ночному гулкій, городъ. Вспоминаю оживленіе и шумъ, царившіе въ немъ три дня тому назадъ. Подхожу къ рѣкѣ; на ней построенъ временный мостъ на козлахъ. Передъ нимъ окопы, занятые ротой пѣхоты. Солдаты расположились группами около костровъ, подлѣ самой рѣки, и готовятъ себѣ ужинъ. Отражающіеся на темной водѣ огни дрожатъ и расплываются и по этому одному лишь замѣтно быстрое теченіе рѣки. По одному переходимъ мостъ. Слышно, какъ непрестанно булькаетъ въ темнотѣ вода, обтекая козлы и сваи моста.

Въ большомъ имѣніи Стадіенбергъ, подлѣ самаго Фридланда, становятся на ночлегъ полки и батареи всей дивизіи.

19 августа.

Утро солнечное, но вмѣстѣ сырое.

Вся большая вмѣстительная усадьба съ ея громоздкими постройками и садомъ, переполненными людьми и лошадьми, кишитъ словно муравейникъ.

Кавалергарды и конногвардейцы получили приказаніе окончательно уходить въ тылъ на отдыхъ и пополненіе, и поэтому собираются въ дорогу.

Иду узнавать новости въ стоящій здѣсь же Штабъ дивизіи. Нашей бригадѣ приказано стать за пѣхотнымъ охраненіемъ противъ стыка между III-мъ и IV-мъ армейскими корпусами; ежедневно высылать эскадронъ на линію охраненія впереди Фридланда, имѣя связь направо съ лѣвымъ флангомъ сторожевого отряда 40-й дивизіи у Кукенена и налѣво съ правымъ флагомъ охраненія отъ 30-й дивизіи у Гетцлака. Въ самомъ Фридландѣ, у моста черезъ рѣку Алле, все время будетъ расположена въ боевой готовности одна рота пѣхоты. Кромѣ того намъ приказано вести развѣдку между раіономъ крѣпости Кенигсбергъ и линіей Аленау-Домнау-Прейсишъ Эйлау. Штабъ дивизіи, остающійся съ нами, предполагаетъ сегодня къ вечеру перейти съ бригадой въ имѣніе Гроссъ Вонсдорфъ, расположенное по большой дорогѣ въ 8 километрахъ, восточнѣе Фридланда. Наряды распредѣляются слѣдующимъ образомъ — полтора эскадрона одного полка въ развѣдку, эскадронъ другого полка въ охраненіе.

Выхожу въ садъ. Воздухъ становится душнымъ. Изъ города принесли найденные тамъ гробы и въ нихъ укладываютъ теперь тѣла павшихъ во вчерашнемъ бою. Въ карманѣ у Швабе нашли письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что, если судьба уготовила ему смерть на войнѣ, — онъ будетъ радъ пасть за Царя, Родину и честь родного полка.

Ординарцы созываютъ офицеровъ на отпѣваніе. На травѣ стоитъ рядъ гробовъ. Передъ ними проникновен-

но служитъ нашъ полковой священникъ. Къ раскинувшемуся надъ нами голубому небу возносятся ввысь печальные похоронные возгласы и пѣснопѣнія. Въ послѣдній разъ, чтобы уйти навѣки, слѣдуютъ наши покойные товарищи мимо родныхъ эскадроновъ, несомые на плечахъ своихъ однополчанъ. Послѣ Литіи, ихъ похоронили на кладбищѣ около кирхи, подъ громъ, вой бури и ливень разразившейся на короткое время грозы.

Послѣ обѣда выслали квартирьеровъ и около 4 часовъ дня всей бригадой перешли въ Гроссъ Вонсдорфъ. Громадный помѣщичій домъ съ прилегающимъ къ нему паркомъ, расположеннымъ по обоимъ берегамъ ручья, текущаго въ глубокомъ оврагѣ. Въ многочисленныхъ хозяйственныхъ постройкахъ размѣстились полностью оба полка и батарея. Усадьба расположена между большой дорогой и рѣкой Алле.

Вечеромъ ушли два взвода Лейбъ-Эскадрона и весь 3-й на развѣдку, а одинъ эскадронъ Кирасиръ Его Величества — въ охраненіе во Фридландъ.

Всѣ офицеры нашего № 4-го заняли вытянутую въ длину высокую свѣтлую комнату, удобно расположившись въ ней, въ одинъ рядъ, вдоль стѣны.

20 августа.

Съ утра — пріятный сюрпризъ, — полковникъ Араповъ организовалъ собраніе. Въ большой комнатѣ нижняго этажа, имѣющей отдѣльный входъ, разставлены столы и стулья; приборы и тарелки приносимъ собственные, изъ вьюковъ. Къ обѣду получили супъ и вареную свинину съ картошкой.

Днемъ въ полкъ прибылъ на пополненіе маршевый эскадронъ подъ командой поручика Баумгартена при младшихъ офицерахъ — Максимовичѣ и баронѣ Паленъ. Прибывшіе люди — уроженцы сѣверныхъ губерній, изъ запасныхъ армейской кавалеріи; лошади, набранныя по мобилизаціи, значительно ниже нашихъ

строевыхъ коней. Къ намъ въ эскадронъ попало двадцать три человѣка, изъ коихъ одинъ — лишь нашъ запасный кирасиръ.

Сегодня мы назначены въ сторожевое охраненіе. Придя во Фридландъ, смѣняемъ кирасиръ Его Величества. Нашъ участокъ по первоначальному заданію казавшійся непомѣрно широкимъ, на дѣлѣ оказался совсѣмъ небольшимъ, такъ какъ пѣхота и справа и слѣва дотянула свое охраненіе почти до самаго города. Отъ насъ выставлены двѣ сторожевыя заставы — одна въ подгородный хуторъ Фридландсгофъ, другая на желѣзнодорожную станцію; кромѣ того послали людей для связи — на сосѣдніе пѣхотные участки. На высокую башню кирхи поставили двойной постъ, давъ часовымъ бинокли и приказавъ подчаскамъ стоять внизу; мѣстность такимъ образомъ взяли подъ наблюденіе на много верстъ кругомъ.

Вечеромъ съ сосѣдняго пѣхотнаго участка справа пріѣхалъ нашъ кирасиръ для связи и доложилъ, что за линіей охраненія собирается возвращающійся съ развѣдки № 3 эскадронъ и, въ виду усталости лошадей, становится здѣсь же на ночлегъ. Корнетъ Гончаренко былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ Христіани, видѣлъ его тѣло и привезъ снятое имъ съ пальца пажеское кольцо. Нѣмцы присыпали тѣло сверху землей и поставили рядомъ крестъ изъ связанныхъ вѣтвей. Характерно, что снята была и увезена полевая книжка, кольцо же и часы оставлены. Узнавшій объ этомъ Кохъ стоялъ здѣсь же и просилъ разрѣшенія поѣхать и привезти тѣло Христіани; съ нимъ вмѣстѣ вызывались ѣхать Межевой и Звягинъ. Командиръ эскадрона разрѣшилъ и направилъ ихъ къ Гончаренко за указаніями; съ ними же послалъ кирасира къ командиру 3-го эскадрона, прося прислать данныя, добытыя развѣдкой.

На пустой городъ опустилась темная ночь. Представляется страннымъ и неправдоподобнымъ, что еще совсѣмъ недавно городскія улицы были освѣщены фонарями, магазины открыты, дома населены людьми, и

что по троттуарамъ въ этотъ часъ сновали многочисленные прохожіе.

Мы офицеры, расположились въ квартирѣ, напротивъ кирхи; въ большихъ сараяхъ рядомъ стали оба взвода, оставшіеся въ городѣ.

Полученная отъ Линдгрена обстоятельная записка говоритъ о томъ, что нѣмецкія части снова ушли въ крѣпостной раіонъ, за рѣку Фришингъ. Встрѣчаются лишь рѣдкіе, небольшіе разъѣзды, да патрули велосипедистовъ, и то не ближе Штокгейма.

Полученныя свѣдѣнія и высланные впередъ въ развѣдку эскадронъ кирасиръ Его Величества, а также Чебышовъ и Третьяковъ, даютъ увѣренность въ томъ, что ночь проведемъ совершенно спокойно.

21 августа.

Просыпаюсь отъ холода, спать дольше уже не въ терпежъ.

Выхожу на улицу. Солнце едва встаетъ. Неподвижный воздухъ рѣдокъ и звученъ; въ немъ уже чувствуется мягкая свѣжесть осени. Влѣзаю по крутой лѣстницѣ на самый верхъ кирхи. На нѣсколькихъ доскахъ, положенныхъ поверхъ балокъ, стоятъ наши два наблюдателя и внимательно всматриваются сквозь широкія, въ видѣ оконъ, отверстія въ кирпичной стѣнѣ колокольни.

Спустившись внизъ, направился въ 4-й взводъ, осмотрѣлъ лошадей, поговорилъ съ людьми и, къ общему удовольствію кирасиръ, прослушалъ впечатлѣнія Дулько отъ войны. Здѣсь меня нашелъ Карпекинъ, звавшій по порученію Соколова, идти пить чай.

Утромъ я ходилъ навѣстить Погоржанскаго, стоящаго съ заставой на желѣзнодорожной станціи. Дорога ведетъ къ нему та самая, по которой мы возвращались послѣ рейда 15-го числа. Погоржанскій устроился въ домѣ, гдѣ какимъ то чудомъ остались жители; по сему случаю онъ угостилъ меня яичницей и чашкой кофе.

Возвратившись отъ него, я узналъ, что только что провезли въ Гроссъ Вонсдорфъ тѣло Христіани, найденное Кохомъ и его товарищами и доставленное ими, перекинутымъ черезъ сѣдло.

Утромъ прошли впередъ разъѣзды отъ № 2 эскадрона. Начальникъ дивизіи рѣшилъ высылать въ развѣдку не обязательно полтора эскадрона, а части, величину которыхъ сообразовывать съ потребностями боевой обстановки.

Смѣненные снова кирасирами Его Величества, мы вернулись въ Гроссъ Вонсдорфъ. Вопросъ продовольствія и фуража здѣсь обострился, — приходится посылать партіи людей на фуражировку въ деревни, лежащія подальше отъ большихъ дорогъ.

Похороны Христіани состоялись до нашего прихода; мы уже застали свѣже насыпанную, убранную полевыми цвѣтами, могилу, въ глубинѣ парка.

22 августа.

Раннимъ утромъ тревога. Эскадроны сѣдлаютъ коней, люди надѣваютъ аммуницію, запрягаютъ патронныя двуколки. Пока что приказано подпругъ не подтягивать и ожидать на мѣстахъ дальнѣйшихъ распоряженій.

Встрѣтившійся Аршеневской разсказываетъ о событіяхъ, послужившихъ причиной сегодняшней тревоги. — Передъ фронтомъ IV-го корпуса со вчерашняго утра появились части непріятельской кавалеріи и пѣхоты, закупорившія всѣ пути и образовавшія сплошную завѣсу передъ линіей нашего охраненія. По этому случаю войска IV-го корпуса выдѣлили отрядъ, подведенный сегодня съ утра къ сторожевому охраненію и получившій задачу произвести рекогносцировку съ боя. Другими словами, отбросивъ непріятельскую завѣсу, выяснить силы и расположеніе нѣмецкихъ частей. 40-й дивизіи дана задача также наступать съ цѣлью обезпечить

правый флангъ IV-го корпуса. Послышавшійся вскорѣ, слѣва артиллерійскій огонь возвѣстилъ о томъ, что бой начался.

Штабъ дивизіи приказалъ 1-ой батареѣ идти во Фридландъ, нашему эскадрону ее туда сопровождать. Утро мглистое, прохладное; иногда накрапываетъ дождикъ. Пройдя въ часъ дорогу до Фридланда, останавливаемся, не переходя рѣки. Я получаю приказаніе продвинуться съ 4-мъ взводомъ на югъ до дер. Гетцлакъ и связаться тамъ съ правымъ флангомъ наступающаго отряда; оттуда надлежитъ выслать офицерскій разъѣздъ черезъ бродъ на дер. Дейчъ Вильтенъ, для чего мнѣ придается Погоржанскій.

Идемъ по дорогѣ, идущей берегомъ извилистой рѣки Алле. Подходимъ къ рощѣ. Въ ней укрылись артиллерійскіе передки. Разставивъ ноги, стоятъ мокрые понурые кони. Солдаты устроились вокругъ зарядныхъ ящиковъ и пьютъ чай. Мокрыя, плохо сгибающіяся шинели сидятъ на нихъ горбомъ. Поверхъ фуражекъ, для защиты отъ дождя, они положили себѣ какіе то широкіе куски сѣрой матеріи.

У деревни Гетцлакъ расположились на позиціяхъ легкая батарея 30-й бригады и гаубичная батарея 4-го Мортирнаго дивизіона. У деревенскихъ домовъ сидятъ, зажимая въ рукахъ винтовки, пѣхотные солдаты изъ роты прикрытія къ батареямъ.

Погоржанскій уходитъ на лѣвый берегъ рѣки.

Вскорѣ подымается невѣроятный грохотъ отъ выстрѣловъ гаубицъ; орудія повернуты почти на югъ. Послѣ ясно слышнаго рѣжущаго звука полета снаряда, издалека доносится гулкій разрывъ. Легкая батарея замерла и не стрѣляетъ. По временамъ доносились до насъ обрывки ружейной и пулеметной стрѣльбы. Проѣзжавшій артиллерійскій офицеръ сообщилъ, что наступленіе отряда почти не встрѣчаетъ сопротивленія и уже достигло конечныхъ пунктовъ. Погоржанскій прислалъ донесеніе, что въ Дейчъ Вильтенѣ стоитъ наблюденіе отъ 3-й кавалерійской дивизіи и что вокругъ все

спокойно. Батареи, стоящія около насъ, теперь молчатъ, за то начался артиллерійскій огонь южнѣе. Простоявъ еще часовъ около полутора, получаю приказаніе присоединиться къ эскадрону и о томъ же сообщить Погоржанскому.

Возвращаюсь къ Фридланду. По дорогѣ встрѣтилъ пѣхотный взводъ, становившійся у рѣки, какъ сторожевая застава. По большой дорогѣ вытягивалась колонна пѣхоты 40-й дивизіи, уходившая на мѣста своихъ биваковъ. Недавно прошелъ во Фридландъ нашъ № 3 эскадронъ занимать обычную линію охраненія. Видимо задуманная рекогносцировка уже выполнена, задача окончена и войска, выставивъ на прежнихъ мѣстахъ сторожевое охраненіе, отпущены по своимъ бивакамъ. Немного болѣе чѣмъ черезъ часъ, мы уже сидимъ въ Вонсдорфскомъ замкѣ, въ занятой нами комнатѣ, переодѣваемся во все сухое, моемся и затѣмъ идемъ въ собраніе обѣдать.

Когда уже стемнѣло, со стороны парка, послышались револьверные выстрѣлы. Оказывается кто то стрѣлялъ изъ кустовъ, растущихъ на берегу оврага въ гулявшаго по противоположной сторонѣ Барона Таубе и ранилъ его въ ногу. Поднятая тревога, окруженіе цѣпями парка и подробный его осмотръ ничего не дали. 2-й эскадронъ снова остается безъ командира. Вчера вечеромъ стрѣляли изъ лѣсу въ проѣзжавшихъ по дорогѣ изъ Фридланда одиночныхъ кирасиръ. Видимо въ мѣстной округѣ завелись нѣмецкіе франтиреры.

Сегодня получена почта. По этой причинѣ вечеромъ разговоровъ никакихъ. Укрывшись потеплѣе и повернувшись къ горящимъ свѣчамъ, наши господа, лежа, перечитываютъ по нѣсколько разъ полученныя письма и углубляются затѣмъ въ газеты. Мало по малу одинъ за другимъ задуваютъ свѣчи и, нѣсколько разъ покряхтѣвъ и поворочавшись, затихаютъ въ сладостномъ крѣпкомъ снѣ.

23 августа.

День проходитъ въ спокойствіи и скукѣ. Лейбъ-эскадронъ ушелъ въ развѣдку, № 3 вернулся изъ охраненія.

Послѣ обѣда, по приказанію командира Эскадрона, производили осмотръ оружія, лошадей и вьюковъ. Я знакомился съ запасными, назначенными въ мой 4-й взводъ. Ихъ шесть человѣкъ, изъ коихъ три унтеръ-офицера; производятъ впечатлѣніе, хорошихъ расторопныхъ людей; среди нашихъ кирасиръ они всѣ выдѣляются своимъ маленькимъ ростомъ.

Въ 4-мъ взводѣ, среди кадровыхъ кирасиръ, служатъ три нѣмца, два поляка и одинъ литовецъ, — всѣ въ мирное время бывшіе примѣрными солдатами, теперь же на войнѣ оказавшіеся, кромѣ того и честными и храбрыми. Я вспоминаю о нѣкоторомъ безпокойствѣ о томъ, какъ они себя будутъ вести на войнѣ; безпокойствѣ, правда имѣвшемъ мѣсто не у насъ, а въ нѣкоторыхъ нестроевыхъ учрежденіяхъ.

Я полагаю, что основанія быть увѣреннымъ въ солдатахъ — такъ называемыхъ инородцахъ, — слѣдующія: объединяющая служба прежде всего Императору, форма и традиціи полка, совершенно захватывающія солдата и заставляющія забывать обо всемъ, кромѣ того, что онъ — «Кирасиръ Ея Величества»; и наконецъ то важное, что на военной службѣ нѣтъ мѣста племенной нетерпимости; о ней просто не знаютъ, — существуютъ лишь «хорошій солдатъ» и «дурной солдатъ».

24 августа.

Сухой, ясный солнечный день.

Кирасиры нашего эскадрона достали большой неводъ и потому съ утра плещутся въ рѣкѣ и ловятъ рыбу. Командуютъ ими псковской рыбакъ Семеновъ и сибирякъ Колесниковъ.

Мы съ Чебышовымъ, сосущимъ свою неизмѣнную трубку, и Погоржанскимъ сидимъ на зеленомъ берегу и съ интересомъ наблюдаемъ рыбную ловлю. Слѣва на травѣ расположились многочисленные зрители, сидящіе въ нѣсколько ярусовъ по скату берега. Они съ волненіемъ слѣдятъ за всѣми перипетіями ловли, подавая поминутно критическія реплики. Колесниковъ даже усталъ и охрипъ отъ переругиваній и возмущенія ихъ неосновательной критикой.

Всѣ три принесенныя ведра уже полны вертящейся серебристой массой пойманной рыбы. Уставшіе люди нашего эскадрона окружаютъ ведра, подымаютъ ихъ и быстро уносятъ къ эскадронной кухнѣ, семеня по травѣ босыми пятками. Неводъ переданъ ими, людямъ 3-го эскадрона, которые немедленно лѣзутъ съ нимъ въ воду.

Чебышовъ подзываетъ Колесникова, состоящаго его вѣстовымъ, и вступаетъ съ нимъ въ бесѣду. Уроженецъ Акмолинской Области, хотя грамотный, но долго не понимавшій, какъ можно говорить одному человѣку во множественномъ числѣ вы,, и потому часто сбивавшійся на «Ваше Высокоблагородіе Ты...», Колесниковъ являетъ собою типъ положительнаго, хозяйственнаго, честнаго солдата и образцоваго вѣстового.

Въ виду усиленія и большей активности противника передъ фронтомъ 40-й дивизіи, сегодня въ развѣдывательный рейдъ уходитъ весь Кирасирскій Его Величества полкъ съ батареей; ему же придана только что вернувшаяся съ Лейбъ эскадрономъ, Конно-саперная команда. № 2 эскадронъ, ушелъ въ охраненіе.

Подъ вечеръ Начальникъ дивизіи приказалъ назначить въ нарядъ полуэскадронъ, командиру коего явиться за полученіемъ задачи къ Начальнику Штаба. Назначаюсь я; подымаюсь въ мезонинъ, занятый Штабомъ дивизіи. Обстановка такова, — на лѣвомъ флангѣ Арміи идутъ бои, IV корпусъ сегодня къ вечеру оттягиваетъ линію своего охраненія, примѣрно на 7-8 километровъ назадъ, то есть на высоту Гроссъ Вонсдорфа,

гдѣ мы стоимъ бивакомъ. Мнѣ дается задача — стать въ имѣніи Херрендорфъ и связать линіей полевыхъ карауловъ охраненіе 30-й дивизіи съ 2-мъ эскадрономъ, занимающимъ по прежнему Фридландъ; его лѣвую заставу приказано перевести на правый берегъ Алле, въ имѣніе Стадіенбергъ.

Черезъ полчаса двигаюсь съ 1-мъ и 4-мъ взводами по проселку въ направленіи на югъ. Пройдя 4 километра, подхожу къ небольшой усадьбѣ — Херрендорфъ. Приказываю нарядить отъ 1-го взвода три полевыхъ караула и назначить по два человѣка для связи ко 2-му эскадрону и къ пѣхотному охраненію; 4-й взводъ рѣшаю полностью держать на заставѣ.

Чтобы точно знать линію охраненія пѣхоты, ѣду съ вѣстовымъ и двумя кирасирами для связи, въ деревню Кригервальде, гдѣ по даннымъ нашего Штаба дивизіи долженъ былъ стать ея правый флангъ. Здѣсь мы встрѣтили роту, уходившую на востокъ. Ея командиръ сообщилъ мнѣ, что линія охраненія оттягивается еще на три километра назадъ, на опушку большого Гердауенскаго лѣса, и что его правая застава должна стать въ деревнѣ Шенвальде.

Оставивъ кирасиръ для связи при командирѣ роты, я вернулся поскорѣй къ заставѣ. Немедленно выслалъ — караулы въ Алленау, Кригервальде и въ хуторъ, лежащій на полдорогѣ между ними, а также людей для связи въ № 2-й эскадронъ. Подробно донесъ о всемъ въ Штабъ дивизіи, приложивъ кроки моего девятикилометроваго участка. Вечеромъ выслалъ еще одинъ караулъ отъ 4-го взвода, влѣво отъ Кригервальде.

Отъ Баумгартена временно командующаго 2-мъ эскадрономъ, изъ Фридланда, получилъ сообщеніе, что противъ его участка замѣчены многочисленные нѣмецсіе развѣдчики.

Послѣ захода солнца, сразу стало свѣжо, — чувствуется уже дуновеніе осени. Небосклонъ покрылся звѣздами, — ночь обѣщаетъ быть достаточно свѣтлой.

Поздно вечеромъ пришло приказаніе: съ разсвѣтомъ

собрать полуэскадронъ цѣликомъ въ мѣст. Аленау выставивъ впередъ наблюденіе; въ случаѣ наступленія противника упорно его оборонять. Съ утра въ раіонъ занимаемаго мною ночью сторожевого участка будетъ направленъ еще одинъ эскадронъ. Посылаю взводнаго 1-го взвода Грицая объѣхать караулы и приказать имъ въ 4 ч. утра сняться и самостоятельно слѣдовать въ мѣстечко Алленау.

25 августа.

Прохладное, ясное утро. Солнце едва начинаетъ показываться изъ за горизонта. Въ прозрачномъ воздухѣ и зелени деревьевъ порхаетъ и звонко щебечетъ проснувшійся птичій міръ. Трава покрыта росой.

Я со взводомъ подхожу къ Алленау. Кони, отдохнувшіе и отъѣвшіеся за дни стоянки въ Вонсдорфѣ, весело насъ несутъ, играя на ходу и отбиваясь отъ повода. Навстрѣчу вѣетъ утренній свѣжій вѣтерокъ. Одновременно по дорогѣ слѣва подходятъ наши караулы.

Въ мѣстечкѣ замѣтно кое какое движеніе, — нѣкоторые жители остались дома. Немедленно высылаю разъѣздъ къ броду у деревни Гетцлакъ, наблюденіе къ западу и къ югу и связь въ Стадіенбергъ къ заставѣ 2-го эскадрона. Оказавшійся начальникомъ этой заставы — Поливановъ, въ свою очередь прислалъ мнѣ двухъ кирасиръ.

Часа черезъ два послышался ружейный огонь слѣва, долго не прекращавшійся; вскорѣ изъ Гетцлака пришло донесеніе отъ Ободина, что онъ отогналъ подходившую къ броду, разсыпанную нѣмецкую кавалерію, силою около одного взвода. Вслѣдъ за тѣмъ начался частый ружейный огонь со стороны заставы Поливанова; оказывается нѣмцы подошли вплотную къ рѣкѣ и обстрѣливаютъ его расположеніе, отчего пришлось отойти за оврагъ. Со стороны Гетцлака снова послышался ружейный огонь и вскорѣ стихъ. Пришедшій галопомъ

Гресь, доложилъ, что эскадронъ нѣмцевъ переправился черезъ рѣку и подходитъ къ опушкѣ лѣса, куда отошелъ Ободинъ съ разъѣздомъ. Дервель съ 4-мъ взводомъ, по моему приказанію занялъ западную окраину Алленау. Отъ Баумгаржена получилъ сообщеніе, что началось наступленіе на Фридландъ, которое онъ, съ находящейся тамъ ротой пѣхоты, пока успѣшно отбиваетъ. Мостъ уже облитъ керосиномъ и приготовлены пучки соломы.

Мои дозорные, направленные по дорогѣ на югъ, докладываютъ, что по ней въ нашемъ направленіи продвигаются нѣмецкіе велосипедисты. Я приказываю немедленно собирать всѣхъ дозорныхъ и разъѣздъ въ Алленау и занимаю цѣпями его окраины. Сообщаю объ этомъ Поливанову и Баумгартену. Со стороны 2-го эскадрона подымается сплошной ружейный огонь. Грицай бѣжитъ ко мнѣ и докладываетъ, что нѣмецкія цѣпи появились съ юга. Иду за нимъ. Въ бинокль прекрасно различимы двигающіеся цѣпями нѣмцы, повидимому велосипедисты, о которыхъ уже доносили дозорные.

Въ это время неожиданно пришли въ Алленау шесть нашихъ пѣхотныхъ развѣдчиковъ, одинъ изъ нихъ съ велосипедомъ. Я быстро написалъ оріентировку, которую самокатчикъ сейчасъ же повезъ въ свой полкъ. — Остальнымъ пятерымъ пѣхотинцамъ я приказалъ уходить изъ мѣстечка обратно. Они кучкой пошли по дорогѣ на Шенвальде, по которой полчаса тому назадъ, спокойно пришли.

Обстановка теперь у меня сложилась такимъ образомъ, — въ полутора тысячахъ шаговъ къ югу залегла нѣмецкая цѣпь, человѣкъ въ пятьдесятъ; здѣсь ни пруссаки, ни мы огня не подымаемъ. Къ западу — изъ рощи въ шагахъ около тысячи отъ насъ, время отъ времени, появляются всадники, но огнемъ 4-го взвода загоняются обратно въ лѣсъ. Къ сѣверу, — у оврага за Стадіенбергомъ застава Поливанова ведетъ перестрѣлку съ, намѣревающимся перейти рѣку, противникомъ.

Отъ Баумгартена получаю сообщеніе, что рота пѣхоты, стоящая во Фридландѣ начинаетъ отходъ. 2-й эскадронъ, перейдя Алле и сжегши мосты, постарается удержаться не менѣе получаса, чтобы дать возможность спокойно отойти ротѣ въ лѣсъ. Правѣе Фридланда все пѣхотное охраненіе также отходитъ назадъ. Меня Баумгартенъ проситъ уйти не ранѣе получаса со времени полученія этой его записки, чтобы слѣва прикрыть пѣхоту и путь отступленія его эскадрона. Посмотрѣвъ въ сторону Фридланда я увидѣлъ большіе клубы сѣраго дыма, — значитъ, мостъ уже горитъ.

Со стороны нѣмецкихъ велосипедистовъ началась сплошная ружейная трескотня. Ихъ цѣпь распространившаяся вправо до желѣзной дороги, открыла огонь по возвращавшимся пяти пѣхотинцамъ. Въ бинокль видно было, какъ они свернули съ дороги внизъ налѣво; какъ одинъ изъ нихъ заковылялъ, опираясь на плечо другого и какъ два подняли и понесли послѣдняго, пятаго, ихъ товарища.

Я приказалъ послать нѣсколько кирасиръ имъ на помощь, а также найти у жителей и запречь возъ или телѣгу. Мои приказанія были выполнены въ точности. Логомъ и кустами пришли посланные и, принесли одного убитаго пѣхотинца и одного раненаго въ плечо. У входа стоялъ запряженный парой лошадей длинный возъ, дно котораго было постелено сѣномъ.

Въ это время нѣмцы поднялись и повели на насъ съ обѣихъ сторонъ наступленіе. Я лично стоялъ въ центрѣ у кирхи. Коноводамъ приказалъ перейти къ сѣверовосточному выходу изъ мѣстечка. Цѣлый вихрь пуль билъ съ двухъ сторонъ по деревнѣ. Воздухъ былъ полонъ красной пыли и осколковъ кирпичей и черепицы. Къ кирхѣ принесли двухъ раненыхъ — одного — кирасира Алехина въ грудь, а другого изъ только что пришедшихъ запасныхъ въ голову; я приказалъ немедленно перенести ихъ на запряженный возъ.

Людвига послалъ посадить туда же рѣшительно всѣхъ пѣхотинцевъ, перевязать раненыхъ и поскорѣе,

рысью, отправить по дорогѣ на Херрендорфъ, по которой мы сегодня утромъ пришли.

Оставивъ Межевого у кирхи, чтобы указывать всѣмъ, кому я нуженъ — гдѣ я буду находиться, иду къ 1-му взводу или вѣрнѣе перебѣгаю отъ строенія къ строенію. Сзади кто то громко кричитъ «Ваше Высокоблагородіе», за мной бѣжитъ Кобзарь, бывшій для связи у Поливанова, и докладываетъ, что 2-й эскадронъ уходитъ къ лѣсу и что нѣмцы вбродъ переходятъ Алле. Моя задача слѣдовательно кончена. Выхожу на задворки. Нѣмецкій огонь не ослабѣваетъ. Наши жалуются на недостатокъ патроновъ. Непріятель перебѣжками продвигается впередъ; — до его цѣпи осталось не болѣе шаговъ пятисотъ; простымъ глазомъ уже можно различать отдѣльныя лица. Наша стрѣльба была мѣткой — замѣтны нѣсколько оставшихся за цѣпями сѣрыхъ бугорковъ, лежащихъ неподвижно, или отползающихъ назадъ.

Въ бинокль вижу идущую километрахъ въ двухъ къ югу нѣмецкую кавалерію. Противъ 4-го взвода непріятель дальше опушки лѣса не выходитъ, такъ что его цѣпи легче оторваться отъ противника; къ тому же путь до коноводовъ длиннѣе. По сему случаю посылаю приказаніе Дервелю немедленно вести взводъ къ конямъ, садиться и лавой уходить на опушку лѣса по направленію на Херрендорфъ.

Прождавъ около четверти часа, приказываю людямъ 1-го взвода черезъ одного перебѣжками уходить къ коноводамъ.

Нѣмцы, замѣтивъ отходъ 4-го взвода, переносятъ стрѣльбу въ его направленіи и начинаютъ перебѣгать вправо черезъ большую дорогу къ овражку; безопасно пройдя по которому, они легко смогли бы отрѣзать намъ путь отступленія.

Я передаю по цѣпи «частый огонь», кирасиры разстрѣливаютъ послѣдніе патроны; нѣмцы отъ этого снова ложатся. Затѣмъ командую «къ конямъ». Укрываясь за постройками, мы перебѣгаемъ на улицу и по ней ужъ

прямо полнымъ ходомъ бѣжимъ къ коноводамъ. Ротъ сухой, отъ быстраго бѣга колотится сердце, словно молоткомъ, ударяя по вискамъ, пульсирующей кровью. Замѣчаю озабоченное лицо Карпекина, мигомъ усадившаго меня въ сѣдло своими могучими руками.

Отъ стрѣльбы, волненія людей и отъ галопа недавно ушедшаго 4-го взвода, лошади не стоятъ. Показываю взводу направленіе на рощу, приказываю отъ середины разсыпаться и командую «полевымъ галопомъ маршъ». Меньше чѣмъ черезъ минуту и справа и слѣва начинается по насъ неистовый огонь. Воздухъ, казалось, свистѣлъ и пѣлъ отъ летѣвшихъ по немъ пуль. Огня слѣва я по правдѣ не ожидалъ; — видимо стрѣляла по насъ кавалерія, переправившаяся черезъ Алле и успѣвшая проскочить впередъ. Я иду сзади; рядомъ со мной Грицай и Карпекинъ. Передъ нами одинъ изъ кирасиръ падаетъ вмѣстѣ съ лошадью; Грицай придерживаетъ коня, всматривается и кричитъ мнѣ: «Черепахинъ убитъ». Вслѣдъ за тѣмъ падаетъ еще двое людей — одинъ вмѣстѣ съ конемъ; лошадь второго галопируетъ безъ всадника рядомъ съ нами.

Огонь затихаетъ. Намъ на перерѣзъ идетъ нѣмецкая конница, но попавъ подъ сильный ружейный огонь справа, поворачиваетъ назадъ. Я перевожу взводъ въ шагъ. Двое людей убито — Черепахинъ, самый высокій кирасиръ въ эскадронѣ, и одинъ запасный, убито двѣ лошади, конь «Новикъ» подъ Черепахинымъ и «Молотъ» подъ Пушковымъ, который пѣшкомъ насъ догоняетъ. Приказываю подвести ему лошадь изъ подъ убитаго запаснаго. Кромѣ того ранена въ ногу «Ежевика» подъ Петрюкомъ.

Выходимъ на дорогу и двигаемся дальше. Я вспоминаю маневры; — ужъ навѣрное мы были бы двадцать разъ посчитаны уничтоженными. Входимъ въ лѣсъ. Здѣсь по опушкѣ расположена цѣпь взвода отъ № 3 эскадрона подъ командой Баумгартена 2-го. По его словамъ въ рощѣ южнѣе Херрендорфа стоитъ со взводомъ

Баторскій; онъ и отогналъ огнемъ рѣзавшій мнѣ дорогу нѣмецкій эскадронъ. Въ самомъ Херрендорфѣ находится командиръ 3-го эскадрона Линдгренъ съ двумя остальными взводами; туда же пошелъ по указанію Баумгартена и мой 4-й взводъ. На скамейкѣ передъ домомъ, гдѣ я проводилъ сегодняшнюю ночь, сидятъ Линдгренъ, Гончаренко и Колокольцовъ. 3-му эскадрону приказано до наступленія темноты наблюдать линію Вонсдорфъ, Херрендорфъ - Шенвальде. При встрѣчѣ со 2-мъ эскадрономъ и со мной передать приказаніе присоединяться къ полку.

4-й взводъ прошелъ благополучно безъ единой потери. Людвигъ мнѣ доложилъ, что раненый въ голову кирасиръ умеръ во время перевязки и что возъ благополучно проѣхалъ въ направленіи на пѣхотное охраненіе.

Я приказалъ отпустить подпруги и рѣшилъ отдохнуть съ полчаса. Стали въ небольшой рощицѣ на берегу журчащаго по камнямъ ручья. Вода холодная и прозрачная; мы съ жадностью на нее набросились. Земля уже усѣяна желтыми листьями. Въ солнечномъ блескѣ сверкаютъ осеннія паутины. Напоивъ лошадей, двигаемся на Гроссъ Вонсдорфъ. Печально выглядитъ въ тишинѣ и безлюдіи громадное имѣніе, полное слѣдовъ кавалерійскаго бивака. Иду вслѣдъ за полкомъ по дорогѣ на Алленбургъ.

Не доходя до него двухъ километровъ, нагоняю Штабъ дивизіи и нашъ Лейбъ эскадронъ. Ѣду съ докладомъ къ генералу Казнакову; слышу отъ него много лестныхъ словъ о моей работѣ и № 2 эскадрона.

По линіи рѣки Алле и впадающей въ нее рѣки Ометъ сооружены окопы, занимаемые нашей пѣхотой. Въ первый разъ на войнѣ я встрѣчаю крупныя полевыя фортификаціонныя сооруженія. Здѣсь наша армія должна встрѣтить наступающихъ нѣмцевъ.

Пройдя линію окоповъ, поворачиваемъ налѣво и идемъ по распоряженію Штаба III-го Корпуса, которо-

му мы подчинены, въ деревню Фридерикенру. Проходимъ ближніе тылы 27-й пѣхотной дивизіи. Всѣ деревни и хутора заняты пѣхотными и артиллерійскими частями. Вечеромъ собираются всѣ эскадроны. По словамъ офицеровъ № 3-го, нѣмцы, занявъ Фридландъ, Алленау и Бетчерсдорфъ, дальше не продвигались.

Сидя за ужиномъ и ведя веселую дружескую бесѣду, совершенно забылъ объ Алленау, изъ котораго еле выскочилъ, свистъ пуль, кровь раненыхъ и трупы убитыхъ. Впечатлительность на войнѣ, видимо притупляется.

26 августа.

Весь день стоимъ на бивакѣ въ Фридерикенру. Съ юга доносится сплошной гулъ артиллерійской канонады, создающій впечатлѣніе несмолкаемаго отдаленнаго грома. Впереди насъ и къ сѣверу — полная тишина.

Свѣдѣнія изъ Штаба Корпуса говорятъ о томъ, что противникъ дальше занятой вчера линіи не продвигается; замѣтно накапливаніе его частей у Фридланда и южнѣе. Многочисленныя партіи самокатчиковъ сильно затрудняютъ нашу развѣдку.

Мы раздумываемъ надъ тѣмъ, откуда берется у нѣмцевъ ихъ такое множество и рѣшаемъ, что при обиліи прекрасныхъ дорогъ, громадномъ количествѣ велосипедовъ и умѣніи каждаго солдата на нихъ ѣздить — вѣроятны случаи, что на велосипеды, въ случаѣ надобности, сажаютъ обыкновенныя строевыя части.

27 августа.

Разбуженная на разсвѣтѣ бригада собирается въ походъ. Восходъ солнца застаетъ насъ готовыми къ выступленію, строящимися въ резервный порядокъ на лугу, подлѣ самой деревни.

Утро ясное, безвѣтренное, но холодное. Проходитъ около двухъ часовъ. Солнце, къ нашему удовольствію, начинаетъ понемногу припекать.

Приходитъ приказаніе отъ Штаба III Корпуса перейти къ сѣверу, за линію 25-й пѣхотной дивизіи, въ деревню Гроссъ Эшенбрухъ. Нашъ начальникъ дивизіи, по собственному почину, рѣшаетъ послать одинъ эскадронъ въ городъ Велау, на крайній правый флангъ III-го Корпуса, съ задачей развѣдать полосу между р. Прегель и болотистымъ лѣсомъ Фришингъ. Очередь идти нашему эскадрону. Генералъ Казнаковъ приказываетъ намъ немедленно выступать и добавляетъ, что завтра утромъ вѣроятно самъ подойдетъ съ бригадой на мѣста нашей развѣдки.

Выходимъ на большую дорогу и сначала рощей, а затѣмъ открытыми мѣстами вдоль желѣзнодорожнаго полотна, двигаемся на Велау. Не доходя километровъ четырехъ до города, идемъ вдоль линіи окоповъ, занятыхъ частями 25-й дивизіи. Сзади со стороны Алленбурга доносятся перекаты орудійнаго огня.

Входимъ въ живописно расположенный небольшой городокъ. Не доходя до моста черезъ рѣку Алле, Соколовъ останавливаетъ эскадронъ и заводитъ его въ большой дворъ съ садомъ. Затѣмъ вызываетъ офицеровъ и даетъ задачи. Марковъ, я и вахмистръ Маляръ назначены въ развѣдку; полоса раздѣлена на три участка — мой отъ рѣки Прегель до дороги на Тапіау, Маркову далѣе къ югу до опушки лѣса и Маляру развѣдать опушку и попытаться проникнуть во внутрь пущи.

Сажаемъ разъѣзды и выступаемъ по направленію къ мосту. Изъ за Прегеля вступаютъ въ городъ какія то пѣхотныя колонны съ артиллеріей; оказываются онѣ послѣдними частями XX-го Корпуса, смѣненнаго на позиціяхъ второочередными дивизіями и перебрасываемаго теперь въ новый раіонъ. Окраина города сильно укрѣплена, причемъ утилизированы каменныя постройки и ограды; повалены въ видѣ засѣкъ, цѣлые ряды де-

ревьевъ, обмотанные проволокой. Марковъ и Малярь уходятъ въ данныхъ имъ направленіяхъ.

Я продвигаюсь прямо по большой дорогѣ. При выходѣ изъ города въ отдѣльномъ хуторѣ расположена главная застава пѣхотнаго сторожевого участка. Командиръ роты сообщаетъ мнѣ, что подошедшіе съ утра нѣмцы заняли опушки обоихъ лѣсовъ, находящихся передъ его линіей охраненія, а также дефиле между ними, по которому проходитъ дорога на Тапіау. Линія сторожевыхъ заставъ идетъ вдоль проселка, что лежитъ въ одномъ километрѣ передъ нами.

Для большей скрытности я увожу разъѣздъ съ дороги, ближе къ берегу Прегеля, и иду вдоль насыпи желѣзнодорожнаго полотна. Впереди частый ружейный огонь, то стихающій, то вспыхивающій вновь. Приближаемся къ усадьбѣ, расположенной между дорогой и желѣзнодорожной насыпью. Останавливаемся, замѣтивъ въ ней какое то движеніе.

Изъ воротъ выѣхалъ всадникъ и затрусилъ въ нашемъ направленіи. Пожилой уже, бородатый донецъ, поравнявшись съ нами, разсказалъ, — что въ усадьбѣ засѣлъ разъѣздъ ихъ сотни, что опушка впереди лежащаго лѣса, начиная отъ самой рѣки, занята нѣмцами, что у желѣзнодорожнаго пути и у большой дороги пруссаки окопались и что выйти изъ усадьбы невозможно, такъ какъ шибко стрѣляютъ и только что убили выѣхавшаго было впередъ его станичника.

Подходимъ къ строеніямъ. Я останавливаю разъѣздъ за большимъ сараемъ, у стѣны котораго среди мусора и кучи битой глиняной посуды разросся цѣлый лѣсъ лопуховъ и крапивы. Я слѣзаю и, взявъ съ собой Дугинца, вхожу черезъ калитку въ небольшой садъ.

У крыльца аккуратнаго каменнаго дома стоятъ кругомъ пять казаковъ и печально разсматриваютъ что то внизу на дорожкѣ. Разметавъ руки, лежитъ большой бородатый казакъ. Високъ, густой чубъ и ухо покрыты запекшейся кровью; выдѣляется лишь и серебрится

на солнцѣ серьга — крестъ надъ полумѣсяцемъ. Съ крыльца спускается урядникъ и приказываетъ одному изъ казаковъ привязать тѣло къ лошади убитаго и отвезти къ сотнѣ. «Только доложи командиру, насчетъ погребенія, что онъ старой вѣры. Безпремѣнно доложи».

Мы съ урядникомъ и Дугинцомъ подымаемся на чердакъ. Казакъ объясняетъ мнѣ про обнаруженное имъ расположеніе противника. Въ бинокль прекрасно видны нѣмцы, роющіе окопы. Я занесъ ихъ линію прямо на карту. Написалъ донесеніе, приложилъ чертежъ и въ концѣ добавилъ, что остаюсь на мѣстѣ, такъ какъ лучшаго наблюдательнаго пункта не найти. На чердакѣ съ моимъ биноклемъ, оставилъ Дугинца; вернувшись къ разъѣзду приказалъ назначить ему подчаска.

Часа черезъ полтора пріѣхалъ посланный съ донесеніемъ и привезъ приказаніе возвращаться съ разъѣздомъ къ эскадрону. Попрощавшись съ казаками, съ которыми провелъ цѣлый часъ въ бесѣдѣ, узнавъ много интереснаго объ ихъ бытѣ и жизни на Дону, повелъ разъѣздъ назадъ въ Велау. Командиръ эскадрона, получивъ донесенія отъ Маркова и отъ меня, рѣшилъ, что задача разъѣздами выполнена, — непріятель обнаруженъ и больше узнать что либо изъ за его сплошныхъ завѣсы и окоповъ невозможно. На такомъ короткомъ разстояніи между расположеніемъ нашей пѣхоты и непріятеля — кавалеріи дѣлать нечего. Поэтому Соколовъ и отозвалъ разъѣзды. Кромѣ того, онъ предложилъ мнѣ немедленно поѣхать къ Начальнику дивизіи и доложить о результатахъ развѣдки.

Между двумя стѣнами угрюмыхъ, одѣтыхъ уже въ желтые и багряные цвѣта, лѣсовъ, то приближающихся, то уходящихъ отъ моей дороги, ѣду съ вѣстовымъ въ Гроссъ Эшенбрухъ. Съ востока медленно надвигаются тучи, сливаясь съ темнотой лѣса.

Пройдя нѣсколько километровъ, услышали то и дѣло раздававшіеся съ разныхъ сторонъ ружейные выстрѣлы, повторяемые много разъ перекатами звонкаго

лѣсного эха. Я долго не могъ сообразить причины стрѣльбы. Видъ проходившаго вдоль дороги обознаго съ винтовкой и съ перекинутой черезъ плечо убитой дикой козой, сразу разъяснилъ мнѣ въ чемъ дѣло.

Пройдя всего семнадцать километровъ отъ Велау, въѣзжаю въ дер. Эшенбрухъ, гдѣ расположилась наша бригада. Въ чистенькомъ домѣ съ низкими потолками, обставленномъ мягкою мебелью, сталъ Штабъ дивизіи.

Генералъ Казнаковъ позвалъ меня къ себѣ въ комнату и, при уютномъ свѣтѣ керосиновой лампы подъ зеленымъ абажуромъ, разложивъ карты, приказалъ мнѣ начинать докладъ. Привезенныя мною свѣдѣнія видимо очень его огорчили. Безъ меня, только что былъ разработанъ планъ рейда бригады на завтрашнее утро черезъ Велау на западъ.

Начальникъ дивизіи долго думалъ надъ картой и пришелъ къ выводу, что противъ Велау стоятъ лишь мелкія, нѣмецкія части, которыя легко сбить при помощи пѣхоты. Рѣшеніе идти въ рейдъ остается въ силѣ; мнѣ же приказано оставаться при Штабѣ на сегодняшній вечеръ и на завтра.

«А теперь идемъ ужинать», пригласилъ меня Казнаковъ.

Послѣ ужина пришла диспозиція изъ Штаба III-го Корпуса, разрушившая всѣ наши предположенія.—Противникъ превосходными силами тѣснитъ лѣвый флангъ арміи, — II-й армейскій Корпусъ и подходящія части XX-го, — сильно подъ его напоромъ подавшійся назадъ. Съ утра началось наступленіе противъ IV и части III Корпусовъ.

Сегодня ночью арміи приказано отступать; арьергардамъ и кавалеріи III Корпуса выступить завтра рано утромъ. Нашей бригадѣ приказано перейти въ деревню Ушбалленъ.

Меня на ночь пріютили конно-саперы. Подавленные печальными новостями, въ тяжеломъ настроеніи, закончили мы сегодняшній день.

28 августа.

Всю ночь дулъ сѣверный порывистый вѣтеръ, хлопая ставнями и завывая въ печныхъ трубахъ; на утро нагналъ столько холода, что несмотря на одѣтыя шинели, мы всѣ зябли до мелкой дрожи.

Къ утру получили приказаніе сообразовывать наше движеніе съ пѣхотными дивизіями. Генералъ Казнаковъ выслалъ два разъѣзда отъ кирасиръ Его Величества къ арьергардамъ, къ сѣверу 25-й дивизіи и къ югу 27-й, съ задачей посылать донесенія при прохожденіи ими нѣкоторыхъ данныхъ рубежей.

Пройдя восемь километровъ, бригада остановилась въ деревнѣ Ушбунценъ и простояла около двухъ часовъ, поджидая первыя донесенія. Здѣсь присоединился къ полку нашъ 4-й эскадронъ, пришедшій изъ Велау. Утромъ, послѣ того, что прослѣдовали всѣ части 25-й дивизіи, эскадронъ прикрывалъ саперъ, уничтожавшихъ мосты и затѣмъ пришелъ по дорогѣ вслѣдъ за пѣхотнымъ арьергардомъ. Непріятель не преслѣдовалъ.

Еще черезъ четыре километра, въ деревнѣ Акменишкенъ, насъ снова надолго остановили. Выславъ дозоры въ сторону противника, мы должны были ждать, пока 25-я дивизія выставитъ сторожевое охраненіе.

Пришло приказаніе назначить квартирьеровъ, а отъ нашего эскадрона, кромѣ того офицера. Назначаюсь я. Ѣдемъ съ капитаномъ Генеральнаго Штаба Самсономъ въ Ушбаленъ. Давъ раіоны биваковъ полкамъ, онъ уѣхалъ дальше въ Штабъ III-го Корпуса. Я разбилъ данный мнѣ раіонъ на части — для эскадроновъ и для Штаба Полка.

Ждать пришлось очень долго. Хозяйка дома, около котораго я стоялъ, предложила кофе съ буттербродами. Я съ охотой согласился. Меня посадили за столъ, накрытый чистой скатертью и угостили кофе съ молодомъ и буттербродами съ сыромъ. Семья, сначала было дичившаяся, потомъ разсѣлась вокругъ и вступила со мной въ оживленную бесѣду. Главной темой служилъ

вопросъ — скоро ли кончится война; у старушки ушли воевать два сына и зять; вспомнивъ о нихъ, она горько всплакнула. Вся семья выражала большую радость по поводу того, что осталась дома и благодаря этому смогла сберечь въ цѣлости свое хозяйство.

При подходѣ полка я подошелъ къ командиру съ обычнымъ докладомъ объ отведенномъ раіонѣ и лично проводилъ его въ квартиру Штаба.

Затѣмъ вернулся въ эскадронъ. Мы стоимъ рядомъ съ двумя дворами, въ которыхъ расположился Штабъ дивизіи. Вечеромъ я пошелъ къ Балицкому узнать о новостяхъ. Встрѣтилъ Самсона, только что пріѣхавшаго изъ Штаба Корпуса. Онъ разсказалъ мнѣ объ обстановкѣ на фронтѣ нашей Арміи. — Сѣвернѣе рѣки Прегель отошелъ безъ соприкосновенія съ противникомъ, только что сформированный изъ второочередныхъ дивизій, XXVI-й Корпусъ. На одной высотѣ съ нимъ стоятъ отошедшія: 25-я дивизія, расположившаяся въ трехъ-четырехъ километрахъ впереди насъ; 27-я у Іодлаукена, находящаяся съ вечера въ соприкосновеніи съ настигшимъ ее непріятелемъ и лѣвѣе — 40-я, фронтъ расположенія которой загибается уже на юго-востокъ. Далѣе фронтомъ на югъ, по линіи до города Гольдапа, IV-й, II й и XX-й Корпуса. Непріятель потѣснившій такъ сильно нашъ лѣвый флангъ, не перестаетъ вести яростныхъ атакъ въ его направленіи, создавая угрозу обхвата и выхода въ тылъ арміи. Къ нашему лѣвому флангу подвозятся подкрѣпленія; кромѣ того подходятъ свѣжіе корпуса со стороны Граева и Ломжи. По этому случаю есть увѣренность, что II-му и XX-му Корпусамъ удастся закрѣпиться на занятыхъ сегодня рубежахъ. Остальнымъ же корпусамъ приказано отойти для выпрямленія фронта на линію рѣки Ангераппъ. Нашей бригадѣ на завтрашній день дается та же задача, что мы выполняли сегодня.

Возвратившись въ эскадронъ, разсказалъ принесенныя новости нашимъ господамъ, съ интересомъ окру-

жившимъ карту и выискивавшимъ на ней записанные мною города и деревни.

Вѣстовые затопили печь, нанесли свѣжаго сѣна и положили на него шинели и надувныя подушки. Тепло и уютно...

29 августа.

При свѣтѣ восходящаго солнца, обѣщающаго ясный погожій день, бригада сѣдлаетъ. Командиръ полка съ адъютантомъ проходятъ по покрытой еще ночной сыростью деревенской улицѣ мимо нашего дома въ Штабъ дивизіи.

Вскорѣ возвращаются, заходятъ къ намъ и вызываютъ командира № 3 эскадрона. Ему дается приказаніе немедленно выступать въ развѣдку полосы Норкиттенъ - Кранибрухскій лѣсъ. Отъ нашего эскадрона приказано выслать три разъѣзда для связи съ арьергардами 25, 27 и 40 дивизій, съ задачей точно указывать время выхода ихъ на двѣ данныя линіи деревень, а также рѣки Ангераппа, послѣ перехода которой присоединиться къ полку. Идутъ Марковъ, Третьяковъ и Чебышовъ. Отъ насъ же идетъ и головная застава колонны нашей бригады съ маршрутомъ Дидлакенъ-Круссинъ-Клейнъ Гаудишкеменъ. Иду я, съ 4-мъ взводомъ.

Переходъ въ восемнадцать километровъ совершаемъ спокойно; изрѣдка доносится до насъ съ юга гулъ артиллерійскаго огня. По приходѣ на конечный пунктъ маршрута, получаю дополнительное приказаніе — продвинуться до шоссе.

Вся шоссейная дорога, насколько хватаетъ глазъ, покрыта отступающими частями пѣхоты и артиллеріи; въ движеніи замѣтенъ полный порядокъ. Правѣе, на перекресткѣ стоитъ какая то группа, проходя которую, части старательно отбиваютъ ногу и дружно отвѣчаютъ на привѣтствіе. Отъ этой группы отдѣляется казакъ и, подъѣхавъ, докладываетъ, что меня вызываетъ коман-

диръ Корпуса. Генералъ Епанчинъ спрашиваетъ о причинѣ моего здѣсь нахожденія со взводомъ. Я подробно докладываю о выполняемой задачѣ.

Епанчинъ, узнавъ, что вся бригада стоитъ въ рядомъ находящейся деревнѣ, сильно извелся. Оказывается утромъ было дано дополнительное приказаніе — прикрывать отходъ пѣхоты, двигаясь по шоссе на Гумбиненъ, но повидимому оно не дошло до Штаба нашей дивизіи. Для провѣрки былъ посланъ казакъ въ арьергардъ узнать идутъ ли сзади кирасиры; о количествѣ спрошено не было; зная же, что вслѣдъ за арьергардомъ идетъ взводъ Маркова, оттуда отвѣтили, что да,—кирасиры сзади идутъ. При моей помощи недоразумѣніе было выяснено.

Мнѣ поручено передать распоряженіе генералу Казнакову — пропустивъ всѣ части пѣхоты, двигаться вслѣдъ за ними до рѣки Ангераппъ. Здѣсь остановиться и, удостовѣрившись, что всѣ рѣшительно прошли, взорвать мостъ и ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Начальникъ Штаба Корпуса генералъ Чагинъ записалъ приказаніе на бумажку, послѣ чего я поѣхалъ къ генералу Казнакову и передалъ ему пакетъ и все слышанное отъ Командира III-го Корпуса.

Проходитъ часа четыре, пока рота за ротой, баталіонъ за баталіономъ, въ пыли, держа винтовки «на ремень», рѣзко отдѣляемыя своими командирами, плетущимися верхами на небольшихъ лошадяхъ, прошли мимо насъ, части 25-й дивизіи. Пѣхоту изрѣдка прерывали звонко тарахтящія артиллерійскія батареи. Вкраплена также была въ колонну дивизіи рѣзко выдѣлявшаяся по формѣ и оружію, дружина ополченцевъ, въ черныхъ мундирахъ мирнаго времени и съ длинными берданками. Наконецъ прошелъ и арьергардъ.

Наша бригада вытягивается вслѣдъ за нимъ по шоссе. Черезъ четыре километра проходимъ мостъ. Спѣшившись за холмомъ, эскадроны цѣпями занимаютъ берегъ рѣки; батарея становится сзади на позицію. Впе-

редъ выслано наблюденіе отъ Кирасиръ Его Величества. Простояли мы такимъ образомъ до наступленія темноты. За это время черезъ мостъ прошли отставшіе ополченцы, охранявшіе желѣзную дорогу, казаки возвращавшіеся съ развѣдки и нѣсколько чинившихся по дорогѣ двуколокъ. Сумерки сгущаются и отъ этого все ярче вырисовываются зловѣщія зарева пожаровъ, охватившихъ весь горизонтъ къ югу и юго-востоку. Гулъ артиллерійской стрѣльбы слышится далеко сзади, — ясно, что нѣмцы сумѣли глубоко обойти нашъ лѣвый флангъ. Отъ Штаба Корпуса получено приказаніе — продолжать прикрывать отходъ пѣхоты, отступающей дальше, не задерживаясь на рѣкѣ Ангераппъ.

Привезшій его офицеръ сообщаетъ, что наши предположенія вѣрны — лѣвый флангъ арміи обойденъ. Обозы и нѣкоторыя части сосѣднихъ корпусовъ свернули отъ этого къ сѣверу и непрестанно выходятъ на путь нашего отступленія. Части XX Корпуса движутся въ свой раіонъ сосредоточенія, по тыламъ въ направленіи на юго-востокъ. Отъ всего этого начиная отъ Гумбинена, безпорядокъ по дорогамъ полный; на шоссе же сплошная пробка изъ артиллеріи и обозовъ. Новости не изъ веселыхъ.

Кирасиры Его Величества, бывшіе въ наблюденіи доносятъ, что подходитъ непріятельская конница. Вскорѣ цѣпь нашего Лейбъ - эскадрона, открываетъ частый огонь. Нѣмцы осаживаютъ. Съ ихъ стороны слышны два орудійныхъ выстрѣла, затѣмъ все наростающее шипѣніе летящихъ снарядовъ, — высоко слѣва разрываются шрапнели. Наша батарея отвѣчаетъ. Начальникъ дивизіи приказываетъ отходить и взорвать мостъ. Эскадроны садятся и уходятъ по шоссе. Раздается раскатистый грохотъ взрыва. Лошади вздрагиваютъ и прядутъ ушами. Нѣмцы въ отместку снова подымаютъ артиллерійскій огонь по берегу рѣки, но напрасно, — онъ уже пустъ.

Въ наступившей полной темнотѣ, нѣсколько разъ останавливаясь по дорогѣ, бригада проходитъ утоми-

тельнымъ шагомъ одиннадцать километровъ до Гумбинена. За это время къ полку присоединились полтора взвода № 3 эскадрона, приведенные Баторскимъ и соединившіеся разъѣзды Чебышова и Третьякова.

Высланный по утру развѣдывательнымъ № 3 эскадронъ быстро прошелъ данную ему полосу, встрѣчая лишь рѣдкіе, мелкіе разъѣзды противника. Линдгренъ остался со взводомъ въ деревнѣ Обелишкенъ, приказавъ четыремъ высланнымъ впередъ офицерскимъ разъѣздамъ работать до 5 часовъ дня, послѣ чего возвращаться къ ядру эскадрона. Промежуточную базу для нихъ составлялъ Баторскій со взводомъ, въ дер. Акменишкенъ; при немъ же находился и Гончаренко. Въ назначенный срокъ прошелъ съ разъѣздомъ Розенбергъ и присоединился къ Линдгрену. Баумгартенъ, шедшій вслѣдъ за нимъ, былъ лишь свидѣтелемъ того, какъ сбивъ Линдгрена съ ядромъ эскадрона, пришедшія по дорогѣ съ юга, крупныя части нѣмцевъ, заняли Обелишкенъ и стали распространяться къ Инстербургу. Баторскій, быстро оріентировавшись въ обстановкѣ, понялъ, что единственный выходъ — уходить на сѣверъ. Два оставшіеся разъѣзда Колокольцова и Палена должны были идти дорогой южнѣе, такъ что ждать ихъ не имѣло никакого смысла. Взявъ круто на сѣверъ, Баторскій переправился черезъ Прегель, обошелъ Инстербургъ и кружнымъ путемъ присоединился къ полку*).

---

*) Какъ выяснилось впослѣдствіи — сбитые нѣмцами Линдгренъ и Розенбергъ стали отходить на Инстербургъ и подошли къ нему въ тотъ моментъ, когда съ юга и юго-запада вступали въ городъ германскія войска. Сумѣвъ проскочить и вбродъ переправиться черезъ Инстеръ, Линдгренъ рѣшилъ остановиться на его сѣверномъ берегу и продолжать развѣдку.

Во время водопоя, нѣмцами открытъ былъ орудійный и ружейный огонь. Линдгренъ упалъ съ перебитыми ногами. У Розенберга убили лошадь и онъ контуженный разорвавшимся снарядомъ впалъ въ безпамятство. Вѣстовой и трубачъ нашли его лежащимъ

НѢМАНЪ

ШЕШУПА

ЯКШТЕЙНЪ

ЛАСДЕНЕНЪ

ИНСТЕРЪ

ШИЛЛЕНЕНЪ

ЛИНДЕНТАЛЬ

ГРУМБКОВКЕЙТЕНЪ

СПУЛЛЕНЪ

ШИРВИНДТЪ

ПИЛЬКАЛЛЕНЪ

КАУШЕНЪ

КУССЕНЪ

МАЛЬВИШКЕНЪ

КАТТЕНАУ

ЭЙДКУНЕНЪ

СТАЛЛУПЁНЕНЪ

РИББЕНЪ

ГУМБИНЕНЪ

ТРАКЕНЕНЪ

ЭНЦУНЕНЪ

АНГЕРАПЪ

ДАРКЕМЕНЪ

ГОЛЬДАПЪ

10 5 0

ОШАКИ
ЛУКШЕ
КОВНО
ПУЩА.
ЕНЪ
ПОТОМАШУПЕ
ВЫСОКА РУДА
МАВРУЦЕ
КОЗЛОВА РУДА
СТ. КОЗЛОВА РУДА
ЕШУПА.
СЛАВОВЪ
ПИЛЬВИШКИ
ХЛЪВИШКИ
РИМАЙКЕ
ГЕВАЛТОВО.
ВИЛЬКОВИШКИ.
ОВО
НЕЦЪ

ТАБЪ:
0.000.
20 30 40 КИЛ.

Чебышовъ и Третьяковъ, съ утра шли за арьергардами, слѣдовавшихъ рядомъ 27-й и 40-й пѣхотныхъ дивизій. Нѣмецкія колонны, съ конницей впереди, шли за ними слѣдомъ. Чтобы помочь пѣхотѣ, наши разъѣзды нѣсколько разъ спѣшивались и открывали частый огонь по преслѣдующему противнику. Нѣмцы каждый разъ разворачивали боевые порядки и тѣмъ самымъ задерживали свое движеніе. Пройдя рѣку Ангераппъ, Чебышовъ и Третьяковъ ушли въ Гумбиненъ, пообѣдали сами, накормили людей и рѣшили заночевать въ какомъ нибудь спокойномъ, расположенномъ подальше отъ большихъ дорогъ, хуторѣ къ западу отъ Гумбинена. Всѣ свои предположенія они строили на томъ, что армія должна занять линію рѣки Ангераппъ.

Большой вмѣстительный хуторъ, вдалекѣ отъ дорогъ, былъ найденъ. Лошадей рѣшено было поставить въ огромномъ сараѣ, стоявшемъ нѣсколько поодаль. Въ наступившей темнотѣ Чебышовъ и Третьяковъ подошли къ нему, раскрыли ворота и хотѣли было войти, какъ

подъ кустомъ, просидѣли съ нимъ до темноты, вслушиваясь въ колокольный звонъ и ликованія Инстербургскихъ жителей, и ночью доставили до отступавшихъ частей 53-й дивизіи. Линдгренъ былъ перевязанъ и привезенъ на ручной телѣжкѣ, на слѣдующій день, бывшими съ нимъ кирасирами. Долго промучавшись онъ, эвакуированный въ тылъ, скончался отъ ранъ.

Колокольцовъ и Паленъ, вмѣсто Линдгрена съ эскадрономъ, встрѣтили въ Обелишкенъ нѣмецкія части. Они ушли отъ нихъ въ Кранибрухскій лѣсъ. Ночью пройти имъ не удалось изъ за того, что всѣ дороги были полны нѣмцами. На слѣдующій день они двинулись, держа направленіе прямо на востокъ, избѣгая большихъ дорогъ, жителей и открытыхъ мѣстъ. Прошло такъ нѣсколько дней. И люди и лошади изголодались и измучились отъ усталости. Вскорѣ кони стали помѣхой и въ одномъ изъ встрѣчныхъ лѣсовъ ихъ всѣхъ перебили. Невдалекѣ отъ Гумбинена, валясь съ ногъ отъ голода и усталости, послѣ ночного перехода, они пришли къ одиноко стоящему сараю съ сѣномъ и рѣшили въ немъ отдохнуть. Посланные въ сосѣдній хуторъ сообщили, что его хозяйка обѣ-

раздался необычайный длительный грохотъ; впечатлѣніе было таково, что по меньшей мѣрѣ валится крыша. Когда освѣтили внутренность сарая, все оказалось въ немъ на мѣстѣ. Причины грохота остались необъяснимыми. Суевѣрный Чебышовъ распорядился поскорѣй уйти «изъ этого проклятаго мѣста». Свернули снова на шоссейную дорогу и встрѣтили отступавшую по ней пѣхоту и нашъ полкъ. Ночлегъ въ хуторѣ грозилъ перспективой спящими перейти прямо въ руки непріятеля.

И улицы и окна домовъ въ Гумбиненѣ, большомъ городѣ съ многоэтажными каменными зданіями, ярко освѣщены электрическимъ свѣтомъ. Батареи, парки, обозныя колонны, плотной массой текутъ по улицѣ между двумя рядами деревьевъ, пожелтѣвшая листва которыхъ освѣщается шипящими круглыми фонарями. Словно ручьи втекаютъ съ боковыхъ улицъ справа новые обозы и растворяются въ общей массѣ. Широкіе троттуары заняты отдыхающей пѣхотой. Усталые люди лежатъ или сидятъ на каменныхъ плитахъ, большей

щала принести поѣсть. Дѣйствительно вскорѣ пришла нѣмка и поставила передъ ними большую миску похлебки, картофель и хлѣбъ.

Днемъ, въ то время, когда всѣ — подрѣпившись давно не виданнымъ горячимъ обѣдомъ, спали, какъ убитые — сарай былъ окруженъ пришедшей изъ Гумбинена ротой пруссаковъ. На предложеніе сдаться наши кирасиры отвѣтили выстрѣлами. Завязался неравный бой, во время котораго нѣмцы нѣсколько разъ уговаривали сдать оружіе и бросить безполезную борьбу. Колокольцовъ, Паленъ и восемнадцать кирасиръ пали смертью храбрыхъ. Нѣмцы, отдавая должное величію подвига, похоронили ихъ съ почестями и по сію пору поддерживаютъ въ большомъ порядкѣ могилу, у дер. Друтишкенъ.

Унтеръ-офицеръ Поляковъ и кирасиръ Придатько, чудомъ вышедшіе цѣлыми и разстрѣлявъ всѣ патроны, забились глубоко въ сѣно, ночью выломали доску и убѣжали. Проскитавшись двѣ недѣли по Пруссіи, они перешли границу и были спрятаны литовцами-крестьянами. Наше второе наступленіе и отходъ нѣмцевъ дали имъ возможность присоединиться къ родному полку.

частью снявъ сапоги съ ногъ, натертыхъ длиннымъ переходомъ. Сплошной гулкій грохотъ двигающихся орудій и повозокъ, крики, брань наполняютъ городъ непрерывнымъ шумомъ.

Наша бригада, оставивъ не доходя города, наблюденіе, пытается навести порядокъ. Нѣмцы не преслѣдуютъ. У восточнаго выхода изъ Гумбинена развѣтвляются двѣ дороги; по нимъ разбиваемъ и направляемъ теченіе обозовъ.

Максимовичъ приготовилъ ужинъ офицерамъ и кирасирамъ и ждетъ насъ у окраины Гумбинена. Пока мы ужинали, прошли всѣ обозы и стала проходить пѣхота. Приказаніе изъ Штаба Корпуса предписываетъ намъ — проселочными дорогами сѣвернѣе шоссе — идти на ночлегъ въ деревни Патильшенъ-Риббенъ, что западнѣе Сталупенена.

Темной осенней ночью, крутясь по проселкамъ, на усталыхъ коняхъ, дѣлаемъ около тридцати километровъ. Подъ конецъ я часто впадаю въ дрему, иногда вижу обрывки сновъ. Проходятъ мимо, скорѣе угадываются въ кромѣшной тьмѣ, силуэты домовъ, деревьевъ, кустовъ... И все это такъ не похоже на явь. На бивакъ приходимъ къ тремъ часамъ ночи. Нашъ полкъ занялъ дер. Риббенъ.

30 августа.

Нашъ ночной отдыхъ длился немного болѣе часа. Къ пяти утра бригада снова построена. Нашъ эскадронъ высланъ въ авангардъ; при насъ находится капитанъ Генеральнаго Штаба Самсонъ. Утро холодное, мглистое. Идемъ дорогой прямо на югъ. Пересѣкая шоссе, снова видимъ двигающіеся по немъ обозы.

Я прошу Самсона разсказать объ обстановкѣ и полученной нами задачѣ. — Нѣмцы, непрестанно нажимая на лѣвый флангъ арміи, отодвинули его къ государственной границѣ. Въ III Корпусѣ, непрерывно, въ теченіи сутокъ отступающемъ для предотвращенія обхвата,

много отсталыхъ; части его собираются на линіи торфяное болото Пакледимъ-Тракененъ. Правѣе отходитъ къ Каттенау XXVI-й, а лѣвѣе въ раіонѣ Энцуненъ собирается IV-й Корпусъ. Связи съ отошедшимъ много глубже II-мъ Корпусомъ нѣтъ. Въ виду этого наша бригада спѣшно вызвана для обезпеченія лѣваго фланга группы корпусовъ. Пройдя десять километровъ, у Милюнена останавливаемся.

Встрѣчаемъ здѣсь 2-ю гвардейскую Кавалерійскую дивизію. По нашемъ приходѣ дивизія уходитъ въ юго-восточномъ направленіи, гдѣ по слухамъ прорвалась германская конница.

Продвигаемся еще впередъ. № 2-й и нашъ эскадроны цѣпями занимаютъ линію ручья къ юго-востоку отъ Энтцунена. Мимо насъ проходятъ партіи и одиночные люди частей IV-го корпуса и 29-й дивизіи. Съ юго-востока непрерывно доносятся звуки боя. Слѣва прошелъ Павлоградскій гусарскій полкъ.

Около часу дня пѣхота снова начала отходить. Черезъ часъ насъ подняли и отвели къ Милюнену. Здѣсь мы едва не были обстрѣляны пѣхотой, принявшей насъ за германскую кавалерію; пулеметы уже были наведены прямо на насъ.

Все приближающаяся стрѣльба съ востока создаетъ тревожное настроеніе. Мы занимаемъ линію Милюненъ-Гавененъ и стоимъ на ней до наступленія темноты. Все время тянутся мимо насъ отставшіе, хромающіе пѣхотинцы.

Развѣдка отъ Кирасиръ Его Величества доноситъ, что Энцуненъ занятъ подошедшими нѣмцами; съ сѣвера, со стороны Сталупенена, начинается артиллерійская стрѣльба. Бригада получаетъ приказаніе уходить къ Эйдкунену, прикрывая отходъ пѣхоты. Все кругомъ, насколько хватаетъ глазъ, — освѣщено сплошными пожарами; покрытое тучами небо красно отъ ихъ отраженія.

Дороги ведущія на сѣверо-востокъ усѣяны отступающими въ перемѣжку частями и обозами. Усталыя

артиллерійскія лошади еле тянутъ орудія и зарядные ящики. III, IV Корпуса и часть XX-го, а также ополченцы и разныя тыловыя команды — сегодня всѣ перемѣшались. Ясно, что управленіе войсками вышло изъ рукъ начальниковъ. Къ тому же со стороны Сталупенена, гдѣ раньше не было нажима, обозначилось настойчивое наступленіе противника.

Проходя улицей деревни, которая сплошь пылала, мы были принуждены остановиться изъ за закупорки движенія гдѣ то впереди. Пожаръ тѣмъ временемъ разгорался. Металлическія стѣнки зарядныхъ ящиковъ 1-й батареи стали накаливаться, что угрожало взрывомъ снарядовъ. Наши кирасиры, безцеремонно растолкавъ все что было на улицѣ, расчистили путь и батарея галопомъ вынеслась въ поле.

Разстояніе — пятнадцать километровъ мы прошли въ цѣлыхъ четыре часа съ утомительными остановками, среди треска и пламени пожаровъ, при сплошномъ гулѣ артиллерійской стрѣльбы.

Придя въ Эйдкуненъ уже ночью, спѣшились и стали у западнаго выхода изъ города. Дремлютъ люди, дремлютъ лошади. Мы помѣстились на крыльцѣ большого, съ зіяющими черными дырами вмѣсто оконъ, каменнаго дома. Стрѣльба стихла.

Впереди замѣтно какое то движеніе. Раздаются знакомыя команды «къ конямъ» и«садись». Продвигаемся съ трудомъ впередъ. Какія то громоздкія фуры загородили дорогу. Къ командиру нашего полка подъѣзжаетъ полковникъ и хриплымъ стонущимъ голосомъ проситъ помочь прочистить ему дорогу къ переправѣ, гдѣ необходимо немедленно навести понтонный мостъ. Просимая помощь дается. Полковникъ пройдя пограничный ручей, въ три шага ширины, благодаритъ и слѣдуетъ дальше.

На перекресткахъ улицъ стоятъ конные казаки и распредѣляютъ отходящихъ людей: принадлежащихъ къ 25-й дивизіи отправляютъ по улицѣ налѣво, 27-й прямо и 40-й направо.

Пройдя пограничный ручей, сворачиваемъ налѣво и спѣшиваемся на большомъ пустырѣ. Рядомъ съ нами во всемъ новенькомъ, въ полномъ порядкѣ, стоитъ баталіонъ, слѣдовавшій въ армію на пополненіе. Подъѣхавшій къ нему генералъ объявляетъ баталіонъ вошедшимъ въ составъ 25-й дивизіи и приказываетъ его командиру оставаться на мѣстѣ и ждать распоряженій.

По полю бродятъ люди съ горящими факелами и громко выкрикиваютъ названіе частей. Недалеко отъ насъ чей то теноръ надрывается «Островцы ко мнѣ»; изъ темноты ему вторитъ басъ «Юрьевцы всѣ сюда». Изъ сумрака ночи непрестанно выплываютъ тѣни людей, прислушиваются къ выкрикамъ, идутъ пошатывающейся походкой къ своему полку валятся на землю и замираютъ въ глубокомъ безчувственномъ снѣ. Шутка ли сказать — непрерывно пройти со вчерашняго утра около девяноста километровъ.

Штабъ корпуса даетъ намъ новую задачу — охранять правый флангъ корпуса, для чего перейти въ имѣніе Вилькупе, и съ разсвѣта выслать развѣдку на государственную границу.

Еще восемь километровъ и мы входимъ среди высокихъ раскидистыхъ тополей въ старый знакомый Фольваркъ Вилькупе.

Еле различимая полоска легкаго свѣта на востокѣ расширяется, охватываетъ понемногу все небо; — все яснѣе вырисовываются контуры стараго дома, сараевъ съ крышами, что поросли отъ ветхости мохомъ, и деревьевъ, качающихъ своими верхушками отъ набѣгающаго легкаго вѣтерка.

31 августа.

На сонъ отпущено намъ было меньше двухъ часовъ.

№ 2-й эскадронъ остается на мѣстѣ, — ему дано задачей наблюденіе по линіи государственной грани-

цы. Къ Владиславову и къ Кибартамъ направлены разъѣзды отъ Кирасиръ Его Величества. Бригада переходитъ въ Зеленку, на правый флангъ III-го Корпуса, отходящаго на линію рѣки Шеймены.

Переходимъ по хорошо знакомымъ мѣстамъ — Шукли, Андрикайме, Зеленка, по которымъ бродили мѣсяцъ тому назадъ. Вдоль опушки рощи, у самой Зеленки, бригада спѣшивается.

Офицеры нашего эскадрона и сильно порѣдѣвшаго № 3-го собираются вмѣстѣ и разсаживаются на мостикѣ, перекинутомъ черезъ канаву. Вспоминаемъ съ присоединившимся къ нашей кампаніи, Аршеневскимъ, что на этомъ самомъ мосту, разсѣвшись на столбикахъ, мы бесѣдовали съ Христіани въ первый вечеръ, что проводили въ этихъ мѣстахъ.

День прохладный, сѣрый. Долго стоимъ на мѣстѣ. Кирасиры, свернувшись каждый въ клубокъ отъ сырости и холода, сладко похрапываютъ; усталые кони, вытянувъ шеи и прикрывъ глаза, неподвижно стоятъ на длинномъ отпущенномъ поводу.

Донесенія, пришедшія въ Штабъ дивизіи, говорятъ о томъ, что черезъ Владиславовъ проходятъ части XXVI Корпуса, Кибарты оставлены нашими войсками, отходящими на Волковышки. II-й Корпусъ и части XX-го уходящіе, все еще въ сѣверо-восточномъ направленіи, подходятъ и вливаются въ колонны III-го и IV-го корпусовъ. На всѣхъ перекресткахъ дорогъ расположены казачьи посты, направляющіе части и отдѣльныхъ людей на пути, отведенные корпусамъ: III-го на Пильвишки, IV-го въ раіонъ южнѣе этого мѣстечка, II-го на Шумскъ и XX-го на Маріамполь. Наступательный порывъ нѣмцевъ видимо выдохся, такъ какъ нажимъ съ ихъ стороны сегодня значительно ослабѣлъ. На нашъ 2-й эскадронъ противникъ вышелъ по всей линіи, и у него завязалась ружейная перестрѣлка. Убитъ прекрасный лихой взводный Байчукъ.

Справа въ нашемъ направленіи подошла пѣхотная

колонна — баталіонъ 53-й пѣхотной дивизіи, вмѣстѣ съ нимъ пришелъ усталый изможденный Розенбергъ.

Днемъ тучи разошлись и на холодномъ голубомъ небѣ показалось солнце. Около четырехъ часовъ пришло приказаніе изъ Штаба III-го Корпуса. — Бригадѣ уходить на ночлегъ въ деревни Ольксмяны — Мажуце, за линію пѣхотнаго охраненія. Я назначенъ квартирьеромъ; нашему полку отведена деревня Мажуце.

Двигаюсь въ ея направленіи. Мы вышли въ раіонъ, гдѣ все послѣднее время лили дожди, поэтому на дорогахъ сплошная грязь, канавы полны водой. Долго пришлось провозиться, разбивая широко разбросанную по хуторамъ деревню, на раіоны для эскадроновъ. Для Штаба Полка съ Лейбъ-эскадрономъ я отвелъ большой вмѣстительный дворъ; изба состояла изъ кухни, большой комнаты и двухъ маленькихъ. Хозяевамъ я предложилъ переѣхать всѣмъ на кухню, маленькія комнаты предназначилъ — одну для генераловъ — командировъ полка и бригады, другую для врачей и священника. Въ большой комнатѣ должны были размѣститься офицеры.

Наступилъ холодный, сырой осенній вечеръ. Уже въ полной темнотѣ пришелъ полкъ на мѣсто бивака. Командиръ, выслушавъ мой докладъ, предложилъ оставаться на ночь при Штабѣ полка. Закусивъ въ буквальномъ смыслѣ, чѣмъ Богъ послалъ, мы всѣ стали укладываться при свѣтѣ зажженной керосиновой лампы, на сѣнѣ вдоль стѣнъ комнаты. Усталость и безсонница послѣднихъ дней взяли свое, — потушивъ лампу, всѣ быстро смолкли и уснули.

Проснулся я отъ топота надвигавшагося на меня цѣлаго табуна лошадей. Въ полной темнотѣ, не сообразивъ съ глубокаго сна о дѣйствительности, я уже слышалъ фырканіе лошадей, отбивался, лежа, отъ нихъ ногами. Кругомъ слышался топотъ, шумъ и крики «тпру». Неожиданно все кругомъ освѣтилось слабымъ свѣтомъ. Мнѣ представились — комната, лежащіе вокругъ на сѣнѣ наши господа и Докторъ Пикель, въ дверяхъ, дер-

жащій горящую свѣчу. Мы только что всѣ пережили одно и то же навожденіе, въ однѣхъ и тѣхъ же подробностяхъ. Доктора также проснулись отъ лошадинаго топота. Ветеринарный врачъ забезпокоился не прорвавшаяся ли это нѣмецкая кавалерія; болѣе храбрый, Пиккель отвѣтилъ, что вѣроятно это подходитъ поджидаемый нашъ обозъ. Вслѣдъ за тѣмъ пронесся мимо нихъ какъ будто вихрь. Пиккель зажегъ свѣчу, вбѣжалъ въ наполненную топотомъ и шумомъ нашу комнату и разсѣялъ навожденіе...

Подѣлившись неожиданными сильными впечатлѣніями мы снова уснули и на сей разъ ужъ до утра.

1 сентября.

Долго стоимъ яснымъ прохладнымъ утромъ, вытянувшись по дорогѣ, между Мажуце и Обшрутами.

Осеннее солнце, слабо согрѣвающее, слѣпитъ миріадами своихъ отраженій въ многочисленныхъ лужахъ и придорожныхъ канавахъ.

Ждемъ пока пройдутъ мимо насъ, по большой дорогѣ на Пильвишки, войска III-го Корпуса. На всѣхъ перекресткахъ снова стоятъ посты казаковъ и, вызванныхъ изъ Ковно, кавалергардовъ и конногвардейцевъ. Мѣра эта дала прекрасные результаты, — люди распредѣлились уже по своимъ частямъ.

Выславъ развѣдку на Волковишки, бригада двинулась вслѣдъ за пѣхотой.

На почтительномъ разстояніи за нами слѣдуютъ германскія кавалерійскія развѣдывательныя части.

Передъ Пильвишками уже стало пѣхотное охраненіе. Здѣсь наша бригада получила приказаніе идти на бивакъ въ деревню Гевалтово.

Взводъ казаковъ, присланный для связи еще въ Мюльхаузенѣ, до сихъ поръ состоитъ при Штабѣ нашей дивизіи и составляетъ нѣчто вродѣ конвоя при генералѣ Казнаковѣ.

Расположились мы просторно, — всѣ лошади помѣстились подъ крышами. Офицерамъ 4-го эскадрона отведенъ чистенькій домъ около большой дороги. Сынъ хозяйки — молодой учитель безпокоится о своемъ отъѣздѣ, на случай прихода нѣмцевъ. Большой литовскій патріотъ, онъ, услышавъ мою фамилію, долго съ увлеченіемъ говорилъ объ исторіи Литвы; знанія генеалогіи моего рода, онъ выказалъ несомнѣнно лучшія, чѣмъ я.

Подъ вечеръ заѣхали къ намъ, проѣзжавшіе на автомобилѣ, Иркутскіе гусары Князь Радзивиллъ и, причисленный къ Генеральному Штабу, Прюссингъ. Они сообщили радостныя вѣсти о взятіи Львова, разгромѣ австрійскихъ армій, массѣ трофеевъ и о плѣнныхъ, исчисляемыхъ сотнями тысячъ.

Переписавъ имѣвшіяся у нихъ оффиціальныя сообщенія, мы прочли ихъ по взводамъ. Долго не смолкавшее ура кирасиръ привлекло вниманіе другихъ эскадроновъ. Оттуда прислали спросить въ чемъ дѣло. Мы послали копіи сообщеній, отчего долго перекатывалось громкое ура, отъ хутора къ хутору.

Въ сосѣднія съ нами къ западу деревни пришли къ вечеру полки 27-й пѣхотной дивизіи и стали располагаться на ночлегъ. Чебышовъ и Погоржанскій, гуляя, проходили мимо ихъ расположенія и передали въ штабы полковъ о побѣдахъ въ Галиціи.

Въ тишинѣ и свѣжести яснаго осенняго вечера, со стороны пѣхотнаго бивака полились торжественные звуки молитвъ и народнаго гимна; послѣ короткаго перерыва вспыхнуло и прокатилось звонкимъ эхомъ по окрестностямъ — громогласное ура. Все это говоритъ о томъ, что пѣхотныя части снова собрались въ порядкѣ, вокругъ своихъ командировъ и родныхъ знаменъ.

Вернувшіеся разъѣзды сообщаютъ о занятіи крупными силами противника Волковышекъ и дальнѣйшемъ ихъ движеніи на Маріамполь; въ сторону Пильвишекъ обнаружено лишь движеніе одной конницы.

2 сентября.

Легкій почтительный стукъ въ дверь прерываетъ нашъ сонъ.

Ординарецъ при Штабѣ полка Палѣй передаетъ письменное приказаніе — назначить отъ нашего эскадрона три офицерскихъ разъѣзда, — одинъ силою во взводъ и два по двѣнадцати коней; начальникамъ разъѣздовъ немедленно явиться въ Штабъ дивизіи за полученіемъ задачъ.

Марковъ, Погоржанскій и я быстро вскакиваемъ, моемся, пьемъ молоко съ ковригой чернаго хлѣба и при свѣтѣ восходящаго солнца идемъ въ Штабъ дивизіи.

Самсонъ сообщаетъ намъ обстановку. — Армія сегодня отходитъ на линію Дембова Буда—болото Амальва-Симно. XXVI-й Корпусъ отошелъ сѣвернѣе Козлово-Рудской пущи, въ южную опушку которой упирается правый флангъ III-го Корпуса. Что дѣлается въ этомъ прорывѣ, заполненномъ вѣковыми лѣсами — неизвѣстно. Въ дер. Высокую Руду вчера къ вечеру былъ посланъ взводъ казаковъ. Отъ нашей бригады приказано выслать серію разъѣздовъ. Мнѣ со взводомъ дается задача развѣдать западную опушку пущи, Погоржанскому сѣверную и Маркову наблюдать дорогу изъ Пильвишекъ на Высокую Руду, находясь въ дер. Гернупе. Срокъ — до 6 часовъ вечера 3-го сентября. Донесенія посылать на станцію Козлова Руда.

Черезъ полчаса, всѣми тремя разъѣздами вмѣстѣ, двигаемся по проселку, среди хуторовъ и поросшихъ кустарникомъ, пригорковъ. Втягиваемся въ вѣковой, густой боръ. Становится зябко отъ задержавшагося въ немъ ночного холода. Наши голоса звучатъ звонче и кажутся болѣе громкими. Вотъ онѣ, воспѣтыя Сенкевичемъ, литовскія дубравы, колыбель моихъ предковъ. Марковъ сворачиваетъ налѣво, — ему осталось всего полторы версты до цѣли его путешествія.

Въ разбросанномъ среди лѣса селѣ Высокая Руда расположился взводъ казаковъ; чувствуютъ они себя

затерянными и рады нашему приходу. Мой путь и Погоржанскаго отъ этого села расходятся.

Пройдя восемь верстъ къ западу мой разъѣздъ выходитъ на опушку лѣса. Натко посланъ узнать отъ крестьянъ-литовцевъ, что слышно и видно по окрестнымъ мѣстамъ. Онъ сообщаетъ, что весь вчерашнiй день бродили вокругъ нѣмецкiе разъѣзды, но въ пущу не втягивались. Въ дер. Потомашупе, что въ двухъ верстахъ впереди насъ, ночевало не меньше сотни нѣмцевъ, выставлявшихъ охраненiе въ сторону лѣса. Раннимъ утромъ они ушли. Видно густой громадный боръ вселяетъ въ нихъ жуть и безпокойство.

Смотрю на часы, — ровно десять утра. Дозорные справа докладываютъ, что въ верстѣ отъ насъ видны пѣхотинцы. Сворачиваю въ ихъ направленiи. Люди, несомнѣнно въ русской формѣ, долго въ насъ всматриваются, прикрывши глаза ладонью отъ солнца. Двадцать два бородатыхъ грязныхъ солдата, покрытыхъ хвойными иглами и паутиной, настоящiе лѣсные жители, расположились вокругъ потухшаго костра и ѣдятъ печеную картошку, вынимая ее пальцами изъ горячей золы. Оказались они отставшими пѣхотинцами 56-й дивизiи, потерявшими всякую идею, куда двигаться дальше. Я построилъ ихъ и приказалъ Кобзарю вести въ Высокую Руду, гдѣ передать казакамъ для дальнѣйшаго направленiя къ нашей пѣхотѣ.

Двигаясь дальше къ сѣверу, я замѣтилъ одинокiй скрытый въ деревьяхъ фольваркъ. Здѣсь я рѣшилъ устроить нашу базу и ночлегъ.

Раздѣливъ взводъ на двѣ части, приказалъ Дервелю съ пятнадцатью людьми оставаться въ имѣнiи, самъ же съ остальными двинулся въ дальнѣйшую развѣдку. Мѣстность пересѣченная съ разбросанными повсюду хуторами. Населенiе намъ сочувствуетъ и всячески старается помочь. Натко все время находится при мнѣ въ роли переводчика. Нашимъ главнымъ врагамъ-самокатчикамъ по грязи мѣстныхъ проселковъ не проѣхать и нѣ-

скольких шаговъ. Все это въ большой степени облегчаетъ мнѣ развѣдку.

Пробродивъ до трехъ часовъ дня, наблюдая за это время движеніе нѣмецкихъ колоннъ, встрѣчая кавалерію, всюду распрашивая черезъ Натку мѣстныхъ жителей, — я ужъ въ точности представлялъ себѣ обстановку, сложившуюся въ раіонѣ пущи и къ сѣверо-западу отъ нея. Особенно мнѣ помогъ фельдшеръ изъ города Шаки, бѣжавшій оттуда и встрѣтившійся мнѣ по дорогѣ. Нашъ XXVI корпусъ отходилъ въ теченіи вчерашняго дня на сѣверо-востокъ по направленію на Средники. Сегодня съ утра, преслѣдуя его, движутся на Шаки и Лукше германскія войска, силою не меньше чѣмъ въ корпусъ, охраняясь въ сторону Козлово Рудскихъ лѣсовъ кавалеріей и пѣхотными боковыми отрядами.

Находясь непрерывно въ движеніи больше десяти часовъ, рѣшаю сдѣлать привалъ. Купивъ сала, яицъ и хлѣба для людей и сѣна для лошадей, въ изобиліи найденныхъ въ двухъ хуторахъ, расположенныхъ у опушки, ухожу поглубже въ лѣсъ.

Небо заволоклось тучами, несущими съ собой прохладу и сырость. Поднявшійся вѣтеръ зашумѣлъ въ вершинахъ деревьевъ. Сдѣлавъ часовой привалъ, веду разъѣздъ въ выбранный утромъ для ночлега фольваркъ Дембова Буда. Погода окончательно испортилась — стало туманно и холодно. Пройдя четырнадцать верстъ отъ мѣста привала, сначала лѣсомъ, потомъ полями, подхожу къ желанному мѣсту ночлега. Завидя мое приближеніе издали, Дервель прислалъ мнѣ навстрѣчу Межевого, — доложить, что все благополучно. На поле ложится туманная мгла; смеркается рано. Уже можно было различить огоньки, зажегшіеся въ домахъ, темнѣвшихъ вдали деревень, когда я въѣхалъ въ ворота широкаго двора, продѣлавъ за день не менѣе семидесяти верстъ.

Первымъ долгомъ пишу подробное донесеніе и поручаю доставку его унтеръ-офицеру Ободину на кровномъ конкурномъ конѣ «Жерновѣ». Обхожу фольваркъ.

Съ двухъ сторонъ ограниченъ онъ двумя большими сараями, съ третьей — приземистымъ оштукатуреннымъ домомъ съ крылечкомъ и небольшимъ садомъ, съ четвертой стороны — высокій заборъ съ воротами, выводящими на дорогу прямо въ лѣсъ. Помѣщики пожилые люди — мужъ и жена. Знакомлюсь съ ними. Изъ подъ густыхъ, какъ литовскій боръ, нависшихъ бровей, смотрятъ на меня глубоко сидящіе спокойные привѣтливые глаза пана Марцинкевича.

Сопровождая меня, Дервель докладываетъ, что передъ вечеромъ прошелъ въ лѣсъ по направленію на Высокую Руду нѣмецкій эскадронъ, и что батракъ изъ фольварка обѣщалъ разузнать все что дѣлается въ деревняхъ вокругъ.

Я приказываю завести всѣхъ лошадей въ сарай и запереть его изнутри. Супруги Марцинкевичи хлопочутъ по хозяйству, выдавая фуражъ и продукты для взвода и готовя ужинъ.

Нѣсколько комнатъ съ низкими потолками и блестящими навощенными полами, по которымъ положены всюду половички и дорожки. Старинная мягкая мебель; въ углахъ повсюду иконы. Окна, по моей просьбѣ, наглухо завѣшиваются. Садимся за ужинъ. Уютно бурчитъ самоваръ, уютно горитъ керосиновая лампа подъ абажуромъ, уютные гостепріимные люди сидятъ со мной за столомъ.

Въ эту мирную, покойную обстановку неожиданно ворвались звуки частаго ружейнаго огня. Я выскочилъ на дворъ. Мои люди, съ винтовками въ рукахъ, тревожно вслушивались въ казалось совсѣмъ близкіе раскаты пальбы. Вскорѣ все стихло. Зато поднялась стрѣльба гдѣ то глубже въ лѣсу и долго не смолкала. Въ темнотѣ осенней, вѣтренной ночи въ двухъ шагахъ ничего нельзя было разобрать. Я погналъ людей въ сарай спать.

Вернулся снова къ свѣту и теплу освѣщенной столовой. Хозяева сидѣли блѣдные, въ глазахъ читалась тревога. Послѣ ужина я снова вышелъ во дворъ. Въ са-

раѣ тускло мерцала свѣча въ ручномъ фонарѣ, привѣшанномъ на гвоздикъ. При ея освѣщеніи безпорядочно темнѣли фигуры лежащихъ на соломѣ людей. Вокругъ стояли кони, подъ сѣдломъ съ отпущенными подпругами, вздыхали и лѣниво пережевывали сѣно.

Близко отъ воротъ стоитъ часовой. Подхожу къ нему. Вокругъ глухо гудитъ боръ отъ набѣгающаго порывами вѣтра. Слышно, какъ скрипятъ при сгибаніи сухія деревья. Начинаетъ моросить мелкій дождикъ.

Я возвращаюсь въ домъ, располагаюсь на диванѣ. Слышу стукъ въ дверь, чьи то голоса въ передней. Выхожу. Въ сѣняхъ, гдѣ дверь дрожитъ отъ напора вѣтра и дуетъ со всѣхъ щелей, какой-то кудлатый, промокшій босой мужикъ быстро объясняетъ что то на литовскомъ языкѣ Дервелю. Онъ оказывается батракомъ, ходившимъ на развѣдку.

Вооружаюсь картой и фонаремъ и внимательно слушаю свѣдѣнія, что онъ принесъ. — Нѣмецкая кавалерія небольшими частями вошла сегодня днемъ въ пущу. Вечеромъ произошло столкновеніе съ небольшимъ русскимъ разъѣздомъ. Нѣмцы обстрѣляли его, а затѣмъ за нимъ погнались; но попавъ сами подъ обстрѣлъ, вернулись къ опушкѣ лѣса. Поблагодаривъ батрака я далъ ему десять рублей въ награду, за что неожиданно онъ поцѣловалъ мнѣ руку.

Засыпаю на диванѣ чуткимъ сномъ. Барабанитъ въ окна, а при порывахъ вѣтра сѣчетъ, косой осенній дождь.

3 сентября.

Чуть брезжитъ разсвѣтъ. Дерваль съ отдыхавшей вчера половиной взвода идетъ въ развѣдку на тѣ мѣста, по которымъ вчера я ходилъ съ разъѣздомъ. Къ Высокой Рудѣ посылаю трехъ кирасиръ узнать, что тамъ происходитъ. Самъ съ остальными людьми ухожу по лѣсной дорожкѣ на версту въ глубь лѣса, гдѣ по словамъ батрака стоятъ два сарая для сѣна.

Дождя нѣтъ. Кругомъ все заволокло туманомъ. На лѣсной полянѣ, на которой сходятся три дорожки, стоитъ новый сарай и развалившійся старый. Разставляю посты. Батракъ уходитъ снова по собственному желанію на развѣдку. Видимо вошелъ во вкусъ.

Едва взошло солнце и освѣтило лѣсъ и поляну, волны тумана разсѣялись и сразу стало суше и теплѣе. Возвратившіеся изъ Высокой Руды кирасиры докладываютъ, что въ селѣ нѣтъ ни нашихъ, ни нѣмцевъ. По словамъ крестьянъ, вчера вечеромъ происходила длительная и частая ружейная перестрѣлка, послѣ которой казаки ушли въ одну сторону, а нѣмцы въ другую.

Днемъ на солнцѣ стало даже жарко.

Батракъ принесъ свѣдѣнія, что изъ Гришкабуды въ сторону пущи прошло двѣсти нѣмецкихъ кавалеристовъ и что теперь они должны уже втягиваться въ лѣсъ. Взявъ пять человѣкъ, я проѣхалъ къ мѣсту, гдѣ дорога переходитъ въ пущу. Съ дерева, куда меня подсадили, дѣйствительно увидалъ нѣмецкій эскадронъ, втягивавшійся въ лѣсъ; ясно замѣтны были два вьючныхъ пулемета. Въ деревнѣ Потомашупе также обнаружили стоявшую тамъ непріятельскую кавалерію.

Подъ вечеръ я съ людьми вернулся въ фольваркъ. Хозяева сообщили, что днемъ близко прошелъ нѣмецкій разъѣздъ. Задача моя и по добытымъ свѣдѣніямъ и по сроку кончена. За окнами мало по малу тускнетъ дневной свѣтъ. А Дервель все еще не возвращается.

Наконецъ онъ появился съ разъѣздомъ на усталыхъ и взмыленныхъ лошадяхъ. Оказывается ему пришлось порядочно походить карьеромъ, прежде чѣмъ уйти отъ ловившихъ его нѣмцевъ. Свѣдѣнія имъ привезенныя подтвердили данныя, добытыя вчерашней развѣдкой.

Дѣлать обратный длинный путь на измученныхъ лошадяхъ невозможно и я рѣшаю снова переночевать въ полюбившемся намъ уютномъ фольваркѣ.

Догорѣла холодная осенняя заря и снова опустилась кромѣшная тьма. Пришедшій батракъ принесъ свѣ-

КРАНЧЪ
ЛАБІАУ
ДЕЙМЕ
КЕНИГСБЕРГЪ
ПРЕГЕЛЬ
ТАПІАУ
ЛЕВЕНХАГЕНЪ
ЛѢСЪ
БРАНДЕНБУРГЪ
САКЕРАУ
УДЕРВАНГЕНЪ
ФРИШЕНГ
ОЛЕВИТТЕНЪ
ЛЛЕНБУРГ
АБШВАНГЕНЪ
МЮЛЬХАУЗЕНЪ
ГЕОРГЕНАУ
ДОМНАУ
ОКАПСИТЕНЪ
ПР. ЭЙЛАУ
ЛАНДСБЕРГЪ
БАРТЕНШТЕИНЪ

МЕЛАУКЕНЪ
ГР. БЕРШКАЛЛЕНЪ
ИНСТЕРБУРГЪ
ИНСТЕРЪ
НОРКИТТЕНЪ
ВЕЛАУ
ОЭШЕНБРУХЪ
УШБАЛЛЕНЪ
ЛѢСЪ
РАНИБРУХЪ
ФРИДЕРИКЕНРУ.
МЮЛЬДЗЕНЪ
ЮДЛАУКЕНЪ
ДАРКЕМЕНЪ
ГЕРДАУЕНЪ
ЛИНДЕНГОФЪ
АНГЕРАПЪ
ГОЛЬДАПЪ
АНГЕРБУРГЪ
КОРШЕНЪ

дѣнія, что нѣмцы ночуютъ въ деревняхъ на опушкѣ лѣса и что высланные впередъ разъѣзды при немъ вернулись обратно. Ему удалось пройти по дворамъ, гдѣ они стали на ночлегъ, и замѣтить крайнюю усталость и людей и лошадей. Снова получивъ десять рублей, батракъ пошелъ спать, обѣщавъ разбудить насъ за часъ до разсвѣта. Ночь прошла въ полномъ покоѣ.

4 сентября.

Отъ сладкаго сна отвлекъ будившій меня Межевой, за нимъ стоялъ, непрестанно зѣвая и скребя за пазухой всей пятерней, нашъ пріятель-батракъ. Въ освѣщенной лампой столовой кипѣлъ самоваръ, приготовлены были бутерброды съ литовскимъ сыромъ и въ ожиданіи меня сидѣли милые заботливые хозяева.

Въ полной темнотѣ, имѣя проводникомъ батрака, надѣвшаго тулупъ, но по прежнему босикомъ, обходя деревни занятыя нѣмцами, мы углубились въ лѣсъ. Отъ сырости и холода всѣ дрожали и ежились. Окружающіе предметы постепенно вырисовывались изъ мрака — наступалъ разсвѣтъ. Пройдя четыре версты настораживаемся. Передъ нами проходитъ дорога съ разбросанными по ней хуторами. Все благополучно. Снова втягиваемся въ лѣсъ. На его опушкѣ лежитъ подъ кустами какая то масса, приводя въ панику нашихъ лошадей. Дервель всматривается и взволнованно произноситъ, — «Жерновъ». Сомнѣній нѣтъ, — передъ нами лежитъ его трупъ съ пробитой пулей головой.

Какова же судьба Ободина и моего донесенія?

Идемъ дальше узкой тропинкой, прячущейся въ высокой травѣ и лѣсной заросли. Пройдя еще пять верстъ, при свѣтѣ восходящаго солнца, выходимъ къ большому селенію Козлова Руда, вытянувшемуся узкой лентой дворовъ вдоль ручья и запруды. Посланные дозорные доносятъ, что въ немъ стоитъ 4-й эскадронъ Кирасиръ Его Величества.

Корнетъ Писаревъ разсказываетъ мнѣ, что вчера пѣшкомъ пришелъ Ободинъ и доставилъ донесеніе, которое по железнодорожному телеграфу было передано въ Штабъ арміи. Со вчерашняго дня станція эвакуирована. Бригада вчера стояла въ Гивишкахъ, но въ виду того, что армія отошла, мѣсто ея бивака конечно измѣнилось. Нѣмцы наступали на Козлову Руду, но были отбиты кирасирами.

Не теряя времени, снова густымъ лѣсомъ, продолжаю свой путь. Верстъ черезъ пять выходимъ къ желѣзнодорожному полотну. Сзади начинается артиллерійская стрѣльба; обернувшись замѣчаемъ бѣлыя облачка шрапнельныхъ разрывовъ. Выйдя на опушку пущи, прошли сквозь охраненіе отъ 25-й пѣхотной дивизіи. Сдѣлавъ переходъ отъ мѣста ночлега въ сорокъ верстъ, подходимъ къ станціи Мавруце.

Кругомъ кипитъ жизнь. — Стоитъ нѣсколько поѣздовъ. У самой платформы — санитарный, куда переносятъ раненыхъ изъ станціонной залы, временно превращенной въ лазаретъ. Развѣваются бѣлыя косынки сестеръ милосердія; ихъ усталыя блѣдныя лица говорятъ о напряженной работѣ и безсонныхъ ночахъ.

Стараюсь разузнать, гдѣ стоитъ наша бригада, но тщетно. Мнѣ совѣтуютъ обратиться въ Штабъ 25-й дивизіи, расположенный неподалеку, въ имѣніи.

На платформѣ сталкиваюсь съ трубачомъ Вихманомъ. При видѣ меня въ его глазахъ изобразилось не то недоумѣніе, не то испугъ. Оказывается вчера вечеромъ изъ Штаба III-го Корпуса было передано, что по словамъ отошедшихъ изъ Высокой Руды казаковъ, — я убитъ, а мой разъѣздъ полностью уничтоженъ.

Вихманъ, пріѣхавшій за перевязочнымъ матеріаломъ, разсказываетъ мнѣ, что бригада ночевала и стояла сегодня утромъ въ 6-ти верстахъ отсюда въ деревнѣ Скравдзе, но готовилась къ выступленію, ожидая приказанія о переходѣ въ другое мѣсто.

Выйдя на площадь передъ вокзаломъ къ оставленному мною здѣсь взводу, съ радостью увидалъ Ободи-

на. Онъ мнѣ доложилъ, что третьяго дня вечеромъ при проѣздѣ черезъ дорогу, гдѣ мы видѣли трупъ его коня, онъ былъ обстрѣлянъ изъ хутора. «Жерновъ» свалился убитымъ. Верхъ фуражки пробила пуля. Несмотря на ушибъ ноги, Ободинъ бросился въ лѣсъ и проблуждалъ въ немъ до разсвѣта. Утромъ онъ вышелъ на Козлову Руду, былъ накормленъ и напоенъ кирасирами Его Величества и отправленъ на желѣзнодорожную станцію.

Принявъ, сразу при встрѣчѣ, мое донесеніе, Командиръ Кирасирскаго эскадрона Петровскій отправилъ его немедленно на телеграфъ. Сюда, въ Мавруце Ободинъ пріѣхалъ съ послѣднимъ поѣздомъ желѣзнодорожнаго баталіона. Въ немъ же его пріютили до тѣхъ поръ, пока онъ не узнаетъ, гдѣ стоитъ нашъ полкъ.

Кирасиръ Емецъ лежитъ на травѣ въ сильномъ жару и страдаетъ. Изъ доклада Деревеля оказывается, что вчера въ разъѣздѣ онъ досталъ гдѣ то колбасу и видимо ею отравился. Оставляю Емеца въ лазаретѣ на станціи, а его коня приказываю передать Ободину.

Прихвативъ Вихмана, иду со взводомъ въ фольваркъ, занятый Штабомъ 25-й дивизіи. Ея Начальникъ генералъ Булгаковъ, узнавъ, что я пришелъ съ развѣдки, предложилъ мнѣ сдѣлать докладъ о всемъ мною обнаруженномъ.

Начальникъ Штаба полковникъ Романовскій, порывшись въ бумагахъ, сообщилъ, что наша бригада перешла въ фольваркъ Хлѣбишки, около 20 верстъ отсюда къ югу, и простоитъ вѣроятно въ немъ и завтрашній день.

Булгаковъ, молодцеватый генералъ, съ молодыми живыми глазами, гостепріимно предложилъ мнѣ съ разъѣздомъ оставаться въ Штабѣ его дивизіи до завтрашняго утра. Люди и лошади моего взвода прекрасно размѣщены и накормлены.

Проспавъ до вечера, я былъ разбуженъ приглашеніемъ идти ужинать. Генералъ Булгаковъ отнесся ко мнѣ съ рѣдкимъ вниманіемъ и радушіемъ, несмотря на

мой скромный чинъ. Въ концѣ ужина онъ заинтересовался участіемъ нашей дивизіи въ операціяхъ начала Августа. Ставъ со стола генералъ пригласилъ меня къ себѣ въ комнату къ большой картѣ; сюда же пришли Романовскій и еще два штабныхъ офицера. Намъ подали чай.

Я узналъ изъ бесѣды, что къ вечеру приша диспозиція, по которой I-я армія съ заврашняго числа должна уходить на правый берегъ Нѣмана, а также новость меньшаго значенія, что сегодня утромъ Высока Руда и Козлова Руда заняты нѣмцами.

Булгаковъ съ печалью и неудовольствіемъ говорилъ о предстоящемъ уходѣ арміи за Нѣманъ, считая, что наши части за послѣдніе дни подтянулись, что на дняхъ ожидаются пополненія и что наступленіе нѣмцевъ выдохлось. Я вставилъ свое слово, что жалко порыва, побѣдъ первыхъ дней и многочисленныхъ жертвъ, принесенныхъ ради того, чтобы вернуться снова въ исходное положеніе.

Романовскій, сидѣвшій до того молча и сосредоточенно, возразилъ мнѣ, чеканя слова, за которыми чувствовались продуманность и сила убѣжденія.

«Нѣтъ, жертвы принесены не напрасно. И не напрасно, не успѣвъ даже полностью сосредоточиться, армія наша пошла впередъ, безъ тяжелой артиллеріи, безъ обозныхъ транспортовъ и безъ приготовленныхъ въ армейскомъ тылу пополненій. Пошла завѣдомо, въ ловушку, тщательно готовившуюся врагомъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ.

Конечно, наше наступленіе не можетъ называться серьезно подготовленной операціей, оно — лишь легкомысленный набѣгъ.

Наше понятіе о цѣлесообразности въ этомъ вопросѣ, не выходитъ за предѣлы нашей I-й арміи; но вспомните, что кромѣ нея существуютъ еще семь такихъ же армій и главное — фронтъ союзниковъ.

И вотъ при подходѣ съ точки зрѣнія общей цѣлесообразности и взаимной выручки, оказывается, что

нашъ легкомысленный набѣгъ сыгралъ громадную положительную роль и наши товарищи сложили свои головы не напрасно».

5 сентября.

Поблагодаривъ радушныхъ хозяевъ, раннимъ утромъ двинулся въ Хлѣбишки.

Въ полку меня встрѣтили, какъ воскресшаго изъ мертвыхъ.

Наша бригада получила задачу прикрывать переходъ войскъ III-го Корпуса на правый берегъ рѣки Нѣмана и вести развѣдку въ сторону противника.

6 сентября.

Весь день идетъ дождь. Тѣсно, скучно и холодно.

7 сентября.

Конно-Саперная команда, обозъ I-го разряда и части, послѣдними пришедшія съ развѣдки, въ томъ числѣ Погоржанскій и я съ 3-мъ и 4-мъ взводами, сегодня уходимъ за Нѣманъ.

Пройдя восемнадцать верстъ, приближаемся къ переправѣ противъ мѣстечка Дорсунишки. Версты за три до рѣки, проходимъ мимо пѣхотнаго баталіона; солдаты, составивъ ружья въ козлы, работаютъ подъ руководствомъ саперъ, надъ отдѣлкой линіи уже вырытыхъ окоповъ. Здѣсь подготовлена предмостная позиція, или такъ называемый тэтъ де понъ.

Берегъ Нѣмана высокъ и обрывистъ. По его глинистому скату сбѣгаетъ внизъ проложенная зигзагами дорога. Въ покрывающую ее жидкую грязь навалены срубленныя вѣтки, жерди и небольшіе камни.

Спускъ все же крутой и трудный. Артиллеристы и

обозные, подоткнувъ полы шинелей подъ пояса, цѣпляются руками за спицы колесъ и поддерживаютъ съ боковъ кренящіеся въ стороны орудія, передки и повозки.

Дали затянуты мутной сѣткой моросящаго дождя.

Набухшій отъ осеннихъ дождей, широкій Нѣманъ быстро несетъ свои холодныя свинцовыя волны съ коегдѣ ныряющей по нимъ палой бурой листвой. Набѣгающій порывами вѣтеръ покрываетъ рябью поверхность рѣки и низко гнетъ ростущія по берегу сосны и березы.

Вокругъ нѣсколькихъ дворовъ, затерявшихся въ прибрежномъ кустарникѣ, расположилась пѣхота.

По очереди, не въ ногу, на извѣстныхъ интервалахъ, проходятъ по мосту, рота за ротой. Настилъ положенъ на длинный рядъ вытянутыхъ вдоль теченія рѣки неуклюжихъ понтоновъ, въ которыхъ съ шестами и длинными веслами въ рукахъ, стоятъ посинѣвшіе отъ стужи солдаты понтоннаго баталіона. Порядокъ на мосту поддерживается дежурными офицерами и унтеръ-офицерами; ихъ власть здѣсь неограничена и подчиняться имъ всѣ должны безкрекословно.

Подходитъ наконецъ и наша очередь. Слѣзаемъ съ лошадей и ведя ихъ въ поводу, спускаемся на мостъ.

Съ этого момента первый періодъ войны для насъ кончается, — мы вновь переходимъ въ исходное положеніе. Въ моей памяти четко вырисовываются слова Романовскаго о цѣлесообразности наступленія, какъ онъ назвалъ набѣгъ, въ Восточную Пруссію. Жертвенность этого набѣга, по его словамъ, въ которыя я твердо увѣровалъ, принесла большую, быть можетъ спасительную пользу общему дѣлу борьбы съ противникомъ.

Иду по мосту рядомъ съ Погоржанскимъ, впереди полуэскадрона. Булькаетъ и пѣнится вода, встрѣчая препятствія своему стремительному бѣгу. Со стороны все приближающагося къ намъ, расположеннаго на высокомъ берегу мѣстечка, доносится монотонный благовѣстъ католическаго костела.

Мы переносимся мыслями въ Гатчину, въ нашу пол-

ковую церковь. Въ ней стоятъ ветхіе, сѣдые Штандарты, дарованные полку Россійскими Императорами, начиная съ Великаго Петра. За ними — на траурныхъ доскахъ — имена тѣхъ, кто палъ въ бояхъ, подъ ихъ сѣнью, на протяженіи двухъ вѣковъ.

Шесть офицеровъ и сорокъ два кирасира, пріявшихъ кончину храбрыхъ въ Восточной Пруссіи, продолжатъ славный полковой синодикъ...

КОНЕЦЪ I-го ПЕРІОДА.

IMPRIMERIE «PASCAL», 13, RUE PASCAL, PARIS-5e

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный магазинъ Е. Сіяльской,

2, RUE PIERRE-LE-GRAND,

PARIS-8°